

с почитаньем приносить,
чтобы в Царстве все творенья
через Воху-Ману вы
довели до совершенства.

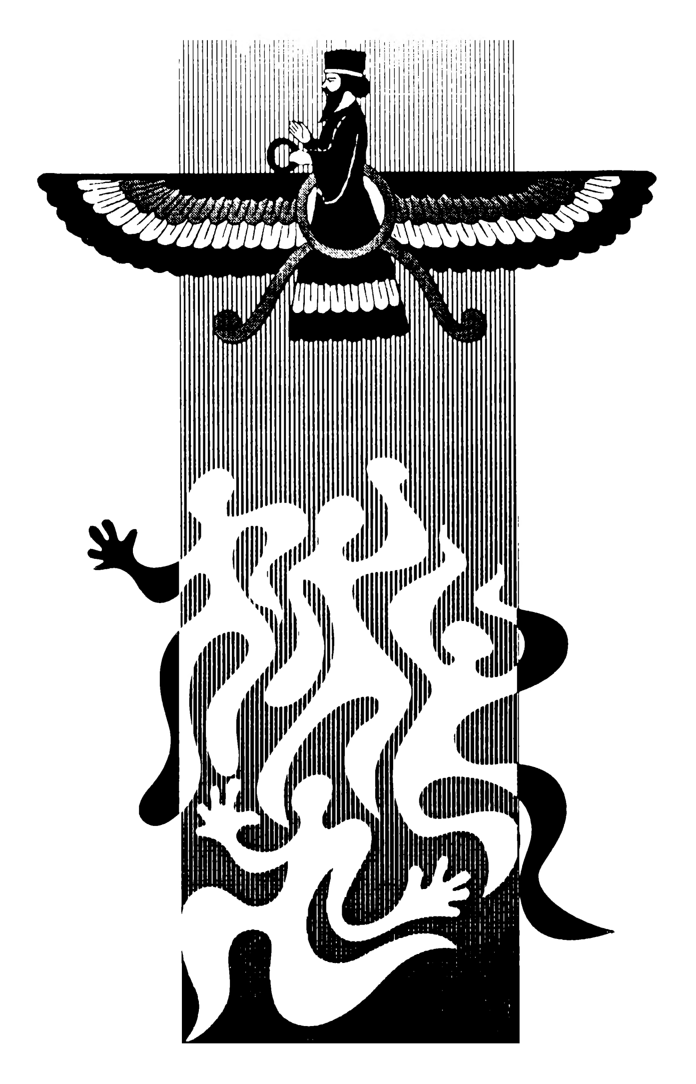
Мазда, Твоему Огню,
что силен посредством Правды,
мы желаем, чтобы он
для исполненного веры
стал наградой; для врага
веры — мукой беспредельной.

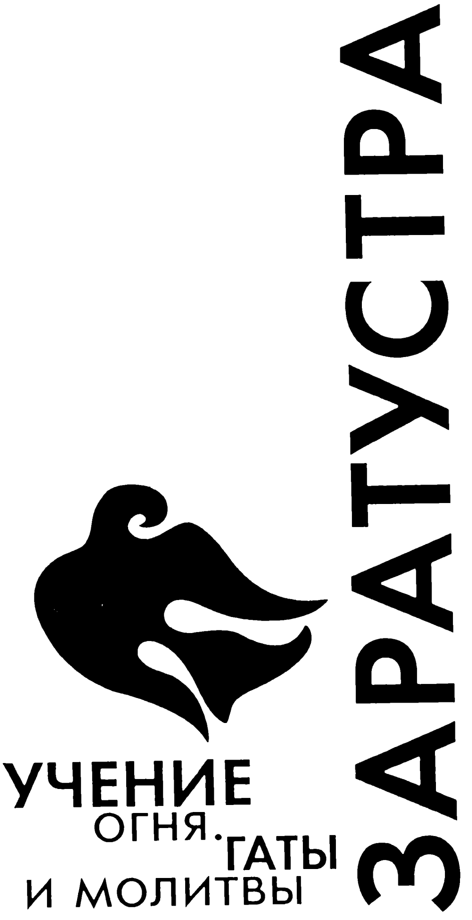
Так ли ваша власть сильна,
Мазда, Арта, Воху-Мана,
чтоб от злобы защитить

УЧЕНИЕ ОГНЯ. ГАТЫ И МОЛИТВЫ

святые
ПРАВЕДНИ
последовате
ЗА

ЗАРАТУСТРА

УЧЕНИЕ ОГНЯ. ГАТЫ И МОЛИТВЫ

Москва
ЭКСМО-Пресс
2002

арийский ПРОРОК по имени ЗАРАТУШТРА

Заратуштра, Заратустра, Зороастр — это имя произносят по-разному, но знакомо оно многим. Учение Заратуштры давно принадлежит общечеловеческому культурному наследию. Однако, как нередко случается с величайшими достижениями человеческого разума, сделавшись всеобщим достоянием, они теряют свою уникальность, становятся привычными, а потому — незаметными. О них забывают, как о фундаменте, несущем стены. Но пока он держит строение, можно не бояться быть погребенным под рухнувшими стенами.

Современный человек знает о Заратуштре преимущественно по книге Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». Специалистам-востоковедам известны переводы частей Авесты,

священной книги последователей учения Заратуштры. И лишь немногие осознают тот революционный и новаторский прорыв, который совершил древний пророк в богословии и религиозной практике.

Личность Заратуштры открывается сегодняшнему читателю в трех ипостасях: исторической, мифической и реальной. Историчность личности пророка время от времени подвергается сомнению, но дошедшие до нас проповеди Заратуштры — «Гаты» — свидетельствуют о существовании реального автора. Воображение последовавших за ним поколений лишь украсило его образ яркими мифами.

«Заратуштра» — обычное «внешнее» арийское имя, в приблизительном переводе означающее — «обладатель старого верблюда» (**уштра** — «верблюд»; **зарат** — «старый»). «Внешнее» имя будущего пророка говорит о магическом этикете его народа. Оно призвано предохранять своего носителя от влияний вредоносной магии — трудно причинить колдовской вред человеку, носящему столь непритязательное имя. Истинное, сокровенное, имя Заратуштры хранилось в великой тайне и нам не известно.

Заратуштра происходил из наследственного сословия и племени магов, некогда выделившегося из среды арийских племен в западной части страны Арианы (ныне Иран).

Как и его предки, Заратуштра обучился произнесению мантр — боговдохновенных заклинаний, магическая сила которых призвана была воздействовать на телесный мир.

Его собратья по сословию нередко использовали силу заклинаний и сопутствующие обрядовые действия (жертвоприношения, возлияния и молитвенные пения) для нанесе-

ния вреда врагам. По отношению к своим соплеменникам, и шире — арийским племенам, маги чаще были защитниками и совершали обряды охранительной магии.

Для своего колдовства маги привлекали могущественные силы многочисленных богов (дэвов) различных природных явлений — ветра, наводнения, пожара, засухи, морового поветрия,— а также силы еще более могущественных дэвов небесных светил — Солнца, Луны, Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна.

Главным своим родоплеменным и сословным покровителем, источником неограниченной власти над земным миром маги считали величайшего из дэвов, олицетворявшего небесную силу планеты Юпитер. Дэв имел много сакральных имен, и, согласно многовековой традиции, именно он посредством своих мыслей, облеченных в слова, сотворил весь вещественный телесный мир. Потому маги, соплеменники Заратуштры, чтили его больше остальных. Этому дэву они уподобляли себя и, подражая ему, облекали свои мысли (как добрые, так и злые) в слова призываний, заклинаний, проклятий и благословений, с помощью которых стремились изменять реальность земного мира, «творить» вещи и события.

Арийские маги не были одиноки в своем веровании. Аналогичную доктрину приняли многие жреческие сословия других племен и народов: от шаманов северных лесных стран до брахманов Индостана, от кельтских друидов и эллинских жрецов до иудейских первосвященников и пророков.

Все они пытались привлечь могучие силы небожителей для свершения возмездия врагам через обряды вредоносной магии и защитить своих соплеменников-единоверцев от от-

ветных воздействий колдунов иных народностей и племен, ведущих вечную войну друг с другом не только смертоносным оружием, но и магическим словом.

Маг по имени Заратуштра Спитама восстал против такого порядка вещей. Ему выпала участь принести в мир новую веру.

Суть послания Заратуштры человечеству вкратце такова. Существует два мира, данных нам в ощущениях,— мир телесный, вещественный, и мир бестелесных сущностей. Первый мир преходящ, был сотворен и будет разрушен. Второй — непреходящ, вечен и неуничтожим. Последний является причиной и основой всего бытия. Его дотелесные прообразы могут иметь вещественные воплощения, но способны существовать и без них.

Телесный, вещественный мир возник, изменяется и развивается в результате соединения двух духов: Святого Духа (Спента-Манью) и Злого Духа (Анхра-Манью). В каждой вещи противоборствуют созидательный Добрый Помысел и разрушительный Злой Умысел. Телесный мир — великая арена их борьбы, и существует он лишь в состоянии одновременного становления и разрушения.

Единовластный правитель мира бестелесных сущностей и есть высший Бог, творец вселенной. Он посредством Божьего Промысла и предопределения творит вселенную и определяет пути ее изменения и развития. Этого высшего Бога Заратуштра назвал Властелином Мысли (Ахура-Маздой) и лишь его одного объявил достойным почитания и молитвы.

Изменил Заратуштра и представления людей о богопочитании и молитве. Он первым убедил соплеменников в том,

что для общения с Верховным Богом нужны не его телесные воплощения, изображения, изваяния и символы, а внутренняя духовная нить, связующая каждого человека с Творцом. Молитва стала погружением в мир бестелесных сущностей, сосредоточенной медитацией. Теперь она — великий труд души, призванный преодолеть множества препятствий и затруднений, которые телесное воплощение ставит на пути каждой души. Только поборов их, можно достигнуть подлинного просветления, душевного и телесного здоровья и долголетия при жизни, а после смерти тела — вечного блаженного бытия души.

Новая молитва сделала совершенно бессмысленным кровавое жертвоприношение животных перед образами божества. Сама идея жертвоприношения — отказаться от части земных благ ради небожителей, чтобы те воздали приносителю жертвы благами в этом же телесном мире,— обесценилась. Заратуштра учил, что Богу угодны лишь готовность обладателя души пожертвовать для него телом и благой, просветленный настрой самой души.

Современникам Заратуштры было трудно перейти к новому способу молитвы и богослужения. Духовные усилия, напряженная работа над собственной душой даются людям тяжело.

Такие усилия предполагают особый строй души. Об этом Заратуштра без устали твердит в своих проповедях и молитвах (гатах). Учение Заратуштры о ее устройстве тоже можно назвать реформаторским: он обозначил внутренние энергии, питающие душу.

Первая энергия — мысли, или мышления,— оценивает вещи с точки зрения их истинности или ложности. Ее он обозначил в именах Бессмертных Святых: Ахура-Мазда (Властелин Мысли), Спента-Манью (Святой Дух) и Воху-Мана (Добрый Помысел). Мысль в учении Заратуштры не только дает имя вещи, но и творит саму вещь.

Вторая энергия — наития, или интуиции,— это восприятие через бессознательное. Она помогает постигать явления, происхождение которых неясно, смутно, плохо объяснимо. Наитие связано с мышлением, как подводная часть айсберга с надводной. В доктрине Заратуштры наитие соединено с Мыслью и Божьим Промыслом.

Третья энергия души — чувство, определяющее ценность вещей, измеряющее человеческие отношения, приемлемые или неприемлемые для человека. Эта душевная энергия обозначена Заратуштрой священным именем Арта-Вахишта (Наилучшее Суждение, Здравое Суждение, Правосудие, Правда).

Четвертая энергия души — ощущение, позволяющее воспринимать вещи так, как они существуют сами по себе в действительности. Эту энергию Заратуштра обозначил двумя священными именами: Спента-Армайти (Святая Покорность) и Хшатра-Варья (Желанное Господство, Владычество, Власть).

Поскольку источник зла, согласно Заратуштре, помещен в глубинах человеческой психики и подвластен свободной личной воле, Гаты часто обращаются к проблеме нравственного выбора. Освобождение души человека от посмертного наказания за неправильный выбор в земном существова-

нии — тот краеугольный камень, на котором зиждется все величественное здание его учения.

В отречении от злых проявлений этих четырех энергий, ведущих к грехам гнева, гордыни, духовной лени, чревоугодия, насилия, скаредности, трусости, лжи, тщеславия и зависти, пророк усматривал путь спасения души и всего мира. Заратуштра призывал избавиться от злых мыслей, злых слов и злых дел.

Он убеждал своих слушателей в том, что, следуя добрым проявлениям энергий мысли, чувства, ощущения и наития, человек достигает здоровья и долголетия, целости и невредимости в телесном мире (Харватат) и блаженного бессмертия (Амэртат) в мире бестелесных сущностей.

Эти широко известные ныне принципы, лежащие в основе многих сегодняшних этических доктрин и практик, трудно давались современникам Заратуштры. И он, будучи вовлечен в кровавые события своего жестокого века, избрал не золотую середину душевных энергий, а избыток их. Поэтому иногда Добрый Помысел Заратуштры есть вооруженная добродетель, Наилучшее Суждение — жестокосердное правосудие, Желанная Власть — насилие по отношению к врагам, Святая Покорность — воинствующее благочестие.

А его последователи и приверженцы довели это до абсурда: «Где мы, там истина, благомыслие, правосудие, вера, праведность, святость. А там, где чужие,— ложь, злой умысел, несправедливость, безверие, богохульство, нечестие».

Сейчас нам может показаться, что послание Заратуштры давно уже известно человечеству и эта страница в истории

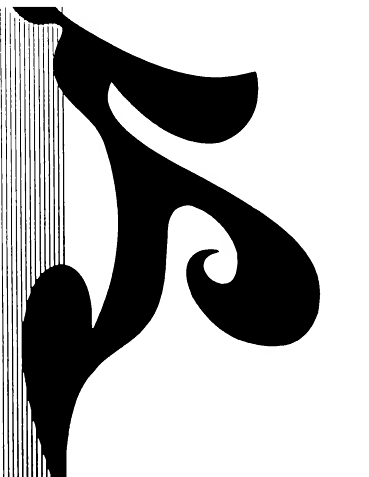
человеческой мысли перевернута безвозвратно. Но если пристальней вглядеться в окружающий миропорядок, то легко обнаружить, что люди продолжают избегать душевных усилий и работы над собой, избирая пути наименьшего сопротивления. А слово мудрости древнего пророка по-прежнему ждет своего слушателя и читателя.

А. Шапошников

ЗАРАТУШТРА

жизнеописания
проповедь
гаты
МОЛИТВЫ

В помощь ЧИТАТЕЛЮ

Приступая к рассказу о жизни Заратуштры, изложению его проповедей и молитв, необходимо помочь неискушенному читателю в освоении хоть и небольшого, но несущего огромную смысловую нагрузку перечня имен и слов, связанных с учением Заратуштры.

Диалекты древнеиранского языка, на которых написаны книги Авесты, — не просторечие. Они обладают яркими чертами особой наддиалектной нормы. Язык гат Заратуштры продолжает эзотерическую традицию сокровенной жреческой поэзии позднего общеиндоевропейского периода.

Для Заратуштры арийская жреческая речь, нарочито противопоставленная бы-

товому языку, обладала магическим всемогуществом. Ей приписывались возможность творения бытия нарицанием тайных имен и способность наделять богов формой и функциями.

Итак, рассмотрим необходимые нам понятия по порядку.

1. **Родоплеменные понятия**. Чаще всего встречаются родоплеменные имена **арии (арийцы)**, **туры (туранцы)** и **потомки Саримы**.

Ариев соответственно можно считать предками современных персов, бахтияров, белуджей, дарийцев, таджиков и всех арийцев Индостана; туранцев — предками современных осетин, пуштунов, ягнобцев и некоторых памирских племен; потомки Саримы — это современные курды. В древних преданиях упоминаются также народность хвиона (хьяона, хьона), именовавшаяся массагетами у древнегреческих авторов и расселявшаяся на территории между Каспием и Аралом. Саками в преданиях называли предков пуштунов и некоторых других афганских племен.

2. **Сословные наименования.** Заратуштра пользовался собирательным именем **карапаны** для обозначения сословия и племени магов (белых и черных), заклинателей, ведунов, знахарей, практиковавших вредоносную и охранительную магию. Это арийское сословие было идеологическим двойником неарийского племени и сословия соседних хуррито-урартских племен, извест-

ного под именем **халдеи**. Маги (карапаны) и халдеи считали своим покровителем бога небесной силы планеты Юпитер (Халди, или Гуру).

Часто упоминаются в гатах и преданиях — **кавии,** которые были не только сословием военных, но включали в себя поэтов, создателей эпических циклов сказаний о деяниях арийских витязей, героев и полководцев. Небесным патроном они считали бога планеты Меркурий — Тира, или Набу, а прародительницей и покровительницей этого царственного рода была богиня планеты Венеры — Ардви-Сура Анахита.

Вышеназванное арийское сословие в Персии было представлено младшей ветвью рода Хахаманишья (Кави Виштаспа, его сыновья и внуки), в Мидии и Атропатене — родом правителей Кави Каваты (VIII—VI вв. до н. э.), в Вавилоне — династией халдейских царей VI в. до н. э., в Индии — потомками так называемой Лунной Династии.

Кавиям принадлежит разработка эпических циклов, создание понятий и обожествленных олицетворений **хварно** (божья благодать, харизма) и **хаома** (священное растение, сок которого использовался для приготовления наркотического галлюциногенного напитка).

Третье сословие и род арийских царей-воинов **хшатрья** считали своим патроном бога планеты Марс (Индара Веретрагна). В Персии к этому роду принадлежала старшая ветвь царского племени Хахаманишья (цари Куруш-

Кир; Камбужия-Камбиз), а в Индии — раджи так называемой Солнечной Династии.

3. **Наименования особых видов деятельности**. В Авесте нередко упоминаются знахари-колдуны (**яту**), колдуньи (**парики**), жрецы (**заотары**), священнослужители огня (**атраваны**), заклинатели (**матраны**).

4. **Божества древнего арийского пантеона** Заратуштра собирательно именовал **дэвами** (дайва, даэва, дэва, дэв). Они олицетворяли различные проявления (как хорошие, так и плохие) сил и явлений Природы, Общества и Души. Дэвов Заратуштра считал недостойными кровавых жертвоприношений, молитвенных славословий и общенародного почитания.

Часто упоминаются дэвы **Друг** (Драуга, Друдж), олицетворявший ложь; **Айшма** (Аэшма, Эшма), олицетворявший гнев, ярость. Были дэвы-покровители пороков и грехов: **Араска** — зависть, **Заурва** — старость, **Варна** — похоть, **Ази** — жадность, **Спазга** — клевета. Дэвы природного зла: **Зэмака** — зима, **Апаоша** — засуха, **Асто-Видоту** — телесное разложение, **Насу** — гниение плоти, **Храфстра** — вредные животные (хищники, волки, змеи, жабы, насекомые).

В небесах главными дэвами пророк считал духов планет, нарушающих гармонию движения небесных сфер — **Тира** (Меркурий), **Веретрагна** (Марс), **Ардви-Сура Анахита** (Венера), **Зрван** (Сатурн). Не пользовались любовью пророка и самые почитаемые в народе дэвы

Солнца (**Митра**) и Луны (**Урвана**). Заратуштра даже не упоминает их в гатах.

В земном мире пособниками нередко выступают **кавии** — провидцы-поэты, **карапаны** — ведуны-дэвопоклонники, **яту** — колдуны-знахари, **парики** — колдуньи, **ашэмаута** — лжеучители, **сатары** — злые властители, **друджванты** — приверженцы лжи, неверные.

Над ними господствует **Анхра-Манью** (Ангроманью, Ахриман) — верховный Дух Зла, чей вестник и посредник **Ака-Мана** — Злой Умысел.

5. Божеств, достойных почитания, молитв и обращений через внутреннюю самость души, Заратуштра назвал **Бессмертными Святыми** (Амерта-Спента или Амэша-Спэнта). Пяти из этих божественных сущностей, лишенных человеческого облика и половозрастных признаков, он дал двусоставные имена:

Ахура-Мазда (Ахурамазда), Властелин Мысли — высший Бог-творец;

Арта-Вахишта (Аша-Вахишта), Наилучшее Суждение, Правильное Суждение, Правосудие, Правда — персонифицированная функция высшего божества, своего рода Небесный Судия;

Воху-Мана (Ваху-Манах) — Добрый Помысел, Благая Мысль— направленность мышления к добру;

Хшатра-Варья, Власть Желанная, Владычество Желанное, Царство Желанное — своего рода Царство Божье на земле и на небесах;

Спента Армайти, Святое Смирение, Святая Покорность — добродетель смиренного принятия Божьей воли.

Два имени односложные:

Харватат (Хаурватат), Целостность, Невредимость, Здоровье — божественное воздаяние за праведность в телесном мире;

Амэртат (Амеретат), Бессмертие — божественное воздаяние душам праведников в мире бестелесных сущностей.

При чтении жизнеописания, гат и молитв в священной книге Авесте встретится немало новых географических и личных имен, причудливых наименований месяцев, звезд и созвездий, объектов зороастрийского культа. Мы постараемся всюду перевести их, прокомментировать и растолковать. Но все же древние тексты невозможно низвести до примитивного уровня, а потому взываем к терпению и сосредоточенности любознательного читателя, к его способности преодолеть духовную лень, чтобы, проделав нелегкий путь, он смог достичь просветления.

Авеста — главная священная книга зороастрийцев. Согласно зороастрийской традиции, уже в ахеменидскую эпоху (VI—IV вв. до н. э.) существовал первичный полный текст учения Заратуштры, записанный на пергаментах (бычьих шкурах — чего сам пророк бы не одобрил!) золотыми чернилами и хранившийся в сто-

личных персепольских дворцах. Этот первичный список Авесты был уничтожен во время захвата Персеполя Александром Македонским (330 г. до н. э.).

Впоследствии, при парфянском царе Валкаше (Вологезе) I (51—78 гг. н. э.), была предпринята попытка восстановления состава первичного сборника Авесты и новой записи его для распространения. Этот текст был отдан на хранение в храм огня в Гандже Шизской, что у озера Урмия. Новая запись Авесты была выполнена арамейским алфавитом, не отражающим гласных звуков. Но сами арийцы читали буквы, обозначающие согласные звуки с гласным призвуком «а». Поэтому позднейшая канонизация авестийского текста при сасанидском царе Шапуре II (310—379 гг. н. э.), выполненная уже другим, специальным, алфавитом, и сохранила «избыточность произношения»: да-э-ва — вместо дэва, ха-о-ма — вместо хома, ва-йрья вместо варья, ха-урва-тат вместо харватат и т. п.

Следует учитывать, что вся эта колоссальная работа по редактированию Авесты и передаче ее знаками нового алфавита проводилась жрецами-магами, для которых язык Авесты уже был мертвым, в значительной мере малопонятным, и они (что вполне естественно) допускали в процессе работы многочисленные искажения первоначального текста. Одновременно происходила работа по переводу Авесты с древнеперсидского языка на живой разговорный и литературный язык —

среднеперсидский. На нем же составлялся комментарий — **зенд** и сравнительно обширная, примыкающая по содержанию к Авесте религиозно-философская зороастрийская литература.

В первой половине VII в. н. э. в состав канонической Авесты входила 21 книга (**наск**). Каждый наск имел собственное название, соответствующее одному из 21 слова, составляющих самую священную молитву зороастрийцев, **Ахуна-Варья**, и состоял из авестийского текста и комментария.

В богословской энциклопедии Денкард (IX в. н. э.) сохранились сведения о содержании некоторых насков:

наск 1 — о добродетели и благочестии;

наск 2 — о религиозных обрядах;

наск 3 — о маздаяснийской вере и ее доктринах;

наск 4 — о сотворении мира, об этом мире и о мире загробном, о Страшном суде и воскресении мертвых;

наск 5 — об астрономии;

наск 8 — правовые установления;

наск 10 — о царе Виштаспе и его царствовании, о влиянии Заратуштры на Виштаспу;

наск 13 — о добродетельных поступках и детстве Заратуштры;

наск 15 — о справедливости в делах, гирях и мерах, о пути праведности;

наск 16 — о гражданских и военных законах, о браке с близкими родственниками, о принципах веры;

наск 17 — о ритуале, об обязанностях жрецов, о загробных наказаниях за прегрешения, об астрологии;

наск 19 — закон против дэвов, об осквернении и ритуальном очищении;

наск 20 — о добродетели, о судьбе души после смерти;

наск 21 — восхваление Ахура-Мазды и Амерта-Спентов.

От этого огромного сводного текста сохранилось очень немногое. Основная часть Авесты погибла в огне арабского завоевания и при насильственном распространении ислама в VII в. н. э.

Та незначительная часть Авесты, которая дошла до наших дней, содержится в виде отдельных отрывков в различных рукописях. Это собрание отрывков состоит из Ясны, Виспереда, Видевдата (наиболее важных для зороастрийского богослужения), Яштов и других молитв. Видевдат — единственный полностью сохранившийся наск (19) древней Авесты. Все остальное — отрывки из различных насков.

В эту книгу вошли лишь части сохранившейся Авесты, а именно — молитвенные песнопения самого Заратуштры (17 гат: 28—34, 43—46, 47—51, 53 главы Ясны), пересказ содержания 4, 5, 10, 13, 17 насков и молитвенных восхвалений божественных сущностей от Ахура-Мазды (Яшты, 21 наск).

ЗОРОАСТРИЙСКОЕ творение МИРА

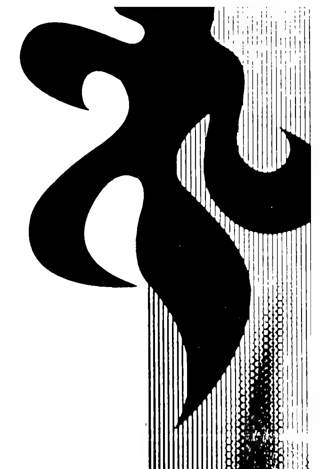
Заратуштра учил своих последователей, что предвечный Ахура-Мазда сотворил телесный мир на месте былой пустоты. Прежде всего в сердце Бога возникла Мысль, которая породила дотелесные прообразы всех вещей — фраварти, затем Ахура-Мазда дал им имена — слова, дабы они, родившись, сразу же обрели могущество и помогли в творении мира. Затем он облек мысли и фраварти в телесные формы.

Сначала из сверкающего металла было создано **небо** в форме яйца, светлое и ясное, с далеко простирающимися концами. Своей вершиной небо достигало Бесконечного

Света, царства Ахура-Мазды. Все последующие творения создавались внутри неба — как в замке или в крепости, где хранится всякое оружие, необходимое для сражения, или как в доме, в котором присутствуют все вещи. **Хшатра-Варья** — Желанная Власть — покровитель неба и металлов.

Вторым творением Ахура-Мазды была **вода**, которая наполняла небо, как белок заполняет яйцо. **Харватат** — покровитель Воды.

Третьим творением была **Земля**. Ахура-Мазда поместил ее в середине неба, как яичный желток в сердцевине яйца. Со всех сторон Землю окружили воды. Ее недра бог заполнил минералами и рудами. Земной шар на треть состоит из гранита, на треть — из песчаника и на треть — из плодородной почвы и глины. Поверхность Земли Ахура-Мазда предназначил для мирной пастьбы и скота. **Спента-Армайти** он поставил покровительницей Земли.

ГДЕ и какие реки и земли создал БОГ

Некогда Тиштрия, одолев Апошу, напился мировых вод, смешанных с семенами всех растений, взмыл в небесную высь и излил воды на землю. Весь яд вредных животных храфстра вымыло из почвы потоками, в результате чего пресная вода испортилась от яда и стала соленой.

Когда же небесный ветер осушил землю, согнав всю воду на край света, пресные заливы мирового моря Ворукаши — море Путика, море Камируд и море Шахи-бун — стали солеными.

Вся земля после этого потопа разделилась на семь **каршваров**: восточный, западный, два северных, два южных и срединный.

Срединный каршвар, называемый **Хванирата**, был уготован Ахура-Маздой для Арьи, сына Траэтаоны, и его потомков. Хванирату окружили со всех сторон две великие мировые реки, широкие и глубокие в рост тысячи мужей: **Ранха и Вех**, а также высочайший горный хребет **Высокая Хара,** или **Хара Березати**. Великие реки Ранха и Вех берут начало от источника **Ард-ви**, который стекает по склонам горы **Хукарья**. Всего же в Хванирате восемнадцать великих рек.

В горном хребте Хара Березати самая высокая гора, Хукарья, поднялась, когда Анхра-Манью ворвался в мир и Земля вздрогнула. С того дня Хукарья росла восемьсот лет: двести лет до сферы звезд, двести лет до сферы Маха, еще двести до сферы Хвархшэты и последние двести лет — до Анагранам Раучама, царства Бесконечного света Ахура-Мазды.

Остальные горы выросли в результате того, что Анхра-Манью пытался разорвать поверхность Земли на части, а Ахура-Мазда вздымал в противовес его бороздам горы. Всего же их выросло две тысячи двести сорок четыре.

Ахура-Мазда так поведал об этом Заратуштре:

«Первая гора, что поднялась из земли, о Спитама Заратуштра! была гора Хара Березати (хребет Эльбурс). Та гора простирается вдоль всех берегов земли, омываемых водами с востока (юга, запада и севера).

Вторая гора была Зередо (хребет Зерде-кух), вне горы Мануша: та гора также простирается вдоль всех берегов земли, омываемых водами по направлению к востоку.

Оттуда выросла гора Ушидау (Ушидарена), гора Эрезифья и гора Фраорепа. Шестой была гора Эрезура. Седьмой была гора Бумья, восьмой была гора Раодита. Девятой была гора Мазишишвау. Десятой была гора Антаредангу. Одиннадцатой — гора Эрезиша. Двенадцатой была гора Ватигаэса.

А также гора Адарана, гора Баяна, гора Ишката Упаирисаэна, с [высокими] снегами; две горы Хаманкуна, восемь гор Васна, восемь могучих гор Фраванку, четыре вершины Видвана;

а еще гора Аэзаха, гора Маэнаха, гора Вахедракаэ, гора Асая, гора Тудаскаэ, гора Исаваэ, гора Драошишвау, гора Саривау, гора Нангушмау, гора Какахью, гора Антареканга;

гора Сичидава, гора Ахуна, гора Раэмана, гора Ашастембана, гора Уруньовайдкаэ, гора Аснавант, гора Ушаома, гора Уштахваренах, гора Сьямака, гора Вафраяу, гора Воуруша;

между которыми стоят: гора Джатара, гора Адутавау, гора Спитаварна, гора Спентодата, гора Кадрваспа, гора Каориса, гора Таэра, гора Барасраяна, гора Барана, гора Фрапаяу, гора Удрия и гора Раэвант;

и все те высоты, которым люди дали имя горы, числом две тысячи и две сотни и сорок четыре, о Спитама Заратуштра!»

Вдоль западного и восточного отрогов хребта Хара Березати, высоко над землей зияют сквозные пещеры, через которые быстроконный Хвархшэта по утрам взмывает на небо, а по вечерам заходит за горную гряду.

Всего этих пещер 180 на востоке и 180 на западе. Восточные пещеры охраняет звезда Тиштрия, а западные — Ванант.

Северный хребет Хара Березати страшен. На вершине самой высокой горы Эрезуры собираются вместе дэвы, выползая из логова Ажи. Ибо там отверзаются врата преисподней. На страже у этих ворот стоит созвездие Хафтаринга. Он должен поддерживать двенадцать звездных домов в должном движении.

Южные пределы Хванираты определены южной цепью гор Хара Березати, водами моря Путика и впадающими в него великими реками Фратом, Тигром и Хиндом. Над этими пределами Хванираты надзирателем поставлена звезда Сатавэса, потому и залив моря Путика именуют иногда заливом Сатавэсы.

Северные каршвары населенной земли занимают страны Туранского Простора.

Туру и его многочисленным потомкам поначалу досталась страна Мада, оттуда они позднее расселились по северным каршварам.

Северо-западный каршвар известной обитаемой земли населила часть туранцев, окончательно изгнанных из страны Мада Кави Хаосравой. Они перешли реки Эрехш (Аракс) и Куруш (Куру) и расположились по обе стороны горы Эрезура (Кавказский Эльбрус) хребта Хара Березати. Их называли также именем ишкузу-скифы (осетины). Позднее они освоили бескрайние равнины к северу от горного хребта Высокой Хары до рек Ранха и Дануш (Волга и Дон).

Северо-восточный каршвар обитаемой земли составляют страны двух других частей туранского народа.

Одна часть туранцев перешла пограничную реку и расселилась к востоку от моря Варканы. Из них наиболее известна народность Хвиона, что поселилась к северу от Варканы и Партавы, от реки Вахви-Датии до моря. Они — самые злостные приверженцы Лжи и дэвопоклонники.

Другая ветвь туранского племени населила страну Сугда, окруженную саками тиграхауда (с остроконечными шлемами), саками хаумаваргами (приготовляющими хаому), саками, которые за Сугдом, саками, которые за морем. Их еще именовали данавами турами (danavo tura) потому, что по их стране течет река **Дануш**, самая длинная и самая опасная из рек. В тех странах — священное озеро **Ворукаша**.

Западный каршвар населенной земли стал уделом Саримы, сына Траэтаоны. Страна **Саримы** примыкает

к верхнему течению рек Тигр и Фрат. Потомки Саримы — многочисленные племена куртиев или кордуэнов (курдов), давние соперники арийских племен. К северу от страны Сарима — страны Армина и Катпатука (Армения и Каппадокия).

Срединный каршвар обитаемой земли, называемый Хванирата, достался Арье, сыну Траэтаоны.

Ахура-Мазда поведал Заратуштре Спитаме, что как первое лучшее из мест и стран Хванираты он создал **Арийский Простор Доброй Датии** для Арьи и его потомков, арийских племен. Но в противовес этому смертоносный Анхра-Манью сотворил в той стране красного змия и созданную дэвами зиму. Там семь летних месяцев и пять зимних. Зимние месяцы холодны для воды, холодны для земли, холодны для растений. И есть середина или сердце зимы. А когда зима подходит к концу, тогда очень много наводнений. Позднее северную часть этой страны именовали **Хуваразмиш**, а южную часть — **Варкана, Партава, Харайва, Харахвати, Хайтумант**.

В стране Партава Ахура-Мазда создал второе лучшее из мест и стран — **Гаум**, некогда обиталище сугдов.

Третье лучшее из мест — мощный, праведный **Моуру**, причастный Арте.

Четвертое лучшее из мест и стран, созданное Ахура-Маздой,— прекрасная **Бахди** с высоко поднятым знаменем.

Пятое лучшее из мест в стране Партава — **Нисайя**, которая лежит между Моуру и Бахди. Анхра-Манью наслал на нее шатание мысли.

Шестое лучшее из мест в стране Партава, созданное Ахура-Маздой,— **Харойум**, где оставляются дома, если кто-нибудь в них умирает. Анхра-Манью наполнил ее плачем и стенаниями.

Седьмое лучшее из мест в стране Партава — **Ваэкерета**, обиталище дужаков. Но в противовес этому Анхра-Манью сотворил парику Хнафаити, которая присоединилась к Керсаспе и околдовала его.

Восьмое наилучшее из мест в стране Партава — богатый лугами **Урва**, где злые правители.

Девятое лучшее из мест и стран, созданное Ахура-Маздой, была страна **Варкана,** или **Хнетна,** что у моря, обиталище варканов. Анхра-Манью наслал на эту страну мерзкий, неискупимый грех мужеложства.

К юго-востоку от Вахви-Датии были расположены такие страны:

прекрасная страна **Харах(у)ватиш**, богатая водами (Арахосия, ныне Кандагар) — десятая из лучших стран и местностей, сотворенных Ахура-Маздой. Тогда этому в противовес создал многопагубный Анхра-Манью, мерзкий, неискупимый грех выбрасывания трупов;

великолепная **Хаэтумант** и страна **Сатагуш** (Этимандр и Саттагития, ныне Гилменд) — одиннадцатая из лучших стран, созданная Ахура-Маздой. Смертоносные творения Анхра-Манью в ней — яту-колдуны.

А между северо-восточным и юго-восточным отрогами хребта Хара Березати заключена, помимо упомянутых в Хванирате, еще страна **Зранка** у озера **Кансава** в низовьях реки **Хаэтумант** (Дрангиана).

Страна **Рага** — двенадцатое из лучших мест, созданных Ахура-Маздой. В то время как остальные страны, признавшие высший авторитет Заратуштры, имели собственного рату, в стране Рага таковым являлся сам верховный глава даэна заратуштри. В Раге трехплеменной Анхра-Маныо поселил шатание мысли.

В тринадцатой лучшей из стран Хванираты, сильной **Чахре**, причастной Арте, Дух Зла создал неискупимый грех сожжения трупов.

В четырнадцатой лучшей из стран Ахура-Мазды, в четырехугольной **Варне**, Анхра-Манью сотворил неурочные месячные очищения женщин и неарийских правителей страны.

В пятнадцатой наилучшей стране, созданной Ахура-Маздой, в **Хапта-Хинду,** Анхра-Манью сотворил неурочные месячные очищения женщин и неурочную жару.

Шестнадцатая — наилучшая **страна у истоков реки Ранха**, где проживают не имеющие рату (голова, староста). В противовес творению Ахура-Мазды, Анхра-Манью состряпал дэвовское творение и правителей страны таожья.

Кроме этих шестнадцати лучших стран, в Хванирате есть и другие страны и места обитания, и прекрас-

ные, и замечательные, и выдающиеся, и великолепные, и ослепительные.

К юго-западным отрогам хребта Хара Березати примыкают страны:

первая — **Атропатакана**, где озеро Чайчаста и гора Аснавау, или Аснавант, на которой был зажжен священный огонь воинского сословия и царей Атар-Виштаспа;

вторая страна — **Мада**. В этой стране построена первая крепость **Кангха**, называемая иначе **Хангматана** (Хамадан);

третья страна — древняя страна **Яутия**;

четвертая из них — **Парса**, где ставка великих царей **Пасаргада**. К ней относятся города неарийцев **Аншана** и **Хужа**, основанная еще Хошьянхой Парадатой.

К юго-восточному отрогу хребта Высокая Хара примыкает великая страна **Мака**, обиталище народа мачья (Мекран).

К северо-восточному отрогу хребта Высокая Хара примыкают страны:

страна **Харайва** в долине одноименной реки (ныне Герат);

страна **Ватигэса** (между Гератом и Серахсом, ныне Бадхыз, или Бадгиз);

страна **Маргуш** в долине реки Мургаб. Ныне Мерв;

Страна **Бахтриш** в водосборе реки Вахш. Ныне Балх и Таджикистан.

Восточный каршвар обитаемой земли занимают страны **Гандара** и **Хиндуш (Кабулистан** и **Индия)**.

Южные каршвары занимают страны народов **Арабайя** и **Путик**.

Вот как об этом повествует первый раздел (фрагард) древнего 19 наска Видевдата, известный как географическая поэма:

Сказал Ахура-Мазда так Спитаме-Заратуштре:
«Я сделал гиблые места дающими покой.
Когда бы я не сделал так, то в Арианам-Вайджа
телесный устремился б мир разлившейся рекой.

И первым делом сотворил я Арианам-Вайджа,
одну из самых дивных стран у Датии-реки.
В ответ немедля произвел губитель Анхра-Манью
творенье дэвов — зимний хлад и рыжих змей клубки.

Там десять месяцев зима, два — лето. И зимою
томятся в холоде вода, растенья и земля.
Когда ж зима идет к концу, разливы рек могучих
смывают влагой ледяной селенья и поля.

Второй я Гаум сотворил, страну обильных пастбищ.
Живут согдийцы там. В лугах пасется тучный скот.
Но и тогда исчадье зла, губитель Анхра-Манью
в ответ мне скаити родил, что бедствия несет.

Я третьим Моуру воздвиг — край, что причастен Арте.
В нем воплощается добро и праведности свет.

Но тут же марыду, а вслед и витушу губитель,
злой Анхра-Манью породил немедленно в ответ.

Четвертой лучшую из стран явил я миру — Бахди,
что держит знамя высоко и воинством сильна.
Но и мгновенья не прошло, как усаду с бравару
злой Анхра-Манью породил, чтоб мучалась страна.

А пятой лучшую из стран я произвел — Нисайю,
что между Моуру лежит и Бахди. Но тогда
придумал мне наперекор губитель Анхра-Манью
неверья пагубный разлад, опасный, как вражда.

Шестой прекрасную страну я породил — Харойум,
где покидают навсегда крепчайшие дома
жильцы, уйдя из жизни в смерть. Но тут же Анхра-Манью
плач и стенанья сотворил, сводящие с ума.

Седьмой чудесную страну я произвел — Вэкерту.
Но Анхра-Манью породил немедленно в ответ
Хнафаити, чье колдовство отважного Кэрсаспу
в глубокий погрузило сон, длиною в сотни лет.

Восьмой же лучшую из стран земных я создал — Урву,
где изобилье сочных трав, что влагою полны.
Но тут же мне наперекор состряпал Анхра-Манью
правителей, что сеют зло на пажитях страны.

Девятым лучшее из мест я сотворил — Вэхркану
и там гирканцев поселил. Но мне наперекор
в страну цветущую низверг губитель Анхра-Манью
грех мужеложества — людской обители позор.

Десятой дивную страну я создал — Харахвати.
Но Анхра-Манью мне воздал грехом, что губит дом,
когда родимых мертвецов не погребают люди,
но оставляют их лежать под солнцем и дождем.

Одиннадцатым создал я Хаэтумант всесильный,
удачей щедро наделив и доблестью. Тогда
на свет немедля произвел губитель Анхра-Манью
злых колдунов, что боль и страх низводят в города.

Двенадцатой — из трех племен я создал диво-Рагу,
страну, что верою сильна. Но, вопреки всему,
что светоч истины несет, губитель Анхра-Манью
туда неверие привел, вредящее уму.

Тринадцатой страной воздвиг я Чахру, дал ей силу,
причастной сделал Арте и красивейшей из стран.
Но Анхра-Манью в этот край низверг сожженье трупов,
чем породил смертельный грех, отчаянье и срам.

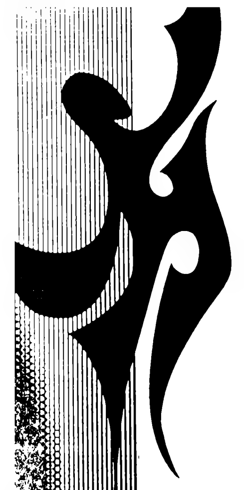
Четырнадцатой сотворил я Варну, где родился
Трайтаона, могучий царь, что змею отомстил.
Но Анхра-Манью посадил царями неарийцев
и неурочных регул зло на женщин напустил.

Пятнадцатой я миру дал усладу — Хапта-Хинду,
страну, приятную для глаз, цветущую, как луг.
Но Анхра-Манью породил зло неурочных регул
и неурочную жару, что губит все вокруг.

Шестнадцатым же сотворил я у истоков Ранхи
чудесный край, где нет царей. Но мне в противовес

привел правителей чужих губитель Анхра-Манью
и холод бедственный зимы от почвы до небес.

Есть и другие, говорю, Спитама-Заратуштра,
края, слепящие красой, цветущие, как сад,
где кровь травы шумит в стеблях, плоды краснеют густо,
и нет ни злобы, ни вражды, а лишь покой и лад!

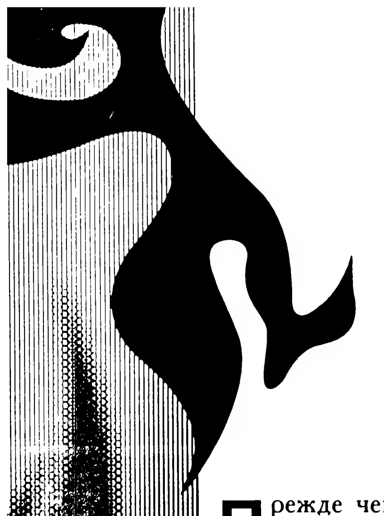
КТО такие АРИИ

Как уже говорилось выше, ариями в древности именовалась часть восточноиндоевропейских племен, возводивших свое родословие к мифическому прародителю Арье, сыну Траэтаоны (Третоны). Эти племена уже с конца IV тыс. до н. э. кочевали по странам Плодородного Полумесяца и нагорьям Армении, Ирана и Афганистана. Арии были полукочевыми скотоводами и вели образ жизни, весьма напоминающий жизнь кочевых цыган (они также арийского рода!).

Но, в отличие от последних, большая часть арийских племен постепенно осела на земле еще в древности и совершенно

смешалась с неарийским населением, образовав народности древних персов и индийцев.

Расширительное употребление имени ариев для обозначения всей индоевропейской языковой и культурной общности или, наоборот, сужающее — для обозначения германских народов никакой исторической реальности под собой не имеют. Вот как повествуют о своем родословии собственно арийские народы — персы и индийцы.

родословие АРИЙСКИХ племен

Прежде чем совершить нападения на земные творения Ахура-Мазды, Анхра-Манью — Злой Дух — сразился с Небом, Водой и Землей. Затем он наслал засуху и полил растения ядом, от чего они погибли. На единосотворенного Быка и праведного мужа Злой Дух наслал жадность, нужду, голод, похоть, болезнь, страдания и лень.

После того как умер Бык, дав родоначало скоту и посевам зерна, Злой Дух приступил к первочеловеку Гайомарту, который прожил после прихода в мир Врага 30 лет.

Гайомарт умер, распиленный своим братом Спитьюрой, но, умирая, испустил семя.

И это семя было очищено движением и солнечным светом. Три его части хранил Нарьосангха — Божественный посланник. Из них произошли три вида людей. А одну часть семени получила Спента-Армайти (Святое Смирение, покровительница Земли).

Через 40 лет появился ревень в виде голого ствола, за 15 лет возникли 15 листьев, и выросли из земли Мартья и Мартьянак. И оба они воплотились из образа растительного в образ человеческий, и хварнах, как меног, вошел в них, а это и есть душа.

После первой лживой речи Мартьи 30 дней они шли без пищи, насыщаясь только водой, затем — растениями, и прикрывались одеждой из травы. Спустя 30 дней они оказались в степи, приблизились к белой козе, которая паслась на летних лугах, и стали сосать ее молоко прямо из вымени.

После следующей лживой речи Мартьи через 30 дней и ночей Мартья и Мартьянак отправились к темной овце с белой челюстью и убили ее. Совершив это, они стали питаться мясной пищей и прикрывать наготу шкурами. Мартья и Мартьянак разожгли первый огонь из держидерева, самшита, соломы, мирта и финиковой пальмы. Они изжарили на вертеле убитую овцу, принеся три горсти овечьего мяса в жертву огню (это мясо съела собака), другую же часть они принесли в жертву небесным богам (ее съела птица гриф).

Сначала Мартья и Мартьянак прикрывались одеждой из шкуры, но вскорости сделали платья из грубой пряжи. Они выкопали в земле камень и нашли в нем железо. Обработали его камнем и жаром (огнем) и создали из него лезвие (секиру). Они срубили секирой дерево и сделали деревянное блюдо падишхвар.

Как-то раз Мартья подоил корову, выплеснул молоко в сторону севера (чем почтил дэвов), и от этого дэвы усилились.

50 зим у Мартьи и Мартьянак не рождались дети. По истечении 50 лет появилось желание иметь потомство. Через девять месяцев родилась двойня — мальчик и девочка, но они показались родителям слишком привлекательными и были съедены.

В дальнейшем от Мартьи и Мартьянак произошло 7 пар, мужчина и женщина, и каждый брат был мужем, а сестра — женой. И вот теперь они выросли, подобно высокому дереву, плоды которого — 10 видов людей. Мартья и Мартьянак — отец и мать мира. Они умерли через сто лет.

От каждой из семи пар в течение 50 лет рождались дети. Одна из этих пар — мужчина, по имени Сиамак, и женщина, по имени Нисак. А от них родилась пара, имена которых были: Фравак — имя мужчины, и Фравакиен — женщины.

Они произвели 15 пар, каждая из которых стала расой, и произошло умножение рода людского в мире.

Так как прежде было 10 рас (3+7) и 15 произошло от Фравака, то всего стало 25 рас из семени Гайомарта. Сиамак же был коварно убит Черным Дэвом.

Из-за увеличения 15 рас — во времена Хаошьянги, 9 рас на спине быка Сарсаока переправились через море Фрахвакерета в другие каршвары и остановились там.

А шесть рас остались в Хванирате — центральном каршваре. Те, кто в семи каршварах,— происходят от потомства Фравака, сына Сиамака, сына Мартьи.

Среди этих шести рас была пара: Таз — мужчина, и Тазак — женщина. Отделившись от всех, они отправились на равнину Тазикана Арабая.

От другой пары произошли мазендеранцы, населившие Мазанские земли. Они поклонялись Мазанским Дэвам.

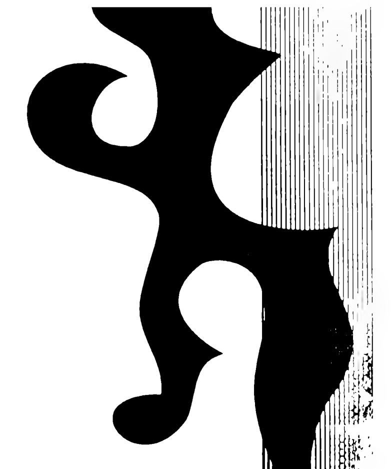
Пара, состоящая из мужчины Хаошьянга Парадата и женщины Гузак, произвела арийцев. К ним относятся те, что живут на землях Арианам-Вайджа, на землях Анарьянам, то есть на землях Тура, Сарима (откуда берет начало река Тигр), на землях Хинду и Чинестана, на землях Дахи и на землях Хинду.

Хаошьянга стал первым царем династии Парадата, первым установил законы для людей, обучил народ земледелию, использованию огня и получению железа. Он построил города с каменными домами и дворцами: **Бабируш** (Вавилон), **Хужу** (Сузы) и **Дамган**.

Мстя за своего праотца Сиамака, он убил Черного Дэва и уничтожил две из трех частей Дэва Мазендера, разрушителя мира. Он подчинил и исполненную зла четырехугольную Варну.

При Хаошьянге и его сыновьях люди продолжали расселяться по каршварам, следуя за быком Сарсаоком.

У Вивахванта, внука Хаошьянги Парадаты, который первым выжал сок Хаомы для телесного мира, было четыре сына: Спитьюра, предавшийся Анхра-Манью, Нарсак, или Нарси, ставший мудрым судьей, Тахма-Урупи, оседлавший Анхра-Манью и получивший от него семь видов письма, и блистательный Йима, переживший потоп.

предание о ЙИМЕ

Вопрошал Заратуштра Ахура-Мазду:
«Дух Святейший, Создатель миров
телесных,
с кем из смертных, скажи, говорил ты кроме
Заратуштры под блеском светил небесных?
О, кого научил ты впервые Вере,
что тобой лишь и мною в сердцах хранима?
Назови человека, чей путь измерен».

И Создатель изрек Заратуштре: «Йима,
что прекрасен лицом и богат стадами.
Я сказал ему: «Йима, сын Вивахванта,
ты теперь — ученик и учитель Веры».
Но ответил он: «Нет у меня таланта,
чтобы Веру нести, охранять». На это
я сказал ему: «Йима, прекрасный ликом,
будешь взращивать мир мой, хранить и множить,
человеческий дух воплощать в великом!»

И ответствовал Йима: «О, я согласен
мир твой взращивать, множить в усердных бденьях.
И не будет ни хлада, ни суховея,
ни болезни, ни смерти в моих владеньях!»

И тогда подарил я, Ахура-Мазда,
Йиме плеть и стрелу, что сверкают златом.
Три столетья провластвовал Йима в царстве,
процветающем, радостном и богатом.
А еще прибывали стада и стаи,
люди, птицы, собаки... И повсеместно
жарких красных огней умножалось племя.
И уже на земле становилось тесно.

И сказал я: «О, Йима, сын Вивахванта,
стало столько пернатых, людей, животных
и огней, что уже не хватает места
даже в этих владениях плодородных».

И направился Йима прекрасный к свету,
к полдню ясному, против пути Светила.
Рыл он землю стрелой золотой и плетью
золотою стегал, чтоб она вместила
всех, кого порождает. «О Пресвятая,
дорогая Армайти, вот мое слово
и нижайшая просьба к тебе: раздвинься,
расступись ты, о, лоно всего живого!»

Так раздвинул он землю на треть. Привольно
расселился народ и стада. Ни зимы,
ни жара, ни болезни их не терзали.

И прошло шесть столетий правленья Йимы».

Вот собранье устроил Ахура-Мазда
и язатов призвал на брега священной
доброй Датии, что Арианам-Вайджа
омывает волной своей белопенной.

И собранье устроил прекрасный Йима,
что стадами богат. Он людей достойных
за собою повел в Арианам-Вайджа,
где рождались арийцы у вод спокойных.

И Ахура сказал: «О, прекрасный Йима,
Вивахванта наследник! Так знай: отныне
плотский, грешный наш мир уничтожат зимы.
Будет снега вокруг, как песка в пустыне.
Он на горы падет и в низины Ардви.
И лишь треть от скота в эти дни спасется,
что в расселинах гор, иль в загонах крепких,
иль в долинах речных на лугах пасется.
Много пастбищ обильных до снегопада
у страны этой было. Все смоет талой
беспощадной лавиной. И будут рады
даже оттиск копыта увидеть малый.

Сделай прочную крепость в два парасанга
на все стороны света. Возьми ты, Йима,
семя разных животных, людей, пернатых,
красных жарких огней, чтобы выжить в зиму.

Так же сделай ты крепость в два парасанга
на все стороны света и для жилища

человека и крепость в два парасанга
для скота, ибо людям потребна пища.

Проведи же дорогой, длиною в хатру,
воду в крепость, и луг заливной взрасти ты;
и дома возведи, а к домам — ограды
и навесы,— от бедствий ища защиты.

И снеси туда семя мужчин и женщин,
самых лучших на свете; животных семя
самых лучших; а также — плодов, растений;
сочетай их друг с другом на все то время,
что пробудете в крепости. Да не будет
там ни споров, ни зависти, ни желанья
неблагого, ни бедности, ни уродства,
ибо зло — от губителя Анхра-Манью.

Девять крепких мостов возведи в переднем
круге крепости вашей; шесть — в среднем; в третьем —
сделай три. И внеси по мостам в передний
семя тысячи лучших людей на свете;
в средний круг — шестисот, а трехсот — в последний.
Пусть твоя золоченая плеть ретиво
погоняет. А после — запри ограду
и оконце, что в мир изнутри светило».

Вновь задумался Йима: «Но как смогу я
крепость выстроить? Нет у меня таланта».
Но к нему обратился Ахура-Мазда:
«О блистательный Йима, сын Вивахванта,
будешь землю ногами месить, руками

разминать, очищать, увлажнять водою
так, как лепят намокшую землю люди.
И сумеешь тогда совладать с бедою».

Йима вылепил крепость в два парасанга
на все стороны света, спасая племя.
Он принес туда семя людей, животных,
птиц, собак и огней животворных семя.

И построил он крепость в два парасанга
на все стороны света, чтоб дать жилище
человеку. И крепость в два парасанга
для скота, ибо людям потребна пища.

Он провел туда воду путем, длиною
ровно в хатру, и луг взрастил изобильный.
И построил дома, а к домам — ограды
и навесы, чтоб хлад не ворвался сильный.

И принес туда семя мужчин и женщин
самых лучших; и семя животных разных;
и домашней скотины; и всех растений,
что прекрасными числятся средь прекрасных.

И плодов ароматных, нежнейших семя
внес в убежище, соединил попарно
всех, чтоб всякая жизнь продолжалась, чтобы
Анхра-Маныо ее не прервал коварно.

Никого в этой крепости, кто б порочен
был, беззуб, иль помешан, или увечен.

Никого, кто б губителя Анхра-Манью
был позорным клеймом на челе отмечен.

Йима девять мостов проложил в переднем
круге крепости прочной; шесть — в среднем; в третьем
сделал три. И принес по мостам в передний
семя тысячи лучших людей на свете;

в средний круг — шестисот и трехсот — в последний.
И при помощи плети златой ретиво
всех согнал он и запер врата, ограду
и окно, что всегда изнутри светило.

«О Создатель телесного мира, что же
там светило, мерцало неугасимо
в этой крепости, этом жилище общем,
в этом Варе, который построил Йима?»

И ответил великий Ахура-Мазда:
«Светы — нерукотворный и сотворенный
там сияли, как Солнце, Луна и звезды,
что единожды путь свой по небосклону
совершают, как мнится нам».
Год казался
днем. Когда сорок лет проходило, пара
порождала другую — самца и самку.
Жизнь вовсю процветала под кровлей Вара.

«О Создатель телесного мира, кто же
разносил нашу Веру в прекрасном Варе?»

И сказал Заратуштре Ахура-Мазда:
«Это птица. Каршиптой ее прозвали».

«О Создатель телесного мира, кто же
Рату им и Глава в укрепленьях Вара?»

И Ахура ответил: «Ты, Заратуштра.
Ты и благо дающий Урватат-Нара!»

Подробное продолжение мифологического родословия арийских племен сохранилось в древнеиндийской традиции, где **Йима Вивахванта** именуется **Many Вайвасвата**. Древнеиндийские предания гласят:

Сын Вивасвата и Сараньи в облике белой кобылы по имени Ману Вайвасвата после спасения от вод всемирного потопа возносил молитву и совершал жертвоприношение из молока, сливок и масла, из которого родилась его жена Ида (Ила).

Старший сын Илы и Ману Вайвасваты по имени **Икшваку** стал родоначальником царей Солнечной династии: к ней возводят свой род некоторые раджи в Индии. Он основал город Айодхью и породил 100 сыновей.

Три старших сына Икшваку основали отдельные царства: Викуши остался в столице отца Айодхье, Ними основал царство со столицей в г. Митхила, а Данда, похитивший дочь бога Шукры (олицетворение планеты Венеры), вызвал ответный гнев бога, который засыпал его страну золою и пеплом, от чего погибло все живое. Позже там вырос лес Дандака.

Среди потомков Викуши — цари Притху, Кувалаясва, Мандхатри, Сатьяврата, Харичандра, Сагара, Дилипа, Рагху, Рама и Сита.

Второй сын Илы и Ману Вайвасваты (по другим источникам — бога Будхи, сына бога Сомы и богини Тары) — по имени **Пururавас** стал основателем Лунной династии царей, вернее династии Сомы-Хаомы.

Пururавас и апсара Урваши породили шесть или восемь сыновей. От младших происходили основатели царских домов исторических областей Индии Каньякубджа (штат Канаудж) и Каши (штат Варанаси).

Один из сыновей, Аюс, стал отцом славного Нахуши, правившего тремя мирами, но за заносчивость низвергнутого и обращенного в змея.

Сыном Нахуши был Яяти. Яяти и Девайяни породили пять сыновей-родоначальников: Яду, Турвасу, Друхью, Ану и Пуру.

От Яду происходит род ядавов, в котором родился Кришна, к ним возводят свой род индийские народности: хайхаи, бходжи, видарбхи, чеди.

От Друхью, сына Яяти и служанки Шармиштхи, ведут свой род цари области Гандхара и народа гандхаров (в исторической области Кабула между Гиндукушем и Сулеймановыми горами).

От Ану происходят народности кекейи, мандры, яудхеи, саувиры, ушинары, населившие области Пенджаба, Раджастана и Северо-Западной Индии.

От Пуру пошло многочисленное потомство паура-вов, среди которого народы панчалы, бхараты, предки некоторых народностей Берара, Северного Декана, Гуджарата.

От Пуру же родились легендарные цари Душьянта, Бхарата, Шантана, Куру и 100 кауравов, Панду и пять пандавов, царь Дхритараштра. Пуру-Тура персы считали и отцом Траэтаоны. Похоже, кауравы — мифические предки парсов-ариев. (Ср. популярное в династии Хахаманишья имя Куруш, то же, что и др.-инд. Куру.)

Косвенным указанием на знакомство праиндийцев с прагреками служит смысловое совпадение имен божественных отцов пандавов с именами участников похода аргонавтов:

Арджуна происходил от некоего Арджы, судя по суффиксальному образованию, сопоставимого с Аргом, сыном Фрикса,— одним из предводителей похода.

Бхима считался сыном бога ветра Вайю, сопоставимого с Зетом или Калаидом, сыновьями бога северного ветра Борея, участниками плавания аргонавтов.

Юдхиштхира считался сыном Кунты от бога Дхармы, сопоставимого с Орфеем, одним из аргонавтов.

Накула и Сахадева — близнецы, сыновья Мадри от Ашвинов, сопоставимых с Диоскурами, и еще с Ахсаром и Ахсартагом, родоначальниками рода Ахсартагкатов, героями осетинского родословного предания.

Кришна, возница пандава Арджуны, имеет некоторое смысловое отношение к основателям города Диоскуриа-

ды (Сухуми) и родоначальникам народности гениохов (возниц), расселявшейся в той стране,— Амфитону (Амфистрату и Тельхиону) и Рекасу, возницам Диоскуров.

Легендарные события возвращения Медеи и Меда в Колхиду и восстановление рода Айэта на престоле после поражения и гибели его брата Перса греческой традиции (Куру др.-индийской) живо напоминают обстоятельства отношений Панду и Куру, вражды кауравов и пандавов и окончательного воцарения последних после решительного сражения на поле Курукшетре (Махабхарата). Однако, в отличие от древнеиндийской традиции с ее локальной абстрактностью, греческое предание указывает конкретное место событий — страну Колхиду и долину реки Кюрос (Кура).

Персы, потомки кауравов, откочевали на центральную иранскую низменность, в середине которой некогда было огромное бессточное озеро Варукаша (ныне Большая Соляная пустыня), и навсегда поселились там.

родословие ЗАРАТУШТРЫ

Заратуштра, согласно мифу, был выходцем из древнего арийского рода и принадлежал к сословию магов.

По отцовской линии род пророка восходил к арийскому царю **Манушчитре**, рожденному на великой горе Мануше.

Вот, что повествует сохраненное временем предание о дальнем предке Заратуштры. Манушчитра был правнуком славного **Траэтаоны**, освободившего арийцев от ига Змея-чужака. В предначертанный срок божественный вестник Властелина Мысли (Ахура-Мазды) **Нарьо-Санга** принес Манушчитре Божью благодать (славную **Хварну**) с небес.

Таким образом Властелин Мысли благословил Манушчитру, не ведавшего грехов перед богом и верой. Отныне на нем был неисполненный родовой долг мести братоубийцам его деда **Арьи**.

Наследник Траэтаоны пошел войной на земли **Туры** и **Саримы** вершить праведную месть за Арью. Он уничтожил Сариму и Туру и тем самым отстранил их от разрушения телесного мира, нанеся великий урон дэвам.

Но, вдохновляемый многопагубным Духом Зла, Анхра-Манью, **Франграсьяна**, сын Пашанга, потомок Туры в пятом колене, возопил о кровавом мщении. Он вместе со своими братьями, **Керсеваздой** и праведным **Аграэратой**, собрал войска для набега на Арийскую землю. Туранские войска окружили боевую дружину Манушчитры в горах Падашхвар.

Не избежать бы арийцам гибели, если бы Аграэрата не попросил для них покровительства у богов. Он вымолил его: войско и военачальники арийцев были спасены. Разгневанный Франграсьяна немедля казнил своего добродетельного брата.

Но Ахура-Мазда щедро вознаградил Аграэрату за мученическую смерть, сделав его бессмертным. Аграэрата родил сына, подобного **Гаопати-Хшатре.** Это он, получеловек-полубык, совершает возлияния богам на берегу великой реки Доброй Датии.

Манушчитра потерпел поражение, и Франграсьяна на двенадцать лет воцарился над Арийским Простором.

Свою царскую ставку туранец воздвиг внутри горы **Бакуир**, в долине которой Йима некогда построил несметное множество городов и селений.

Однажды в дом Манушчитры явилось Святое Смирение, Спента-Армайти, в облике прекрасной девушки. Ее небесные одежды переливались и лучились, освещая все вокруг. Была она опоясана поясом авьянхана, который есть воплощение веры во Властелина Мысли, Ахура-Мазду. Она провозгласила изумленному царю закон земледельческий и праведную веру.

Воспрянувший духом царь Манушчитра повел арийцев изгонять завоевателей с благословенной земли.

Две рати сошлись. Битва длилась с раннего утра до поздней ночи. Побеждало то одно войско, то другое. Тогда Франграсьяна и Манушчитра во время краткого перемирия пришли к соглашению: пусть самый искусный лучник из арийцев выпустит стрелу с горы **Арьяхшута**. Где она упадет, там и быть границе **Ариана** и **Турана**. Лучник Манушчитры, юный **Эрехш**, с первыми лучами солнца изо всех сил натянул тетиву лука и отпустил ее. Жизнь покинула его, он пал на землю. А стрела, что выпустил Эрехш, лучший стрелок ариев, летела целый день, пока не вонзилась в гору **Хванавант**. Там и нашли ее туранцы.

По договору — земли у горы Падахшвар, которые захватил Франграсьяна, Манушчитра получил обратно и вернул арийцам.

Вновь Манушчитра единодержавно воцарился в Арийском Просторе. Он прокопал глубокие каналы в озеро **Кансава**, дабы туда стекали большие потоки чистой пресной воды. Он проложил и русло реки **Фрат** ради блага собственной души, преградил воды и дал народу напиться. Он сделал всю землю ариев плодородной.

Вместо лошади Манушчитра использовал большерогую овцу **Куришк**, ведь она могла скакать иноходью, подобно коню, и легко взбиралась на горы по крутым склонам.

Вскорости он стал отцом трех сыновей: **Фриша, Наотара** и **Дурасроба**. А от неправедной сестры Манушчитры по имени **Манушак** и злого дэва **Аэшмы** пошел род черных магов, **карапанов**, будущих врагов Заратуштры.

Вот родословие Заратуштры:
Манушчитра, царь Арийского Простора.
Дурасроб, сын Манушчитры.
Аирик, сын Дурасроба.
Ниязем, сын Аирика.
Ваэдишт, сын Ниязема.
Спитама, сын Ваэдишта.
Хардхар, сын Спитамы.
Ареджадхаршн, сын Хардхара.
Паэтраспа, сын Ареджадхаршна.
Чихшнуш, сын Паэтраспы.

Хаэчадаспа, сын Чихшнуша.
Уругдхаспа, сын Хаэчадаспы.
Падирагтараспа, сын Уругдхаспы.
Порушаспа, сын Падирагтараспы, отец Заратуштры.

Рассказывают, что в свое время часть огненной Хварны, Божьей благодати, ниспосылающей удачу и преуспевание, отмечающей ее обладателей печатью богоизбранности, осенила предков Заратуштры и по материнской линии.

Господь Ахура-Мазда сотворил вещество, из которого в намеченный день должна была возникнуть телесная плоть пророка. Хварна пронизала это вещество и смешалась с ним. Благой бог вознес вещество в царство Бесконечного Света. Оттуда оно спустилось вниз, в сферу Солнца, затем — в сферу Луны, потом — в сферу неподвижных звезд и, наконец,— на Землю, где вошло в священную стихию Ахура-Мазды — огонь.

И когда жена **Фрахимрава**, беременная девочкой — будущей матерью пророка, подошла к алтарю огня, Божья благодать, Хварна, и священное вещество проникли в ее чрево из света пламени.

После этого необычайного события в селении, где жил Фрахимрав, стали происходить удивительные вещи. Сельчане заметили, что их алтарный огонь не гаснет, даже если в него не подбрасывать дров. Они долго глазели на это диво, пребывая в недоумении, и в конце

концов отправились к вождю с просьбой объяснить странное явление. Мудрый вождь посоветовал им блюсти праведность и молиться, ибо не в силах простые смертные постичь Промысел Божий.

Вскоре жена Фрахимрава родила девочку. Когда ребенок покинул материнское лоно, а было это глубокой ночью, округа озарилась чудесным светом. Сельчане не обратили на это внимания, и жизнь потекла своим чередом. Но в стане дэвов начался переполох.

Девочку нарекли именем **Дукхда,** и она стала радостью родителей. Когда, бродя по дому, ребенок приближался к очагу, потухшие угли вспыхивали, рождая гудящее пламя. Темная комната, куда внезапно входила Дукхда, начинала излучать яркий и ровный свет.

Когда девочке исполнилось пятнадцать, порождения Анхра-Манью наслали на ее племя три бедствия — суровую зиму, моровое поветрие и набег кочевников, приверженцев Лжи.

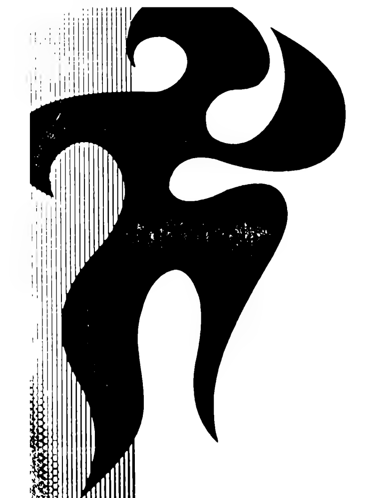
Сельчанам дэвы внушили мысль, что дочь Фрахимрава ведьма и все беды наворожила она. Ворвавшись в дом Фрахимрава, родичи потребовали, чтобы он убирался вместе с семьей вон из селения.

Но Фрахимрав утверждал, что ведьма не может так сиять и озарять все вокруг, подобно светилу. Увы, его речи не вразумили жителей селения. Ничего не оставалось делать Фрахимраву, как собрать свой домашний скарб и наутро покинуть отечество.

Он отправился в родовое селение Спитамы, к вождю этого рода Падирагтараспе.

По пути Дукхда остановилась посреди равнины. Вокруг не было ни души — только горы, покрытые лесом, и небесная синь над головою. И вдруг небеса потряс громоподобный голос: «Не печалься, что навсегда покидаешь родное селение, о дева! Ступай смело в страну Спитамы, куда направляется твой отец. Ибо ты прославишь ее и сделаешь святой землей то место, где будешь жить».

Фрахимрав и его семья благополучно достигли владений Падирагтараспы и были радушно приняты родом Спитамы.

век
ЗАРАТУШТРЫ

В правление священного царя Кави Арватаспы, Порушаспа, сын Падирагтараспы, был жрецом-заклинателем, **заотаром**. Его дом стоял на берегу реки Дареджа, что текла в сатрапии Атропатакана. Порушаспа увидел прекрасную Дукхду и полюбил ее. Девушка ответила ему взаимностью, и семьи начали готовиться к свадьбе. Но в день самой свадьбы произошло еще одно дивное событие: Хварна осенила будущего отца пророка. Согласно преданию, это случилось так:

Властелин Мысли, Ахура-Мазда, призвал к себе Добрый Помысел, **Воху-Ману,** и спросил его:

«Придерживается ли Дукхда Доброй Мысли? Чисты ли ее помыслы, праведны ли ее речи и преисполнены ли добра ее деяния? Если да, то с ее помощью мы сможем произвести на свет пророка, который принесет в мир праведную веру Властелина Мысли».

Воху-Мана, **Арта-Вахишта,**— Наилучшее Правосудие, и другие Бессмертные Святые заверили бога, что дочь Фрахимрава чиста помыслами, праведна в речах и делах. Арта-Вахишта воззвал к богу: «Благой Владыка! Назови нам то место на земле, где пророк обретет телесную плоть. Ибо это место ведомо одному тебе».

Ахура-Мазда изрек свое определение: «Станет им селение Спитамы, где живет Порушаспа. Но знайте: Заратуштра получит две сущности: божественную и человеческую. Нарьосанга, мой посланник, и праведный Йима, сиятельнейший из смертных, будут обретаться в теле Заратуштры».

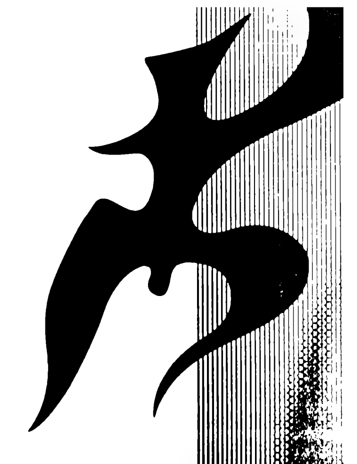
Тогда Бессмертные Святые взяли ствол растения Хаомы высотой с человека и поместили в него дотелесный образ Заратуштры. Затем Воху-Мана и Арта-Вахишта воплотились и слетели с небес со стволом Хаомы в руках на наследственное пастбище Спитамы, к высокому дереву, на вершине которого жили в гнезде две птицы.

Эти птицы не знали счастья семь лет, с тех пор как дэвы прислали змей, которые пожрали их первое потомство. И самочка больше не откладывала яиц, зная,

что, как только птенцы вылупятся, змеи приползут вновь и пожрут их.

Увидев Бессмертных Святых, птицы стали просить у них дать им растение Хаому. Они надеялись, что божественное растение защитит от Зла. Воху-Мана и Арта-Вахишта вняли мольбе птиц, и ствол Хаомы был помещен в гнездо.

Когда птица вывела птенцов, вновь приползли змеи. Но на сей раз им не удалось уничтожить потомство. Дотелесный прообраз Заратуштры хранил гнездо и его обитателей. И как только обозленные змеи повернули назад, чтобы попросить помощи у дэвов, он схватил их за челюсти, и змеи издохли.

обретение ХАОМЫ

Все это произошло еще до того, как Дукхда стала женой Порушаспы. Когда же сыграли свадьбу, Добрый Помысел, Воху-Мана, и Наилучшее Суждение, Арта-Вахишта, вновь явились на пастбище Спитамы; их помыслы были всецело связаны с доставленной туда Хаомой.

580/579 г. до н. э.

Как-то раз Порушаспа вышел из своего дома, что стоял на берегу реки Дареджа, набрать воды. (С того самого часа, очевидно, и говорится: «Дареджа — царь всех рек, ибо отец Заратуштры пребывал на ее берегах, и сам Заратуштра был рожден там».)

А незадолго до этого Бессмертие, **Амэртат** и Целостность, **Харватат** принесли к наследственному пастбищу Спитамы боль-

шую дождевую тучу. С небес, на радость людям и овцам, пролился крупный, теплый дождь. Все растения напитались водой, и вместе с ней в них вошло вещество, созданное Ахура-Маздой для тела Заратуштры.

По тайному наставлению Бессмертных Святых Порушаспа привел на пастбище шесть белых желтоухих коров. Две из коров, неоплодотворенные, наполнились молоком, в которое вместе с растительным кормом перешло вещество Заратуштры. Порушаспа пригнал желтоухих коров обратно в стойло и сказал Дукхде:

«О Дукхда! У двух этих коров, неоплодотворенных и не телившихся, появилось молоко. Ступай и подои их».

Молодая жена незамедлительно исполнила приказание супруга.

Внезапно Порушаспа заметил золотую Хаому на верхушке дерева, что стояло на краю пастбища Спитамы. Праведный Порушаспа решил, что это прекрасное растение воистину достойно бога, срезал его, принес в дом и сказал жене:

«Смотри, Дукхда! Вот Хаома, чудесное растение. Чти его!»

Затем он совершил очистительный обряд, облачился в чистое одеяние, выжал сок Хаомы и смешал его с молоком, которое надоила жена. Получился чудодейственный опьяняющий напиток, и, как мы уже знаем, в нем были заключены духовная сущность Заратуштры и вещество его будущего тела. Порушаспа и Дукхда выпили эту хаому.

Так свершился переход вещества, созданного Творцом для тела Заратуштры, через дождевую воду, растения, молоко и хаому в тела его родителей.

Итак, за 12 лет до конца правления священного царя Кави Арватаспы и 258 лет до смерти Александра Македонского заклинатель Порушаспа выжал золотой сок Хаомы и обрел божественную награду.

Хаома опьянила любящих, пробудив желание, и супруги обнялись.

Но невдалеке от них,— за кустами около дома, под камнями и корягами, в горных пещерах и в дуплах старых деревьев,— всполошились дэвы. Они издали крик:

«Не делай этого, Порушаспа! Не смей прикасаться к женщине!»

Порушаспа и Дукхда, смутившись, разомкнули объятия и оглянулись по сторонам. Но никого не увидали.

Тогда они снова обнялись. И снова дэвы вскричали:

«Что ты делаешь, Порушаспа? Не смей прикасаться к ней!»

И вновь растерянные супруги прекратили ласки, огляделись, но опять никого не увидели.

То же самое повторилось и в третий раз.

Тогда Порушаспа и Дукхда сказали друг другу:

«Сомкнем же объятия и не остановимся до тех пор, пока не завершим начатое! Не остановимся, даже если явятся сюда Наотара и Аирик вместе с ним!»

Так произошло зачатие Заратуштры.

Узнав об этом, дэвы собрались на совет. Дэв Гневливости Аэшма яростно проревел:

«Вы, дэвы, стали весьма ненаблюдательны! Эти молоко и хаома — волшебное питье, благодаря которому родится праведный Заратуштра и изничтожит нас! Чтобы предотвратить гибель, кто-то из вас должен уничтожить Заратуштру еще до его рождения».

Первым вызвался дэв Ветра, изощренный во зле. Он кинулся к селению Спитамы, а с ним трижды по пятьдесят дэвов, которые были его черными магами, карапанами. Но хварна родового огня Спитамы защитила селение, и дэв вихря буйствовал тщетно.

Тогда дэвы вознамерились уничтожить неродившегося пророка в утробе матери. На сей раз вызвались совершить злодеяние дэв Лихорадки и дэв Боли. С каждым из них трижды по пятьдесят дэвов.

Они наслали на Дукхду лихорадку и мучительные боли. Дэвы надеялись, что Дукхда обратится за помощью к знахарю-яту. А колдун по их наущению даст больной вместо лекарства смертельную отраву.

Измученная болями, Дукхда пошла в дом знахаря-яту, как и надеялись дэвы. Но по пути ей вновь прогремел с небес голос Властелина Мысли:

«Куда ты идешь, праведная женщина? Знай, что колдовские зелья нечестивых приверженцев Лжи — мерзость и грех. Лучше соверши очистительный обряд, омой

руки и поднеси священному огню чистых сухих дров. От этого исцелишься!»

Дукхда вернулась домой и сделала, как ей велел голос. Вскоре боль ушла из ее тела.

За три дня до рождения Заратуштры столп небесного света вспыхнул над селением Спитамы. И все поняли, что этот свет — знамение бога.

А блистательный прародитель Йима, увидев его, сказал дэвам в своей обители:

«Через три дня и три ночи в мир придет великий пророк! Скоро вам, дэвам, перестанут поклоняться как богам и воздавать привычные почести».

Дэвы были вне себя от страха и ненависти.

Вселенная ликовала. Возрадовались воды и возросли растения. Птицы и звери на своем языке передавали друг другу весть о грядущем рождении пророка.

рождение чудесное ПРОРОКА

В ночь, когда должен был прийти в телесный мир Заратуштра, Дух Зла созвал всех злейших дэвов, повелевающих прочими дэвами, колдунами и ведьмами, и послал их погубить младенца, как только тот появится на свет.

Но благие творения Властелина Мысли, Ахуры, окружили роженицу божественной защитой. Божья благодать (Хварна), Семейный Огонь (Атара), Бессмертные Святые стояли вокруг Дукхды и отражали враждебные наскоки дэвов своим божественным сиянием.

Тогда Дух Зла послал в дом Порушаспы Злого Умысла, **Ака-Ману**, напутствуя его так:

«Ты бестелесен, проникни же в разум Заратуштры и заставь его обратить свои помыслы к нам и дэвам».

Но всеведущий Властелин Мысли послал Доброго Помысла на защиту новорожденного пророка. Воху-Мана был призван уберечь Заратуштру от Ака-Маны.

Злой Умысел подошел к двери дома Порушаспы, открыл ее и хотел войти внутрь. Но на его пути встал Добрый Помысел. Злой Умысел преисполнился готовности к смертной схватке с Добрым Помыслом.

Но тот повернулся к нему спиной и отступил в сторону, уступая дорогу.

Ака-Мана не разгадал хитрости. Он подумал, что опоздал и не сможет причинить зла Заратуштре, раз уж сам Воху-Мана дозволил ему беспрепятственно войти в дом. Поэтому Злой Умысел спокойно удалился прочь.

А Воху-Мана тем временем приблизился к ложу Дукхды и вошел в разум Заратуштры, как только тот появился на свет.

Потому-то младенец не заплакал, не закричал, а звонко и счастливо засмеялся. Принимавшие роды семь повитух отпрянули в изумлении. А Порушаспа сказал находящимся в мужской половине дома семи магам:

«Это небесное знамение! Я видел божественный свет, который исходил от моего сына, когда он засмеялся».

Тут же произошло второе чудо — новорожденный произнес священное заклинание, Мантра Спента:

Как Владыка (Ахуна) желанный,
Как Судия (Рату) желанный,
Давший через Суждение (Арту)
Деяние Благое и Власть,
Ради Властелина Мысли (Мазды) (я) —
Пастырь смиренных бедняков.

Никто из присутствовавших тогда не понял этих святых слов «Ята Ахуна Варья». Маги-заклинатели и Порушаспа изумленно смотрели на малыша.

Во вселенной только Властелин Мысли и Бессмертные Святые знали, что Заратуштра принял от Бога исповедание новой веры. И как Заратуштра, соответственно своему земному телу, говорил земным голосом, Властелин Мысли в ответ ему сказал словами духовного мира:

«Ты должен сделаться моим первым пророком и жрецом! Ты первым принесешь в грешный мир истинную веру и праведность. А я, Властелин Мысли, буду твоим покровителем и наставником».

Понял эти слова и Дух Зла, который содрогнулся и возопил:

«Никто из божеств не в силах расправиться со мной, один лишь Заратуштра сулит мне беды. Он побивает меня святым заклинанием «Ята Ахуна Варья», сражая, словно камнем величиной в дом, он жжет меня молитвой Наилучшему Суждению, словно расплавленный металл.

Он сгоняет меня с земли. Я бегу лишь от Спитамы Заратуштры».

На следующий день Порушаспа отправился к семерым магам, которые присутствовали при родах, и спросил их:

«Как объяснить, что люди, родившись, сперва плачут, а смеяться начинают много позже? А ведь мой сын сначала смеялся?»

Маги ответили отцу пророка:

«Новорожденные плачут оттого, что предчувствуют смерть. А смеется и радуется тот, кто осознает собственную праведность и бессмертие».

Заратуштра и братья черные маги

В селении, где родился Заратуштра, жили пятеро братьев черных магов, карапанов, дальних родственников Порушаспы. Они были потомками Кахвареди, родившегося от Аэшмы-дэва и Манушак, сестры Манушчитры.

После рождения сына Порушаспа, как это принято в роду Спитамы, пригласил в дом черных магов, попросил их осмотреть младенца, прочесть знамения его тела и предсказать его судьбу. Ребенка распеленали, чтобы обследовать, нет ли на нем крупных родимых пятен — отметин Духа Зла.

Один черный маг, якобы осматривая младенца, попытался незаметно свернуть

ему шею, но посланцы Властелина Мысли — Святое Смирение, Наилучшее Суждение и Прообразы Праведных — поразили руку черного мага так, что она отсохла.

За увечье, которое якобы причинил ребенок, черный маг потребовал по обычаю жизнь младенца. Порушаспа отобрал Заратуштру у безутешной матери и отдал магу с тем, чтобы тот поступал с ним согласно своей воле.

Сперва маг положил Заратуштру на узкую тропу, по которой каждый день ходило на водопой стадо коров. Когда стадо приблизилось, от него отделился один из быков и забежал перед вожаком. Он как вкопанный замер над ребенком, телом загородив тропу.

Вожак, а за ним и все стадо, свернули с тропы и побрели в обход, подобно тому, как поток раздваивается, обтекая валун.

Целый день бессменным сторожем бык простоял над Заратуштрой и не покинул его до тех пор, пока стадо, обойдя ребенка, не вернулось в селение.

Тогда разгневанный карапан положил младенца на пути конского табуна. История в точности повторилась. Один из коней обогнал вожака и простоял над Заратуштрой до вечера, пока табун не прошел обратно без вреда для младенца.

Раздосадованный карапан забрал младенца к себе домой и бросил в огонь. Но пламя тотчас угасло, и все попытки разжечь его при помощи сухих дров не увенчались успехом.

Не добившись желаемого, маг отнес младенца в логово волчицы и оставил его там. Волчица замерла как вкопанная, завидев яркое сияние, исходящее от Заратуштры. Ночью Добрый Помысел и Послушание привели к логову овцу, которая накормила младенца молоком, а после этого пришла к волчьему логову с Дукхдой. На рассвете заботливая мать унесла Заратуштру домой. Она поклялась, что отныне никогда и никому не отдаст любимого сына, даже если сюда явятся Наотара с Аириком.

Больше Порушаспа не обращался к братьям карапанам. Потеряв надежду, старший маг сам направился к дому Порушаспы, а с ним и все его братья. Приблизившись, они увидели над домом божественный свет Божьей Благодати и поняли наконец, что Заратуштру им не убить.

Старший маг произнес:

«Я самый мудрый из магов в этой земле, мне открыты многие тайны, но Заратуштра мудрее меня, хотя ему нет и месяца от рождения. И я не ведаю способа, как воспрепятствовать тому вероучению, которое вскорости воцарится во всех семи краях земли. Пророком этого вероучения будет Заратуштра. Я зрел своим мысленным взором сияние Заратуштры. Мне было известно, что земная жизнь окончится, но что будет в конце времен, мне не дано узреть. А Заратуштре ведомо даже это. Ему все ведомо! И еще я предвижу, что священный

царь Кави Виштаспа примет веру Заратуштры под свое покровительство».

Слова старшего мага услышал из своего дома Порушаспа и запомнил надолго.

А черные маги покинули селение Порушаспы, и семь лет от них не было ни слуху ни духу.

черные МАГИ в **гостях** у семилетнего ЗАРАТУШТРЫ

574/573 г. до н. э.

Через семь лет черные маги вернулись в селение. Они хотели посмотреть, как живет семилетний Заратуштра.

Подойдя к селению, маги сразу увидели и узнали мальчика. Он вместе с другими детьми строил хижину. И маги решили испытать Заратуштру. С помощью заклинаний они помутили разум у ребятишек так, что дети сами испугались безумия собственных речей. Только Заратуштра сохранил ясность мысли и уберег товарищей по играм от неприглядных поступков, которые они могли совершить.

Тогда маги отправились в дом Порушаспы. Он принял их радушно и распорядил-

ся приготовить гостям еду. Маги набросились на еду с такой жадностью, словно это было кобылье молоко.

Когда трапеза закончилась, Порушаспа попросил старшего мага совершить благодарственную службу дэвам, которым тот поклонялся.

И тут Заратуштра, к тому времени уже вернувшийся домой, встал и призвал отца не почитать дэвов.

Порушаспа вступил в спор с сыном. Заратуштра же сказал, что, кто бы и где бы ни воспоследовал Порушаспе в служении богу,— тот и поступит праведно.

Присутствующие очень удивились, но — увы — не поняли прозорливости Заратуштры. А сердца магов наполнились злобой и ненавистью.

Старший из них сказал сыну Порушаспы:

«Конец твой будет ужасен! Я, искуснейший из магов, исполняя веление рока, принесу тебе погибель своим колдовством... Жаль только, что с этого дня наши пути разойдутся и радость уничтожить тебя выпадет не мне, а Братрок-Решу. Он умертвит тебя зловещим сглазом в твоем собственном доме».

На это Заратуштра возразил, не дрогнув: «Приоткрывая завесу грядущего, я не вижу, чтобы убийца испытал радость и насладился победой. Ибо злодей издохнет в том же самом месте, и смерть его будет ужасной. Однако мне открылось и нечто большее: я вижу тебя в том доме, и дом этот — твой!»

Когда Заратуштра умолк, старший маг застыл в недоумении и страхе и простоял в оцепенении столько времени, сколько десять кобылиц простояли бы, если бы их доил только один человек. Очнувшись, маг взревел, как раненый зверь.

Тогда испуганный Порушаспа поднес ему чашу с кобыльим молоком, но Заратуштра опрокинул ее. Разгневанный маг устремил на Заратуштру колдовской взор. Заратуштра тоже стал в упор смотреть на мага. Долгое время они сражались посредством взглядов, но божественная сущность Заратуштры победила колдовскую.

Потерпевший поражение маг заявил, что из-за мальчика он не может больше оставаться в доме Порушаспы, потребовал коня, вскочил на него и поскакал прочь.

И тут произошло великое чудо: стоило ему отъехать совсем недалеко, как великий страх пал на него. Маг попытался остановить коня, но тут же свалился на землю. При падении у него повредился хребет. Поясница отделилась от бедер, а семя его излилось. Маг тут же издох, а вместе с ним — все его потомки и потомки его потомков.

Порушаспа с семи лет обучал сына служению, наставлял в изучении обрядов и положений веры, а также в искусстве сложения мантр — вдохновенных экстатических заклинаний и изречений для призывания божеств и их восхваления. Заставлял он его и заучивать наизусть великие мантры, сложенные мудрецами ранее.

569/568 гг. до н. э. А тем временем священный царь Арватаспа Аршама, отец **Кави Виштаспы**, **Заривари** и других братьев, призвал Виштаспу забыть старые обиды и принять царство арийцев. Виштаспа встретился с арийскими витязями, и те поклялись ему в верности. После этого он принял царский венец. Виштаспа правил 30 лет до обращения в веру.

566/565 г. до н. э. Когда Заратуштре было пятнадцать лет, четверо его братьев, сыновей Порушаспы, потребовали у отца, чтобы он вручил каждому его долю наследства.

После дележа движимого имущества братья стали делить одежды. Порушаспа вынес из кладовой дорогие ткани и пояс в четыре пальца шириной.

Братья разобрали ткани, а Заратуштра взял только пояс и тут же повязался им. На этот благочестивый выбор его подвиг Добрый Помысел, который вошел в разум будущего пророка еще при рождении.

Достигнув зрелости, Заратуштра стал белым магом-заклинателем и сам себя именовал «сочинителем мантр».

Однажды Заратуштра пришел на собрание людей, которые слыли в тех краях самыми мудрыми и знающими. Он осмелился задать им вопрос:

«Что благоприятнее всего для души и более всего праведно?»

Старцы ответили ему так: «Заботиться о бедняках, давать корм скоту, приносить дрова для огня, выжимать

хаому и почитать дэвов священными словами и пением гимнов».

С того дня Заратуштра позаботился о бедных, усердно ухаживал за скотом, приносил дрова для огня и выжимал хаому, смешав ее сок с водой. Но никогда и нигде он не почитал дэвов.

Заратуштра с юных дней любил животных. Корм в хозяйстве Порушаспы заготавливали не только для своих коров и овец, но подкармливали и чужих, и с особенной щедростью в неурожайные годы, когда у нерадивых хозяев животные доходили от голода до того, что отъедали друг у друга хвосты.

Однажды Заратуштра увидел собаку с пятью щенками, которая уже три дня не получала ни крошки еды. Она была так истощена, что могла только жалобно заглядывать в глаза проходящим мимо.

Заратуштра, пожалев несчастное животное, побежал домой за хлебом. Но когда возвратился, собака уже издохла. Долго горевал он, мучаясь и сострадая.

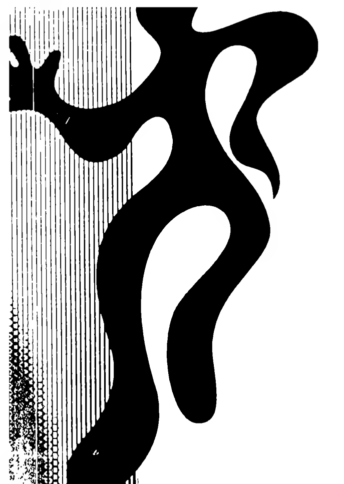
О том, как Заратуштра был озабочен, чтоб ему досталась хорошая жена, и при этом выбор его не был бы вопреки воле родителей, сообщает такое предание.

Когда отец приводил ему девушек на смотрины, Заратуштра каждый раз просил:

«Посмотри мне в глаза, дева. Я хочу видеть твой взор».

И если девушка отводила взор, не выдержав взгляда Заратуштры, исполненный божественного света, он огорчался и говорил:

«Кто отводит от меня взгляд, того и я чтить не смогу».

ЗАРАТУШТРА ищет ПРАВЕДНЫХ

Когда Заратуштре исполнилось двадцать лет, он, не спросив разрешения у отца и матери, ушел из дому странствовать по окрестным селениям. 560/559 г. до н. э.

Всюду, куда бы ни приходил, он задавал один и тот же вопрос:

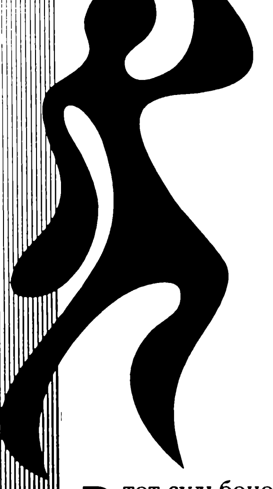
«Кто наиболее привержен праведности и больше всех помогает беднякам?»

В одном селении ему ответили: «Младший сын **Аурватодиха, туранец**. Он каждый день дарит железный котел, высотой с лошадь, полный хлебов, молока или прочей пищи, голодным и неимущим».

Заратуштра возрадовался, и, благодаря его заботам, некоторые из знатных

людей стали кормить бедняков так же щедро, как их кормил сын Аурватодиха.

553 г. до н. э. Народ страны Парса восстал против царя страны Мада Иштувегу. Воитель-царь Куруш начал войну со своим тестем Иштувегу.

В ТРИДЦАТЬ лет ЗАРАТУШТРУ осеняет истина новой ВЕРЫ

551/550 г. до н. э.

В тот судьбоносный для всего телесного мира день Заратуштра отправился на реку Аэватак за водой для приготовления хаомы. Он отошел подальше от берега туда, где вода была чище и холоднее.

Внезапно со стороны южного каршвара показался мужчина. Заратуштре почудилось, что ростом тот был не менее чем в три копья. Прекрасным, все ведающим, мудрым, осиянным божественной славой выглядел этот муж, и Заратуштра понял, что это — Добрый Помысел, один из небожителей.

Заратуштра зачерпнул воды и пошел к берегу, навстречу божеству. Когда он

ступил на сушу, Добрый Помысел предстал перед ним и произнес:

«Кто ты?»

«Я — Заратуштра, из рода Спитамы»,— ответил Заратуштра Бессмертному Святому.

Тогда Добрый Помысел спросил:

«О, Заратуштра Спитама! О чем твоя тревога и печаль в этой жизни? К чему ты более всего стремишься душой? Каковы твои сокровенные чаяния?»

На что Заратуштра ответил: «Я радею об одной только праведности. О ней моя печаль и тревога (есть ли ей место в этом мире?), к ней одной я стремлюсь. Поистине я искатель праведности».

И посланник небес изрек:

«Знай же, есть в этом мире праведность, и твоя забота о ней не тщетна. Я явился тебе как воплощенная праведность. Я сам — Добрый Помысел. Но существует в этом мире некто превыше меня — творец Властелин Мысли».

И еще добавил Добрый Помысел:

«Ступай же за мной, о Заратуштра праведный, на собрание Бессмертных Святых».

Мазда, желанье каждого, кто во мгле
зла не плутает, можешь исполнить ты.
Дай же мне силы, юности, красоты!
Арту постичь Армайти поможет мне.

Дай мне богатство, что заслужил трудом,
жизнь, что идет во благо, рождает свет.
Ибо ты за добро воздаешь добром;
злом же — за зло: тебя справедливей — нет.

Так вопрошал ты: «Кто ты? И чем ты жив?»
Так отвечал я: «К Правде тропа моя.
Я — Заратуштра, истинный недруг Лжи.
Святости полон, славлю Ахуру я!»

Ты вопрошал: «К кому устремлен твой дух?»
Я отвечал: «Покорна душа моя
Арте, когда огню поклоняюсь. Слух —
слову Ахуры, праведный судия!»

Дай же постичь мне речи твои. В борьбе —
силою Хшатры, Арты мне помоги,
ибо восстану с преданными тебе,—
и да поникнут веры твоей враги!

ЗАРАТУШТРА в собрании НЕБОЖИТЕЛЕЙ

И они пошли на собрание Бессмертных Святых. Добрый Помысел впереди, Заратуштра за ним. Добрый Помысел делал только девять шагов. Заратуштре приходилось делать девяносто шагов.

И вот пророк узрел собрание семи Бессмертных Святых. Когда он приблизился к ним, то не увидел своей собственной тени на земле. Столь ярким было сияние Святых.

Заратуштра воздал хвалу Властелину Мысли, затем громким голосом восславил Бессмертных Святых, после чего занял место, специально уготованное ему.

Святые дали ему знак, что можно спрашивать, и он вопросил:

«Что наиболее совершенно в телесном мире в первую, вторую и в третью очередь?»

Властелин Мысли ответил: «Во-первых — добрые помыслы, во-вторых — добрые речи, и в третьих — добрые дела».

Впоследствии он поведал Заратуштре о двух изначальных духах — Благом и Злом.

Ахура, правду мне открой:
в награду за мои хвалы,
о, снизойдешь ли, чтобы мне
суть изречений прояснить?

Ахура, правду мне открой,
коль я достоин знать ее:
что нужно сделать для того,
чтоб жизнь блаженную создать?

Ахура, правду мне открой:
кто Арты был отцом? Кто путь
впервые Солнцу указал,
дал прибавленье и ущерб
Луне, дорогу звездам дал?

Ахура, правду мне открой:
кто землю укрепил и кто
властитель свода облаков?
Кто впряг стремительных коней
с ветрами, стаей быстрых туч
в одну упряжку? О, скажи,
кто Воху-Ману сотворил?

Ахура, правду мне открой:
какой ваятель свет и тьму,
и сон, и бденье в мир низвел,
чтоб не был праздным человек?

Ахура, правду мне открой:
дано ли Слово мне постичь?
Разумный ли наставник я?
Кто создал скот и для кого?

Кто, Мазда, сына приучил
смиренно почитать отца?

Как слово Истины постичь?
Воздастся ли добром тому,
кто веру правую сберег?
Воздастся ли ее врагам?

Как Лжи приверженцев изгнать?

Как в длани Арты передать
Зло, чтобы власть его унять?
Кто победит в конце концов —
поборник Зла или Добра?

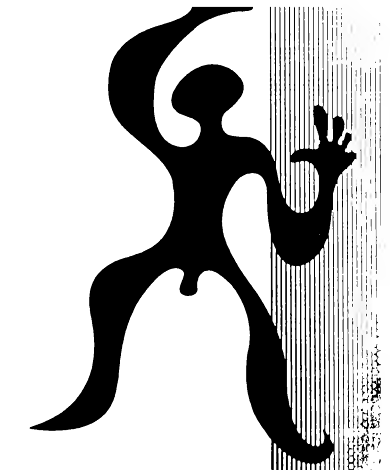
Ахура, правду мне открой:
могу ль по воле Арты я
в награду десять кобылиц,
коня, верблюда получить;
к ним — Харватат и Амэртат,
которыми владеешь ты?

Ахура, правду мне открой:
кто, слово не сдержав свое,
не хочет плату отдавать
за труд, к рукам ее прибрав?

Какую кару понесет
в сей миг он, а не в Судный день?

Ужели видел кто-нибудь,
чтоб дэвы делали добро?
На это пусть ответят их
приверженцы, что губят скот!

Творец явил пророку свой божественный разум — так, что Заратуштра лицезрел его во всем блеске и великолепии. Ему открылось зрелище светлого царства Святого Духа, противостоящего царству бесконечной тьмы, обиталищу Злого Духа.

ТАИНСТВО ПОСВЯЩЕНИЯ

Затем Святые Бессмертные торжественно совершили таинство посвящения Заратуштры.

Сначала Заратуштра прошел сквозь пылающий огонь, повторяя заповедь «благие помыслы, благие слова, благие дела».

Потом на грудь Заратуштре вылили чашу расплавленного металла. Когда металл стал застывать, пророк взял его в руки и вручил Бессмертным Святым.

Третьим испытанием было вспарывание ножом. Стали видны кровоточащие внутренности живота. Но когда на них были возложены руки бога, раны закрылись, не осталось и следа от надреза.

Властелин Мысли дал Заратуштре завет:

«Ты и твои единоверцы, принявшие пречистую веру, отныне будете способны пройти три эти испытания — пламенем, расплавленным металлом и острым инструментом. А дэвопоклонникам подобных испытаний не пройти!»

Тем временем воитель-царь Куруш одержал победу над своим тестем **Иштувегу**, царем страны **Мада**, и стал великим царем всех арийских стран. 550 г. до н. э.

Десять лет проповедовал Заратуштра веру Властелина Мысли в своем родном племени в области Атропатакана в стране Мада. Все его помыслы были обращены только к Ахура-Мазде, заботы — только к соблюдению праведности. Эти годы были наполнены великими подвигами арийцев, чья воинская доблесть помогла им заполучить великую державу, поистине Желанное Царство. 550—541 гг. до н. э.

Царь Куруш выступил с войском в страну города **Хужа (Хузистан)** и завоевал ее. 549/548 г. до н. э.

Затем он отправился воевать в страну **Армина (Армению)**, а царя Виштаспу, из своего же рода, направил с войском в страны **Варкана (Гурган)** и **Партава (Хорасан)**. Царь Виштаспа завоевал страну Варкана и страну Партава и сделал их покорными Курушу.

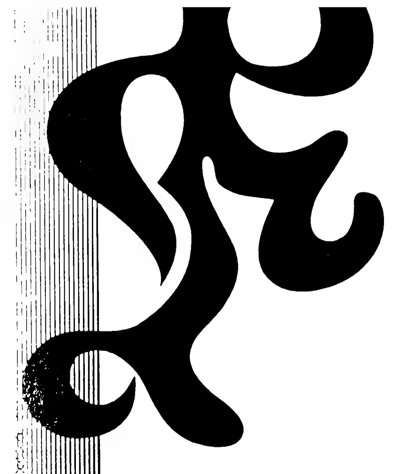
547 г. до н. э. **Страны у Верхнего Моря** и **Катпатука (Каппадокия)** перешли на сторону Куруша.

546/545 г. до н. э. Куруш с войском персов выступил в страну **Спарда (Сарды)** и долго воевал там. Он завоевал страну Спарда и всех **Йауна (Ионийцев)**, что у моря.

545—540 гг. до н. э. Царь Виштаспа с войском персов покорил страны **Харайва (Герат), Маргуш (Мерв), Бахтриш (Балх), Харахвати (Кандагар), Саттагуш.**

540/539 г. до н. э. После десяти лет духовных исканий Заратуштра обратил проповедь к своему двоюродному брату **Мадьо-Монгхе**, сыну Арастайи. Мадьо-Монгха внял словам пророка и стал первым его последователем.

Так в 40 лет Заратуштра получил первого обращенного в веру Властелина Мысли.

проповедь ЗАРАТУШТРЫ

Буду дальше говорить:
слушайте меня, внимайте,
мыслите, поскольку нам
Он явился в откровенье.
Никогда Учитель Лжи
не разрушит Жизнь Вторую.

Тот из Двойни Духов, кто
был святым, изрек другому:
«Знай: ни веры наши, ни
речи, воли и ученья,
ни дела, ни души, ни
мысли не придут к согласью!»

Буду говорить о том,
что открыл Ахура-Мазда
мне впервые. Тех из вас,
кто отвергнет эти речи,

в жизнь не воплотив,— беда
ждет в конце пути земного.

Буду говорить о том,
что есть лучшее. Чрез Арту
я познал, кто создал жизнь,
кто родитель Воху-Маны
и святой Армайти. Он —
Мазда, все на свете зрящий.

Расскажу о том, как Он
Слово для повиновенья
смертных дал, когда изрек:
«Все, покорные пророку,—
Харватат и Амэртат
обретут благим деяньем».

Буду говорить о Нем,
кто велик и благодатен
ко всему, что в мире есть.
Да услышан будет Мазда
через Дух Святой, что мне
даден был Благою Мыслью.

Пусть научит Он меня
наилучшему, даритель
воздаяний Двух. Душа
праведника в ликованье
будет вечном, а лжеца —
да пребудет в вечных муках.

Ты же страстною мольбой
вознесись к Нему: «О Мазда,
я воочию узрел
Царствие Благого Духа,
Слова, Действия. Тебя
ощутил посредством Арты».

Воздадим же Мазде мы
почитанье в Доме Песен!

Милости Его ищи
вместе с Воху-Маной, ибо
Мазда волею своей
благо нам несет и горе.
О труде проси, что даст
пищу пастуху и пастве.

Должен ты искать душой
Мазду и Ему молиться.
За радение свое —
через Арту с Воху-Маной —
Харватат и Амэртат
обретешь ты в Царстве Света.

Только тот, кто избежал
дэвов и подвластных дэвам,
только тот, кто чтит Его
более других, — пребудет
господином дома, где
властвует святая вера!

Но остальные соплеменники по-прежнему не обращали внимания на слова Заратуштры. Когда он пытался говорить с ними о вере, они прогоняли его.

Однажды злодей **Ганнаг Меног** ради того, чтобы опорочить учение пророка, подговорил одного из соплеменников незаметно подложить в карман одеяния Заратуштры человеческие кости. Во время проповеди Заратуштры Ганнаг Меног объявил людям, что перед ними презренный переносчик трупов, а не боговдохновенный вероучитель. Этими словами он подал условный знак своему сообщнику, который порвал ткань на кармане Заратуштры, и на землю упали человеческие кости. Заратуштру схватили, связали 33-мя путами и бросили в темницу. Его держали без еды и питья так долго, что он обессилел и временно утратил слух и зрение. После чего племя изгнало своего пророка.

В отчаянии Заратуштра в молитвах вопрошал Ахура-Мазду, когда же у него будет больше последователей. Великий бог вновь вселил твердость в своего проповедника, открыв ему грядущее. Он пообещал, что наступит такое время, когда приверженцев истины будет не перечесть. И добавил, что нет пророка в своем отечестве.

Где скрыться мне, куда пойду?
Изгоем стал в родной стране,
что друджам, сеющим беду,
отныне верит, а не мне.
Ахура, отведи беду!

Я не в чести и не у дел,
поскольку все, что ныне есть,—
скотины малость и людей.
Так облегчи же мой удел —
дай Мысль Благую приобресть!

Когда лучи рассеют тьму,
чтоб Арту нам явить, придут
на помощь мудрые? Кому
Благою Мыслью воздадут? —
Мне, отпечатку твоему.

Мешает умножать стада
тому, кто Арту чтит, злодей,
сторонник друджей. Навсегда
да будет изгнан от людей
враг, не имеющий стыда!

Кто, Мазда, защитит меня
от недругов со всех сторон?
Кто, кроме твоего Огня
и Мысли, что плодят Закон,
сияющий средь бела дня?

Коль враг Закона поспешит
с враждою к дому моему,—
Ахура, ты его лиши
покойной жизни, кинь во тьму
и злом за зло воздай ему!

Кто первым выдохнул в века,
что ты — подмога и судья?

А что изрек Творцу быка
Закон,— нам скажет Мысль твоя,
которой повинуюсь я.

О, если муж или жена
устроит жизнь мою, как сад,—
воздай за праведность сполна.
И, восхвалив тебя стократ,
преодолеем мост Чинват.

Кто заодно со мной,— тому
добром отвечу. Если ж он —
враг, изгоню его во тьму,
поскольку Мазда и Закон
велят так духу и уму.

Кто мне из всех земных даров
даст то, чего желаю я,—
в награду стельных двух коров
получит, вечность бытия —
все то, что Мазда может дать:
покой души и благодать.

О, кто правителем благим
во славу веры и любви
придет на смену тем, другим?
Создатель, имя назови!
Виштаспа,— вот кто будет им.

Заратуштра покинул родину и побрел на чужбину. Он ушел один, по совету и повелению Ахура-Мазды,

и направился во владения Кави Виштаспы через г. **Рага (Тегеран)** и область Варкану (Гурган).

Но и на чужбине отовсюду гнали его лживые кавии и злобные карапаны.

Не принял пророка и лживый **кавий Вэпья**. Он оскорбил Заратуштру и отказал в крове ему и дрожащим от холода вьючным животным, за что понес суровое наказание у **моста Разделения Чинват** в загробном мире.

С горечью пророк пришел к выводу, что словам праведности внемлют лишь малые мира сего. Они-то и держатся правды, а богачи исповедуют кривду:

Духом Святейшим и Мыслью Благой,
Правды стараньем в делах и реченьях —
вечность и целостность были даны
Мудрому, что благочестия полон.

Будет же Духу Святому вовек —
лучшее — словом и делом с Благою
Мыслью в согласье творить человек,
зная: Он — Правды родитель мудрейший.

Ты подарил человеку стада,
Мудрый; Армайти дал пастбища, чтобы
мирно и праведно жил человек,
Мысли Благой непрестанно внимая.

Духа Святого страшится лишь тот,
кто нечестивец и правде не внемлет.
Благочестивому люб даже муж
бедный; бесчестному ж — плох и богатый.

Так научи же, о Мудрый, Святым
Духом того, кто в согласии с Правдой,
что — хорошо. Не по воле твоей
Зло нечестивец творит повсеместно.

Так возвести же, Создатель, Святым
Духом, Огнем воздаянье причастным
Правде и тем, кто бежит от нее.
Внемлющих да обрати в свою веру!

Нигде не находил себе приюта несчастный изгнанник. И лишь Ахура-Мазда, благой бог, был всюду с ним и руководил его мыслями и действиями.

540/539 г. до н. э. Пока Заратуштра странствовал по арийским странам в поисках пристанища и благодарных слушателей, арийские военачальники приступили к завоеванию всего известного тогда цивилизованного мира.

Весной 539 г. до н. э. царь Куруш с войском персов выступил против страны **Бабируш**.

В конце лета того же года персы разгромили войско города Бабируш.

Осенью Куруш вступил в город **Сиппар**, а на третий день занял город Бабируш.

Куруш, царь четырех стран света, великий царь семи областей населенного мира, могущественный царь велел объявить жителям города:

«**Набонид** удалил древних идолов дэвов из храмов, отменил ежедневные жертвы дэвам. Он предал забве-

нию почитание **Мардука (Гуру)**, царя дэвов. Он всегда творил зло своему городу Бабирушу, а правил неправедно и жестоко. Дэвы покинули свои жилища.

Наслушавшись людских жалоб, владыка дэвов впал в сильный гнев. Он оглядел все страны, в поисках справедливого правителя, чтобы вести его во время новогоднего шествия, и сказал Курушу, царю города Аншана: «Ты станешь владыкой всего мира». Дэв дэвов поверг к ногам Куруша страну **Йаутья** и всех жителей страны Мада. И царь обращался справедливо с **черноголовыми жителями Междуречья**, которых Мардук побудил его покорить.

Мардук, великий владыка, защитник своего народа, будучи доволен добрыми делами Куруша, велел ему выступить против города Бабируш. Он шел рядом с ним как друг и позволил без боя вступить в Бабируш, не причинив городу никакого бедствия.

Жители Бабируша и всей страны Шумера и Аккада, князья и наместники склонились перед Курушем и облобызали ему ноги, радуясь, что царство отныне — его. Они восторженно приветствовали владыку мира, благодаря которому вернулись от смерти к жизни, и благословляли имя смелого завоевателя.

Я — Куруш, царь Вселенной, великий царь, могучий царь, царь Бабируша, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света, сын Камбужии, великого царя Аншана, потомок царя Чишпиша, великого царя Аншана, внук Куруша, великого царя Аншана, из исконного цар-

ского рода Хахаманишья, правление которого любезно дэвам Белу (Индара Веретрагна) и Набу (Тира), и они желают видеть меня царем, чтобы сердца их были довольны.

Когда я бескровно вступил в город Бабируш и установил трон во дворце царей,— Мардук, великий владыка, побудил добросердечных жителей города Бабируш полюбить меня, и я ежедневно и с прилежанием почитал его.

Мои многочисленные войска вступили в город Бабируш мирно. Я не позволил никому пугать жителей страны Шумера и Аккада. Я установил мир в Бабируше и во всех его священных городах. Я отменил иго, которое было наложено на них. Я принес покой в разрушенные дома и положил конец жалобам.

Мардук, великий владыка, доволен моими делами и возложил благословение на меня, Куруша, царя, почитающего его; на Камбужию, моего сына; и на мое войско.

Все цари вселенной от Верхнего и Нижнего морей, и те, кто живет в царских чертогах, и те, кто живет во дворцах; все цари западных стран, живущие в шатрах, доставили ко мне в город Бабируш обильные подати и облобызали мои ноги.

В **Ашшур** и Хужу, **Аккад** и **Эншунну**, **Замбан**, **Ме-Турну**, **Дер** вплоть до страны Йаутья я вернул в святилища, долгое время пребывающие в руинах, дэвов, которые обитали там прежде.

Я собрал жителей и возвратил их в родные жилища. По повелению Мардука, великого владыки всех дэвов страны Шумера и Аккада, которых Набонид привез в город Бабируш к негодованию повелителя дэвов, я доставил в целости в прежние святилища, и они были довольны.

Пусть все дэвы, возвращенные мной в их священные города, молятся Белу и Набу о долгой жизни для меня. Пусть они скажут Мардуку, моему владыке: “Куруш — царь, почитающий тебя; и Камбужия, его сын, также чтит тебя. Да будет счастье и в жизни, и после смерти тому, кто почитает Мардука. Да хранит Мардук от всякой скверны и его дом и эту страну”».

Царь Куруш отдал приказ о храме Божьем в **Иерушалаиме**: храм тот да будет отстроен на месте, где приносят жертвы; основание его должно быть прочным, высота — шестьдесят локтей, ширина — шестьдесят локтей. Рядов из неотесанного камня три, и один ряд из нового дерева; а средства на все это будут выданы из царского дома. Также — золотые и серебряные сосуды храма Божьего, которые **Набукаднецар** вынес из храма, что в Иерушалаиме, и увез в город Бабируш, пусть вернут в Иерушалаим, и да будут они помещены на свое место в храме Божьем.

539/538 г. до н. э.

Царь царей Куруш занимался обустройством стран у Верхнего моря. Властителем страны Бабируш он поставил сына своего Камбужию.

обращение ВИШТАСПЫ в веру ЗАРАТУШТРЫ

После всех скитаний и приключений Заратуштра прибыл в царство Кави Виштаспы, в страну Партава (Хорасан).

540/539 г. до н. э.

Выйдя на берег реки Доброй Датии (Аму-Дарья?), Заратуштра помолился Властелину Мысли и Доброму Помыслу, дабы они даровали ему такую удачу, чтоб сына Арватаспы, могучего Виштаспу, он наставил мыслить, говорить и действовать согласно вере Ахура-Мазды.

А Благую Удачу — **Арти-Вахви** — он молил о том, чтобы она помогла обратить в веру почитающих Властелина Мысли царицу **Хутосу**, сестру и жену Виштаспы. И Добрая Удача отозвалась на мольбу пророка.

Тогда, заручившись поддержкой язатов, Заратуштра обратился с вдохновенной мантрой к царю, призывая его проклясть дэвов, поклониться Властелину Мысли через Добрый Помысел и Наилучшее Суждение и принять веру почитателей Мазды.

Виштаспа догадался, что странник, пришедший к нему, послан Небом. Но последователем его веры Виштаспа стал не сразу. У царя возникли подозрения, что перед ним обыкновенный прорицатель-проситель, и он ответил Заратуштре надменно:

«Если тебе нужны лошади или еще что-то, возьми и ступай прочь».

Заратуштра удалился, не взяв ничего.

Но через некоторое время снова пришел к царю.

Советниками и придворными царя были многие кавии и черные маги во главе с дэвопоклонником **Заком**. Их умами владела извращенная религия дэвопоклонства. Они занимались вредоносным колдовством и смертоносной магией.

Советники стали убеждать Виштаспу, что в его страну прибыл ненормальный смутьян, бесстыжий еретик и одержимый хулитель дэвов. И во избежание гнева могущественных дэвов-небожителей царь должен немедленно приговорить его к смерти. По указу царя слуги схватили Заратуштру, связали руки, заковали ноги в колодки и бросили в царскую темницу.

Ему не давали ни одежды, ни пищи, ни воды. Тело его терзали холод, сырость, голод и жажда. Связанный,

с закрытыми глазами, он лежал на каменном полу темницы и шептал молитвы Властелину Мысли. В таких невыносимых муках проходили его дни и ночи.

Выждав достаточный срок, чтобы от истощения мог умереть самый дюжий из силачей, маги-карапаны велели стражникам открыть темницу и вынести вон мертвое тело. Как же они изумились, когда узрели, что Заратуштра жив! Это было первое явленное им чудо.

А когда скрученного веревками пророка привели к царю, произошло второе чудо. Истерзанное и истощенное тело Заратуштры на глазах растерявшихся карапанов и кавиев стало оживать и наливаться силой,— перед Кави Виштаспой и его свитой предстал целый и невредимый, полный жизненных сил благородный муж.

Словно пелена пала с глаз Виштаспы, и будто ветром развеяло злой дурман, окутывавший его разум. Царь поверил, что перед ним истинный посланник небесного бога. На сей раз Виштаспа сказал так:

«Даже если я приму твою веру во Властелина Мысли и отрекусь от дэвов, это все равно не спасет мою душу от посмертного наказания, ибо на мне лежит грех убийства. В трех сражениях я убил двадцать тысяч человек: десять тысяч в первом сражении, а во втором и третьем — по пять тысяч человек было убито мною. Затем было еще три сражения, в которых я убил двенадцать тысяч человек».

На это Заратуштра возразил: «Нет на тебе греха, о Виштаспа, наоборот, ты совершил благое дело. Ибо

все, убиенные тобою, были отпрысками волков, злыми и вредоносными приверженцами лживого учения и дэвопоклонства. Обратись же в даэну маздаясну, о Кави Виштаспа!»

Далее Заратуштра напомнил царю и присутствующим магам-карапанам, что не обрел спасения не принявший веры Ахура-Мазды **Хошьянга** Парадата, первый уничтожитель мазанских дэвов. Он молился богине Мощного Светила Непорочного (Ардви-Суре Анахите) и приносил ей в жертву под горою Хара Березати (Эльбурс) сто жеребцов, тысячу коров и десять тысяч овец. Вот его просьба к Ардви:

«Такую дай удачу, Благая Ардви-Сура Анахита, чтобы я добился власти над людьми и дэвами, над **яту-волхвами** и **колдуньями-париками**, над кавиями и злыми карапанами, чтобы сумел убить две трети **мазанских дэвов** и **варнийских слуг Зла**!»

Не принял веры во Властелина Мысли и великолепный **Йима**. Так просил он богиню планеты Венера: «Дай мне удачу, Благая Ардви-Сура, чтобы добился власти я над людьми и дэвами, над ведьмами, волхвами, кавийскими правителями и злыми карапанами, чтобы спас я от дэвов богатство и именье, скота и нивы тучность, довольство и почет». Он отверг веру во Властелина Мысли, думая, что дэв Разлагающий Плоть (**Асто Видоту**) не страшен ему, и жестоко пострадал от дэвов и людей.

Не принял истинную веру и победоносный **Траэтаона**, наследники которого учинили братоубийственную войну. Траэтаону поразил дэв Старости (**Заурва**) — могучий герой сделался дряхлым старцем.

Не принял веры Властелина Мысли и царь **Манушчитра**, предок самого Заратуштры, исполнивший родовой долг кровной мести за Арью. Он уничтожил Сариму и Туру, отстранил их от разрушения телесного мира. Смерть этих двоих стала великим уроном для злых дэвов.

Не уверовал в Ахура-Мазду и **Сама-Керсаспа**, который был сражен Злым Умыслом — Ака-Маной.

Не уверовал во Властелина Мысли блистательный священный царь **Кави Хосрава**, молившийся Ардви-Суре и приносивший ей в жертву сто жеребцов, тысячу коров и десять тысяч овец у глубоководного озера Чэчаста. Он сокрушил храмы идолов, мерзкие кумирни неправедных приверженцев Лжеучений (друджвантов), воздвигнутые во славу ложных дэвов у озера Чэчаста в Атропатакане. Им был установлен огонь Атро-Виштаспа в назначенном месте на горе **Аснавау**.

Все они не приняли истинную веру. Так прими же ее ты, о Кави Виштаспа!

Но даже после этих напоминаний Заратуштры Виштаспа не принял веру во Властелина Мысли.

Кавии и карапаны, опасаясь за свое положение, вызвали Заратуштру на религиозный диспут и задали ему

тридцать три сложных вопроса, на которые он дал исчерпывающие ответы и поверг их в смятение.

Однако и после этого Виштаспа не обратился в Заратуштрову веру.

Тогда, чтобы вразумить царя, Властелин Мысли послал в помощь Заратуштре Добрый Помысел, Наилучшее Суждение и **огонь Атар-Бурзин-Митра** во всем блеске величия, сияющих, как Солнце. Виштаспа, придворные, кавии и карапаны, задрожали от страха.

Но Атар, огонь Властелина Мысли, сказал:

«Не бойся, Кави Виштаспа! Наше появление не причинит тебе вреда. Бессмертные Святые пришли не как посланники сил зла. Мы несем благость и добро. И взываем к тебе: прими веру во Властелина Мысли, заратуштровскую, истинную и единственно праведную, и да отвратится твой лик от дэвов, почитания не достойных!..

Если ты поклонишься Властелину Мысли и примешь веру Заратуштры Спитамы, мы даруем тебе долгое блистательное царствование и длинную жизнь. И будет тебе дарован сын по имени **Пешотану**, который сначала станет главой всех арийских племен и народностей, а позднее — бессмертным и нестареющим **Рату**, уйдя из мира телесного в царство Бесконечного Света...

Если же ты, о Виштаспа, не примешь веру Заратуштры, если не отвратишь лик свой, думы свои, слова

и дела свои от дэвов, не достойных почитания, мы ниспошлем тебе печальный конец: кровь твоя прольется на землю, тело твое растерзают коршуны, вода не достигнет тела, и кости падут наземь».

Но даже после этого Виштаспа колебался. Его удерживало не сомнение в истинности учения Заратуштры, а страх, что, как только он объявит о своем обращении в новую веру и проклянет дэвов, народ взбунтуется, кавии и злые карапаны станут чинить ему всяческий вред, а кровожадный **Ареджатаспа** приведет полчища **хвионов** против него, и все, кто предан царю, сложат головы на той войне.

Ахура-Мазда, всеведущий бог, знал о сомнениях царя Виштаспы. Надо было убедить Виштаспу, что в войне с силами зла его войско победит. Поэтому Бог призвал своего божественного посланника Нарьо-Сангу и велел ему лететь к Кави Виштаспе и передать Арта-Вахиште: «О, Наилучшее Суждение! Возьми чашу — ту, что прекрасней всех чаш, сделанных человеческими руками, и дай испить Кави Виштаспе **напиток из хаомы с варом**».

Арта-Вахишта выполнила приказ Творца, который ей передал вестник Нарьо-Санга — Хвала Мужей.

Едва Виштаспа пригубил волшебный напиток, — сразу же укрепился в душе, и страх оставил его. Сладостное забытье окутало царя, и он уснул. Бессмертные Святые перенесли душу Кави Виштаспы в **Гаронману,**

место божественных песнопений, и показали ему все величие царства Властелина Мысли.

Придя в себя, Виштаспа воскликнул:

«О **Хутоса**, жена моя! Где этот пришелец, пророк Заратуштра?! Я немедля приму его веру!»

И Заратуштра пришел на зов.

Таким образом в 42 года он обратил в свою веру самого Кави Виштаспу, сына Арватаспы, правителя Дамгана, Варканы и Партавы. Кави Виштаспа царствовал 30 лет до обращения в маздаясну.

Виштаспа передал чашу Арты своей супруге, царице Хутосе. Она выпила напиток и обратилась в истинную веру.

В то же мгновение благодать и мир снизошли на овец и коров, на все горящие огни и на всех духов, охранителей домов.

Немало подивились этому жители семи каршваров — областей населенной земли. Огни в их очагах вдруг разом вспыхнули и заплясали, а потом пустился в пляс домашний скот, быки и коровы. А маги и карапаны, собирающие хаому на горных склонах, увидели, как пляшут дикие звери. Подобного не помнили седые старцы; не слышали такого и из рассказов дедов и прадедов.

А злые дэвы содрогнулись в мрачной тьме. Они поняли, что отныне воинство сил Доброго Помысла — Воху-Маны — будет произрастать и множиться.

Самый свирепый из дэвов, яростный Аэшма, опрометью понесся в страну хвионов, к их кровожадному правителю Ареджатаспе. Ибо он в те времена был наиболее могущественным среди туранцев. Аэшма ворвался в страну, как смерч, и призвал идти войной на царство Виштаспы, чтобы заставить того отречься от веры во Властелина Мысли.

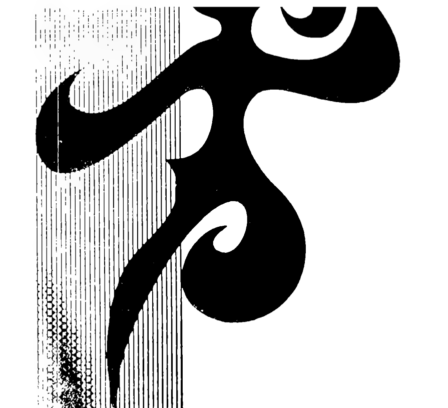
Вслед за царем и царицей в истинную веру обратились отец Виштаспы, старый Аршама Арватаспа, царский брат, искусный конник **Заривари** со всем его домом, советник Виштаспы **Джамаспа** из знатного рода **Хвова** и его брат **Фрашаоштра**.

Аршама, царь царей, в стране Парса, сын царя Арияpüramны, Хахаманишья, провозгласил следующее:

«Ахура-Мазда, бог великий, величайший из богов, сделал меня царем. Вручил мне страну Парса, населенную прекрасным народом и хорошими лошадьми. По воле Ахура-Мазды я владею этой страной.

Пусть защитит Ахура-Мазда мой род и страну, пусть он защитит».

Потом маздаяснийскую веру приняли один за другим все знатные мужи в царстве Виштаспы, а следом в нее стал обращаться простой люд.

после обращения ВИШТАСПЫ в веру проходит ВОСЕМНАДЦАТЬ **лет**

538—520 гг. до н. э.

Заратуштра был обласкан царем Виштаспой и окружен великим почетом. Он превосходил прочих смертных не только в духовном знании. В семи областях населенной земли пророк лучше всех знал искусство врачевания, искусство ведения домашнего хозяйства; где и какие реки, горы и страны создал Ахура-Мазда, а также астрологию и очистительные ритуалы.

Проповеди, пророчества, наставления и поучения Заратуштры записывались золотыми чернилами в книге, ставшей сводом высочайших достижений человеческой мудрости.

Заратуштра был столь прозорлив, что даже предрек царствие Александра Македонского, наступившее через 258 лет после рождения самого пророка.

Повелением Виштаспы в управление Заратуштре был отдан город праведных **Вара**, некогда основанный Йимой. Пророк правил Варой вместе со своим подросшим сыном Урвататнарой, скотоводом и земледельцем.

В будущей жизни всем воздается. Тот,
кто был с Армайти дружен и черных дел
не сотворял,— я знаю — легко войдет
в царство Ахуры с Артою в Судный день.

Я вопрошаю: Арте благодаря,
сможет ли стать хозяином стад пастух,
если свои труды положил не зря
на умноженье стада, о Добрый Дух?

Дай же мне рост растений, Творец скота,
влаги прозрачность. Духом твоим Благим
дай Амэртат мне, Мазда, и Харватат.
Дай же мне то, что верным даешь другим!

Дай через Воху-Ману мне силу и
бодрость, чтоб мог я к Правде вести людей;
чтоб, восхваляя, Мазда, дела твои,
я испытанье выдержал в Судный день.

Знаю, что испытания тяжелы:
красный огонь пройдя, а за ним металл

жгучий,— очнутся друджевцы в царстве тьмы;
артовцы — в царстве света, как ты внушал.

Вэпья злонравный, что у моста в мороз
встретился с Заратуштрою и не дал
крова ему и вьючным животным, слез
не сосчитает, вспомнив, что плел тогда.
Ибо за зло ты злом воздаешь стократ:
будет наказан он у моста Чинват!

Заратуштра женился дважды. Одна из его жен была «служащей» (т. е. вдова во втором браке), а другая «правящей» (т. е. выданной замуж девственницей с согласия родителей).

Служащая жена родила Заратуштре двух сыновей — Урвататнару и Хварачитру. Правящая жена родила пророку сына Исадвастру и трех дочерей — Френи, Трити и Поручисту.

Френи и Трити стали великими сторонницами веры во Властелина Мысли.

Поручиста была выдана замуж за Джамаспу, царского советника. Сам Кави Виштаспа присутствовал на ее свадьбе. Во время торжества Заратуштра произнес проповедь и дал дочери-невесте наставления, как подобает блюсти себя праведной женщине и жене.

Наилучшего прошу
для владычества Спитамы
Заратуштры,— это дать
может лишь Ахура-Мазда

через Арту: славу и
жизни вечной свет блаженный.

Дай и тем, кто вместе с ним
постигал основы веры!

О, позвольте же снискать
мыслями, словами, делом
благосклонность Мазды; вновь
вознестись хвалою страстной
и Виштаспе Кави, и
Спитамиду с Фрашаоштрой,

пролагая путь прямой
для пророка новой веры.

Знай же Поручиста, дочь
младшая Хаэчатаспы
и Спитамы: ты союз
заключишь с Джамаспой. Будет
протекать в согласье он
с Маздой, Артой, Воху-Маной.

Ты же постигать должна
доблести святой Армайти.

Рек Джамаспа: «Поведу
дочь твою путями веры,
чтоб смогла она служить
праведно отцу, супругу,
воинам, крестьянам — всем
честным людям — до кончины».

И тогда Ахура ей
даст наследье Воху-Маны.

Заратуштра молвил: «Я
поученья возвещаю
всем девицам, женихам,
что к супружеству стремятся.
Так примите их в сердца,
Благомыслию внимая.

И пытайтесь превзойти
прочих в услуженье Арте!»

О мужи и жены! Вам
счастья не найти в союзе
с нечестивцами. Для них
уготованы стенанья
«горе мне!» и черствый хлеб.
Им блаженство недоступно.

Вас их речи приведут
к гибели Духовной Жизни.

Да питает кровь и плоть
вашу истинная вера.
А иначе предстоят
боль и ужас на Чинвате,
где трусливый дух Лжеца
будет корчиться в мученьях.

То же вас постигнет, коль
вы от Мазды отойдете.

Вот что говорил своим ученикам и последователям Заратуштра:

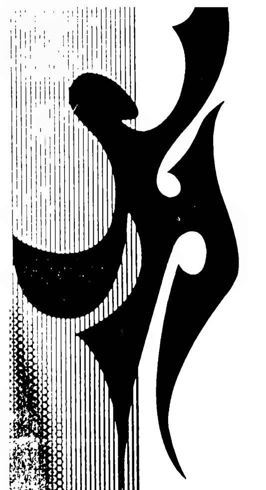
Все, что свершил я, и все, что свершу,
все, что стараньями праведной мысли
стало приятным для ока,— восход
солнца и полночи Бык осиянный,—
все лишь хвала, о Создатель, тебе!

Быстрых коней я мечтаю запрячь,
сильных, могучих и преданных Арте
и Воху-Мане; Ахура, таких,
что вас домчали бы к нам за мгновенье.
Только бы вы не отвергли меня!

А вот еще одно наставление Заратуштры:

Дэвов, недругов людей,
в мир прислали злые силы
для свершенья черных дел.
Тех, кому насилье мило,
ждет расплата в Судный день.

Тем же, кто Армайти чтит,—
воздаяньем будет царство
Мазды с Артой. Ибо сыт
тот, кто укрепляет паству,
кто в делах и мыслях чист.

ВИШТАСПА и КУРУШ, или священный царь и царь-воитель

лето 530 г. до н. э.

По прошествии восьми лет после обращения Кави Виштаспы в веру Заратуштры, Куруш, великий царь всех арийских стран, правитель семи областей населенной земли, вознамерился захватить страну Мудрайя (Египет), однако для начала решил обезопасить северо-восточные пределы Персидской державы от набегов кочевников.

Куруш повелел Виштаспе повсюду воздвигать пограничные укрепления, названные в его честь городами Куруша (Курушкатха).

Царицей хвионов была в те времена **Таомириш**. К ней-то Куруш и отправил послов под предлогом сватовства. Но умная

Таомириш поняла, что Куруш, предлагая ей руку и сердце, домогается всего царства хвионов, и отказала ему. Куруш, осознав, что хитрость не удалась, открыто пошел войной на хвионов.

Летом он выступил с великим войском на север от стран Варкана и Партава против **дахов и дербиков**, племен хвиона. Для переправы войска через Эрехш царь царей приказал построить понтонные мосты через реку. А на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни. Пока войско Куруша выполняло эти работы, Таомириш через глашатая объявила Курушу следующее:

«Царь арийских стран, отступись от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо сооружение этих мостов. Оставь коварные замыслы, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать моему совету, а предпочтешь действовать как угодно, только не сохранять мир. Если ты так страстно желаешь напасть на хвионов, прекрати работы по строительству моста, переходи спокойно в нашу страну, ибо мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если предпочитаешь допустить нас в свою землю, то поступи так же».

После этого Куруш призвал к себе персидских вельмож на военный совет, изложил им дело и спросил совета, как ему поступить.

Вельможи сошлись на том, что следует ожидать Таомириш с ее войском здесь, на своей земле.

Присутствовавший на совещании Кройс, царь Спарды, не одобрил, однако, этого совета. Он высказал свое возражение в таких словах:

«О, царь! Я уже раньше, после того как Ахура-Мазда передал меня в твои руки, обещал тебе сколь возможно отвращать всякую беду, грозящую твоему дому.

Если ты мнишь себя бессмертным главой бессмертного войска, мое мнение не принесет тебе пользы. Если же признаешь, что ты — всего только человек и царствуешь над такими же смертными людьми, то задумайся вот над чем: существует круговорот человеческих дел, не допускающий, чтобы одни и те же люди были счастливы. Мои столь тяжкие страдания послужили мне наукой.

Так вот, в настоящем деле я держусь мнения, противоположного мнению твоих вельмож. Допустив врагов на собственную землю, мы подвергнемся смертельной опасности: потерпев поражение, ты погубишь всю свою державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, хвионы не вернутся на свои земли, но вторгнутся в твои владения.

В случае же победы над врагом твой успех будет вовсе не так велик, как если бы ты победил хвионов на их территории и стал преследовать бегущих.

Я хочу сравнить преимущества твои и хвионов: разбив неприятеля, ты сможешь прямым путем вторгнуть-

ся во владения Таомириш. Да и Курушу, сыну Камбужии, было бы постыдно и нестерпимо подчиниться женщине и позволить ей вступить в твою страну.

По-моему, нам следует перейти реку и проникнуть в глубь страны, насколько враги отступят, а затем попытаться одолеть их, прибегнув к хитрости.

Мне стало известно, что хвионам совершенно незнакома роскошь персидского образа жизни и недоступны ее великие наслаждения. Стало быть, надо устроить в нашем стане обильное угощение для этих людей, зарезав множество баранов, и сверх того выставить огромное количество сосудов цельного вина и всевозможных яств. А завершив приготовления, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Коль я не обманываюсь в своем суждении,— враги при виде такого обилия яств набросятся на них, и нам предоставится возможность совершить великие подвиги».

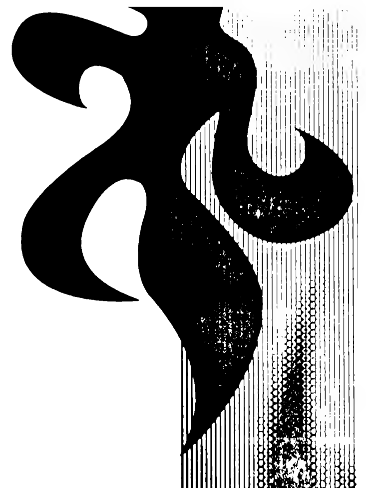
Итак, у советников возникли разногласия. Куруш, отвергнув первое мнение, принял совет Кройса.

Царь царей велел объявить Таомириш, чтобы она отступила, поскольку он намерен переправиться в ее владения. И царица ушла с войском, согласно данному слову.

Куруш вверил Кройса своему сыну Камбужии, которого он назначил наследником в случае неудачной переправы и похода в страну хвионов. При этом царь настоятельно просил сына почитать Кройса и покрови-

тельствовать ему. После чего Куруш отпустил Камбужию и Кройса, отправив их в страну Парса. Другого сына, Барзию Танувазрка, он назначил сатрапом областей Мада, Арминия и племени кадусиев.

А сам вместе с войском начал переправу через Эрэхш. Войско благополучно перешло реку и ступило на земли дэвопоклонников.

вещий сон КУРУША

После переправы, уже на земле хвионов, Куруш увидел ночью вот какой сон. Царю явился старший сын Виштаспы с крыльями на плечах, при этом одно крыло осеняло запад, а другое — восток. Пробудившись, Куруш стал размышлять о смысле сновидения и решил, что оно имеет большое значение.

Он призвал к себе Виштаспу и без свидетелей сказал ему:

«Виштаспа! Сын твой уличен в кознях против меня и моей державы. Я узнал об этом и скажу тебе, откуда. Дэвы пекутся о моей участи и заранее открывают грозящую мне беду. Прошлой ночью я видел

во сне старшего из твоих сыновей с крыльями на плечах, причем одним крылом он осенял восток, а другим запад. Сновидение — предупреждение о том, что твой сын посягает на мою жизнь. Возвращайся как можно скорее в державу персов и призови его к ответу, после того как я покорю эту страну и возвращусь домой».

Куруш говорил так, полагая, что **Спентадата Дараявахуш** имеет против него злой умысел. Однако дэвы, приславшие сновидение, пытались открыть ему, что царь примет скорую смерть здесь, в стране хвионов, а его царство перейдет к Дараявахушу, сыну Виштаспы.

Праведный Виштаспа отвечал царю царей так:

«Великий Царь! Лучше бы не родиться тому персу, который посягнет на твою жизнь! А если и есть такой,— да погибнет он, и как можно скорее! Ведь это ты сделал персов свободными и из данников другим народам — владыками всех. А если сновидение возвестило тебе, что мой сын замышляет мятеж,— отдаю его в твои руки: поступай с ним как знаешь!»

Вот что ответил праведный Виштаспа царю арийских стран. После чего, переправившись через Аракс, он возвратился в Персидскую державу, чтобы в угоду Курушу схватить и держать своего старшего сына под стражей.

А Куруш между тем проник с войском за Эрэхш на один дневной переход и поступил по совету Кройса,

оставив на месте только слабосильных воинов; сам царь с лучшей частью войска снова отошел к Эрэхшу.

Третья часть войска хвионов напала на оставленных Курушем воинов, и, несмотря на храброе сопротивление, перебила их.

После победы, увидев выставленные в стане персов яства и вина, хвионы уселись пировать. Они досыта наелись, напились вина и уснули.

И вот тут нагрянули персы, перебили большую часть застигнутых врасплох врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников оказался и сын царицы Таомириш, предводитель хвионов, по имени Спаргапит.

Сама же царица, узнав об участи своего войска и сына, велела отправить вестника к Курушу с такими словами:

«Кровожадный Куруш! Не кичись своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, напившись, начинаете извергать потоки недостойных речей,— вот этим зельем ты коварно одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою.

Послушайся доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того, как тебе нагло удалось погубить третью часть войска хвионов. Если ты этого не сделаешь, клянусь богом Солнца, владыкой хвионов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен».

Куруш, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая.

А сын царицы Таомириш, Спаргапит, когда хмель вышел у него из головы, понял свое бедственное положение и попросил Куруша освободить его от оков. Как только руки царевича стали свободными, он тут же умертвил себя.

Таомириш, узнав, что Куруш не внял ее совету, возглавила войско и напала на персов. Из всех битв между арийцами и турами эта была самой жестокой.

Сначала, как передают, враждующие, стоя друг против друга, стреляли из луков издали. Затем, исчерпав запас стрел, бросились врукопашную с копьями и кинжалами. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец хвионы стали одерживать верх. Почти все персидское войско пало на поле битвы. В этом сражении один хвион ранил Куруша копьем в печень, и царь на третий день умер от смертельного ранения.

Таомириш наполнила винный мех человеческой кровью и повелела отыскать среди павших персов тело Куруша. Когда труп нашли, царица приказала поместить голову Куруша в мех с кровью. Затем, глумясь над покойником, она стала приговаривать:

«Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, ибо хитростью захватил моего сына. А теперь я, как и грозилась, напою тебя кровью».

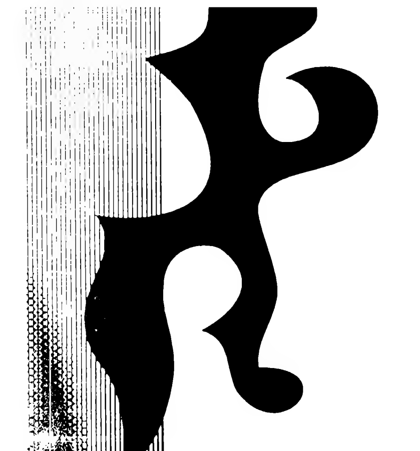
Такой была смерть Куруша, который царствовал полных 29 лет.

Услышав о трагическом событии, царь союзных персам **саков**, чтящих Хаому (Хаумаварга), вместе с 20 тысячами всадников поспешил на помощь Курушу. После упорной битвы хвионы дербики были побеждены и рассеяны саками.

Эта война, самая жестокая и кровавая из всех, где участвовали арии, произошла в разгаре лета, а уже к концу лета весть о гибели Куруша достигла далекого Бабируша (Вавилона).

Виштаспа выкупил у хвионов тело Куруша, а Камбужия отправил его со своим сановником Багапатом в страну Парса. Тело царя доставили и с соблюдением всех обрядов похоронили в Пасаргадах.

Гробница Куруша, сохранившаяся до наших дней, поражает благородной красотой. Она расположена в цветущем **парадизе**, в густой чаще деревьев. Над фронтоном изображено Солнце. В склепе — золотой гроб, в котором был погребен Куруш, и ложе с коваными золотыми ножками, застланное шкурами, окрашенными в пурпур. На этих шкурах лежат царский плащ и другие предметы одежды, а также браслеты, кинжалы и прочие украшения. В свое время рядом с гробницей Камбужия распорядился устроить сторожку для магов, приносивших жертвы дэвам загробного мира и охранявших памятник.

царь КАМБУЖИЯ

530—526 гг. до н. э.

В августе 530 г. до н. э. Камбужия стал великим царем державы персов.

После смерти царя **Ахмаси** в стране **Мудрайя** (Египет) в конце 526 г. до н. э. Камбужия объявил себя и царем страны Мудрайя, а последнего саисского фараона Псамметиха не признал. В 525—524 гг. до н. э. персы вторглись в Мудрайя (Египет) и захватили страну.

Вскоре Камбужии покорились киприоты и ливийцы, а Поликрат Самосский стал его союзником.

КАМБУЖИЯ и маг СПЕНТАДАТА

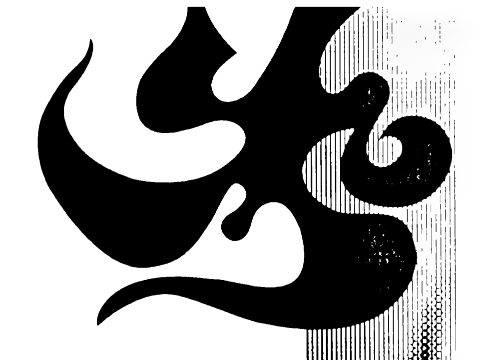
526—522 гг. до н. э.

Сын Куруша, Танувазрка Барзия, был владыкой страны Бахтриш, хорамниев и карманиев. Однажды за небольшой проступок он подверг избиению мага Спентадату. Последний явился к Камбужии с жалобой.

Камбужия повелел убить Барзию. Его схватили и опоили бычьей кровью. А Спентадату, который был как две капли воды похож на покойного, Камбужия поставил сатрапом, выдав его за своего брата. Этот подставной маг пять лет исполнял роль младшего сына Куруша.

Затем Камбужия отправился в страну Мудрайя.

Народ долгое время и не подозревал об убийстве Барзии. И лишь через пять лет обман раскрылся: неосторожный евнух рассказал матери Танувазрка, Амитиде, о страшной смерти сына.

ЗАРАТУШТРА И ПИФАГОР

Когда персами было разграблено святилище Нейт (Ардви-Суры, или Афины) в Саисе, вместе с другими жрецами, служителями и чужестранцами, жившими при святилище, взят был в плен Пифагор, поразивший завоевателей красотой и силой. Согласно преданию, он был уведен персами из страны Мудрайя в город Бабируш.

525—522 гг. до н. э.

В Бабируше его передали служителям храма Мардука; и мыслитель охотно общался с халдейскими жрецами и астрологами.

Тогда же Пифагор посетил **халдея Зарату** (Заратуштру), правившего Варой, обителью праведных. Заратуштра изложил ему учение, согласно которому есть

две изначальные причины всех вещей: отец и мать; отец — свет, мать — тьма; части света — горячее, сухое, легкое и быстрое; части тьмы — холодное, влажное, тяжелое, медленное; из них, из женского и мужского начала, состоит космос. Позднее Пифагор познакомился с магами и общался с ними, особенно в ту пору, когда маг **Гаумата** захватил престол и правил всей державой персов около полугода (11 марта — 29 сентября 522 г. до н. э.).

Постигнув самое главное в учении халдеев и магов, овладев в совершенстве науками о природе богов, числах и музыке, Пифагор стал их сторонником.

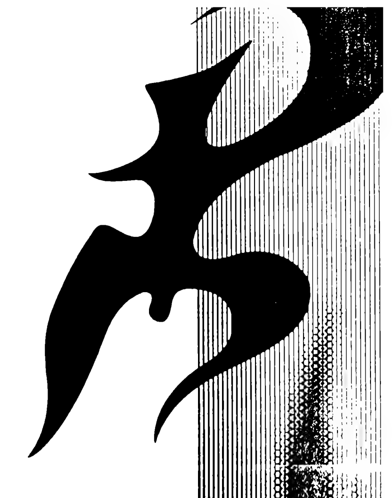
У магов Пифагор обучился всему, что относится к культу богов и прочим жизненным правилам, и многое у них позаимствовал.

Позднее он просвещал йаунов (эллинов), как правильно совершать жертвоприношения, как воздавать почести богам и погребать мертвых.

Сам он никогда не приносил в жертву богам животных. Хорошо известна заповедь Пифагора, данная ученикам и последователям: «Смертью и убийством живых существ — богов не чтить!»

Следуя учению мага Гауматы, Пифагор запрещал своим ученикам приносить в жертву быков.

И даже когда ученый открыл, что в прямоугольном треугольнике гипотенуза имеет соответствие с катетами, он принес в жертву быка, сделанного из пшеничного теста.

ГАУМАТА и ДАРАЯВАХУШ

Маг по имени Гаумата поднял восстание в Пишияуваде, у горы Аракадриш в 14-й день месяца вияхна, сделав лживое заявление: «Я — Барзия, сын Куруша, брат Камбужии». Народ взбунтовался и от Камбужии перешел к Гаумате. К нему же присоединились страна Парса, страна Мада и другие державы. В 9-й день месяца гармапада самозванец захватил царство.

522 г. до н. э.

Почти сразу после этих событий умер царь Камбужия.

Держава персов, которую маг Гаумата отнял у царя, испокон веков принадлежала роду Хахаманишья. Но не нашлось ни одного человека: ни перса, ни мада, ни из рода

Хахаманишья, кто отвоевал бы царство у Гауматы. Народ опасался, что маг поспешит уничтожить людей, знавших Барзию при жизни, чтобы убрать свидетелей. Никто не осмелился уличить Гаумату, пока не прибыл Спентадата Дараявахуш, сын Виштаспы.

Дараявахуш помолился Ахура-Мазде, и тот оказал ему помощь.

В десятый день месяца **багаядиш** сын Виштаспы с несколькими заговорщиками умертвили коварного мага и его приверженцев. Так Дараявахуш милостью Ахура-Мазды отнял царство у Гауматы и стал царем.

Вот мужи, которые были с Дараявахушем и действовали как сторонники сына Виштаспы: Виндафарна, Утана, Гаубрува, Видарна, Багабухша, Ардуманиш. А копьеносцем Дараявахуша был знатный перс Аспачана.

В царстве, которое было отнято у рода Хахаманишья, Спентадата Дараявахуш восстановил прежний порядок.

Ты стада нам сохрани,
мать-Армайти; дай целебных
пастбищ, Мазда. Пусть они
умножаются под небом
и тучнеют, ибо всем
пища свежая потребна.

Пусть же правит нами тот,
кто несет добро народу.
Чтобы сыт был скотовод,
пусть обучится уходу
за скотом. Растеньям дай
сок живой; а зрелость — плоду.

Айшма — вот наш враг. Коль ты
возжелал посредством Арты
царство Мазды обрести,—
защити стада. И в дар ты
сможешь вечность получить,
а при жизни — милость Хшатры.

О, скажи, Ахура, нам:
с Артой и Армайти вместе
утвердится ль мир стадам,
людям и растеньям, если
Друджа злобного уймем,
обуздаем силу мести?

И еще говорил Заратуштра:

Пусть никто из вас вовек
не внимает другу Друджа.
Ибо дом, страну и род
приведет он к истребленью.
Дать отпор ему должны
вы, вооружившись крепко.

Всякий раз Заратуштра пытался вразумить своих слушателей и последователей:

Муж, что словом, мыслью, дланями зло Лжецу
причиняет, к богу паству Лжеца навек
увлекает верой истинной,— Мазда, вот,
кто Тебе приятен, волю Твою творя!

ДАРАЯВАХУШ **распространяет** веру на **все** подвластные **ЗЕМЛИ**

Вот страны, которые достались Дараявахушу по милости Ахура-Мазды: Парса, Хувжа, Бабируш, Ассура, Арабайя, Мудрайя, Драяхья (Приморье, те страны, что у моря), Спарда, Яуна, Мада, Армина, Катпатука, Партава, Зранка, Харайва, Хуваразмиш, Бахтриш, Сугда, Гандара, Сака, Саттагуш, Харахватиш, Мака,— всего 23 страны.

Дараявахуш восстановил святилища, разрушенные Гауматой, вернул принадлежащие народному ополчению пастбища, скот и рабов вместе с хозяйствами, которых лишил его самозванец.

Он возвратил людей в родные жилища, взял под свою власть страну Парса, страну Мада и прочие страны, поставил дом Хахаманишья на его прежнее место.

На это ему была милость Ахура-Мазды.

Все страны приносили Дараявахушу дань, какую он назначал. Верного человека Дараявахуш вознаграждал; вероломного — строго наказывал. Милостью Ахура-Мазды слово нового царя для этих стран стало законом.

ВИШТАСПА помогает ДАРАЯВАХУШУ подавить сопротивление друджвантов

Страны Партава и Варкана подняли мятеж против царя царей Дараявахуша и перешли на сторону Фравартиша. Отец Дараявахуша Виштаспа был в стране Партава. Народ покинул его и взбунтовался.

Виштаспа отправился с войском, которое оставалось ему верным.

У города **Вишнаузатиш** в стране Партава он устроил сражение с партаванами. Ахура-Мазда оказал ему поддержку и помощь. Милостью Ахура-Мазды Виштаспа разбил наголову мятежное войско. В 22-й день месяца вияхна (8 марта 521 г. до н. э.) произошла решающая битва. В ней погиб-

ло 6346 и было пленено 4336 мятежников. Но Виштаспа дожидался помощи со стороны Дараявахуша.

Тот отправил к Виштаспе персидское войско из города **Рага**. Когда войско прибыло, царь возглавил его и выступил. У города **Патиграбана** в стране Партава он дал бой мятежникам. Ахура-Мазда оказал ему помощь. Милостью Ахура-Мазды Виштаспа наголову разбил мятежное войско. В 1-й день месяца гармапада (апрель 521 г. до н. э.) произошла новая битва. Мятежники потеряли 6570 человек убитыми и 4192 пленными. 80 человек из них во главе с вождем восставших были казнены. Страна покорилась Дараявахушу. Все это было сделано Виштаспой и Дараявахушем в стране Партава.

521 г. до н. э. После года правления царь Дараявахуш провозгласил по всей державе:

«Вот что я совершил в течение одного года моего царствования. Я дал девятнадцать сражений. Милостью Ахура-Мазды я победил и захватил в плен многих царей-самозванцев.

Первым был маг Гаумата, лгущий, что он — Барзия, сын Куруша. Он сделал мятежной страну Парса. Вторым был Ассина в стране Хужа и тоже лгал, именуя себя царем. Он поднял в стране мятеж. Третьим был Нидинту-Бел, бабирушия, называющий себя Набукаднецаром, сыном Набонида. Он возмутил Бабируш. Четвертый — Мартия, перс, выдававший себя за Хшатриру из рода Хувахштры. Он взбунтовал страну Мада. Пятым — Чиссатахма, сагартиец. И также

лгал, называя себя царем Асагарты из рода Хувахштры. Он возмутил страну Асагарту. Шестой — Фрада, маргуанец, что лгал народу, величая себя царем страны Маргуш, и способствовал бунту. Седьмой — Вахьяззата, перс, обманывал, что он Барзия, сын Куруша, и вновь возмутил страну Парса. Восьмой — Араха, армина, говорил, что он Набукаднецар, сын Набонида. Он взбунтовал Бабируш.

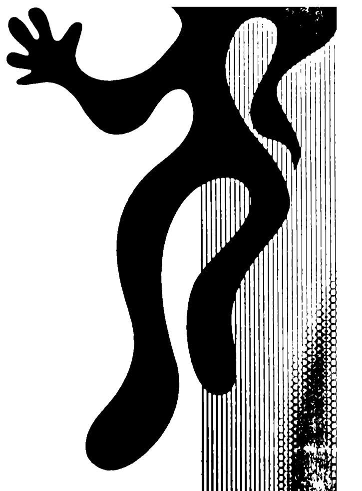
Этих царей я захватил в плен в 19 битвах.

Знайте же, что страны, которые я перечислил, стали мятежными, поверив подлым речам лжецов. Но Ахура-Мазда предал искусителей в мои руки, и я поступил с ними по своему разумению.

Ты, что будешь царем впоследствии, берегись Лжи. Человека лгущего наказывай сурово, если намерен заботиться о невредимости моей страны.

Ахура-Мазда и другие благие божества, пришли мне на помощь, потому что не были вероломными, лживыми, злобными ни я, ни род мой. Я стремился быть справедливым, не причинять вреда ни слабому, ни сильному. Человека, несущего добро дому моему,— вознаграждал, а вредящего — наказывал.

Да будет счастье и в жизни, и после смерти тому, кто почитает Ахура-Мазду».

ВИШТАСПА
И АРЕДЖАТАСПА

Тридцать лет спустя после того знаменательного дня, когда Заратуштре открылась Истина, за семнадцать лет до смерти пророка, которому в тот год исполнилось 60 лет, на царство Виштаспы пошли войной злейшие поклонники лжеучения со времен Франграсьяна,— хвионы. Их царя Ареджатаспу побудил к войне коварный Аэшма-дэв, восемнадцать лет подстрекавший его после обращения Виштаспы.

520/519 г. до н. э.

Сперва Ареджатаспа отправил к Виштаспе послов — **Видрафша**-колдуна и преступника **Намхваста** с отборным двадцатитысячным войском. Их почтительно принял Джамаспа, зять Заратуштры, и доложил царю:

«От Ареджатаспы, царя хвионов, пришли два посла, красивее которых я не видел в этой державе. Один волхв Видрафш, а другой — преступник Намхваст. Они доставили нам письмо».

Виштаспа приказал впустить послов. Те вошли и, выказав почтение Кави Виштаспе, передали послание Ареджатаспы. Главный писарь царя развернул его и зачитал:

«Дошло до нас, что вы, господин, приняли от Ахура-Мазды святую веру. Коль вы и дальше пойдете по этому пути, мы понесем великий урон. Заклинаем: оставьте новую веру, вернитесь к почитанию дэвов, и мы будем служить вам и давать год за годом много золота, серебра, отличных коней и осыпать дарами. В ином случае — мы нападем на вас: свежее — уничтожим, сухое — сожжем, животных и людей уведем, воинов захватим в плен и сделаем вас рабами».

Виштаспа сильно опечалился и не знал, что ответить послам Ареджатаспы. Вызвался помочь его брат — **Заривари**. Царь дозволил ему говорить от своего имени, и славный полководец, отважный Заривари, ответил на послание так:

«От Виштаспы, царя арийского, Ареджатаспе, царю хвионскому, привет!

Прежде всего: мы не оставим святую веру и не будем вашими единоверцами, ибо она — милость Ахура-Мазды. В следующем месяце мы сразимся с вами насмерть у **Белого леса** и **Моуру Заратуштры**, где нет

ни высоких гор, ни глубоких озер и рек и где могут свободно разбежаться кони. На той плоской равнине пусть и решат исход битвы лошади и смелые пехотинцы. И мы покажем вам, как будут убиты дэвы руками богов».

Глава писцов скрепил послание печатью. Колдун Видрафш и преступник Намхваст приняли его, выказали почтение Виштаспе и вернулись восвояси.

Когда они ушли, Виштаспа уполномочил Заривари разжечь на горной вершине огонь Атар Веретрагна и разослать по всей стране глашатаев: пусть объявят в каждом городе и в каждом селении о призыве мужчин в войско. Царь повелел, чтобы никто, кроме жрецов, охраняющих священную воду и священный огонь Веретрагны, не оставался дома — от десятилетних до восьмидесятилетних. Через месяц воины должны собраться у царского шатра. А тот, кто не придет и не приведет с собой войско приверженцев, будет повешен по приказу царя.

Глашатаи провозгласили высочайшую волю, и мужи всей страны откликнулись. Через месяц у походного шатра Виштаспы собралось такое многочисленное войско, что, когда брошен был клич выступать, шум людских голосов достигал небес, а топот конских копыт сотрясал преисподнюю. В пыли, которую подняла могучая армия, не различались ночь и день. Даже птицы не находили себе насеста и падали на головы коней и на острия копий. А если войско переходило вброд реку,

поднималась такая муть со дна, что и месяц спустя вода не была питьевой.

Когда войско расположилось на ночлег, Виштаспа призвал к себе Джамаспу и спросил его:

«Я знаю, что ты, Джамаспа, благоразумен и мудр. И ведаешь, какое облако принесет дождь, а какое нет. И знаешь, сколько капель упадет на землю, а сколько в море. И предвидишь, какой цветок распустится днем, какой ночью, а какой поутру. Ведомо ли тебе, что случится завтра в битве Виштаспы с чужаком? Кто из сыновей и братьев моих выживет, а кто умрет?»

Советник Джамаспа отвечал царю так:

«Лучше бы я вовсе не родился или, согласно своей судьбе, умер бы в детстве! Лучше бы я был птицей и упал бы в море! Лучше бы вы, господин, не задавали мне этих вопросов. Но коль спросили,— у меня есть одно желание: сказать правду. И я скажу ее вам, если поклянетесь трижды, на мече, стреле и луке, что не обрушите на меня свой гнев и не прикажете казнить».

Виштаспа дал тройную клятву Хварном Ахура-Мазды, даэной маздаясной и жизнью брата Заривари, и Джамаспа продолжил:

«Счастлив тот, кто не родился от матери, или родился и сразу умер, или умер, не достигнув зрелости. Ибо завтра многие матери останутся без сыновей, многие сыновья без отцов, многие отцы без сыновей, многие братья без братьев, многие жены без мужей. Бес-

численные табуны быстрых арийских скакунов вернутся без всадников: среди хвионов будут они искать своих хозяев и не найдут. Из твоих же сыновей и братьев погибнут двадцать три человека».

Виштаспа, услыхав эти слова, замертво упал с трона, а придя в себя, набросился на верного советника с мечом в правой руке и кинжалом в левой. Он выкрикивал оскорбления в гневе:

«Ах ты, сын лжеца и парики! Сказанному тобой не бывать! И если бы я не поклялся Хварном Ахура-Мазды, верой и жизнью брата Заривари, я бы этим обоюдоострым мечом или этим кинжалом отрезал тебе голову и бросил наземь!»

Джамаспа отвечал царю: «Не совершайте ошибку, господин. Извольте подняться с земли и воссесть на царский престол, ибо случится то, что должно случиться, как сказано мною».

Но Виштаспа даже не взглянул на него. Желая успокоить царя, витязи стали по очереди подходить к своему повелителю, и каждый торжественно поклялся, что в завтрашнем бою он истребит множество хвионов.

Заривари обещал уничтожить 15 тысяч.

Патихаосрава, праведный маздаясниец, поклялся истребить 14 тысяч.

Фрашавартиш, сын Виштаспы, обязался умертвить 13 тысяч приверженцев Лжи.

А отважный **Спентадата**, другой царевич, поклялся не оставить в живых ни одного хвиона.

Тогда Кави Виштаспа поднялся с трона и сказал:

«Не суждено сбыться твоему мрачному предсказанию, о Джамаспа. Я велю построить крепость с железными воротами и запереть в ней моих сыновей и тех витязей, которым ты напророчил гибель. Рука врага да не коснется их!»

Джамаспа осмелился возразить:

«Но если ты исполнишь то, что задумал, кто же будет сражаться с хвионами? Ибо Заривари, Патихаосрава и Фрашавартиш — могучие витязи. Без них тебе Ареджатаспу не одолеть».

Виштаспа обратил свой лик к советнику Джамаспе и спросил:

«Сколько будет воинов хвионов?»

«Сто тридцать одна тысяча. И все они полягут на поле боя. Живым из сражения выйдет их вождь — Ареджатаспа. Но доблестный Спентадата схватит его, отрубит ему правую руку, отрежет ухо и выжжет огнем око. А после — отправит его в собственную страну, посадив на осла с отрубленным хвостом, повелев: “Ступай и расскажи, что ты потерпел от меня, витязя Спентадаты!”»

Вновь обретя силу духа, Виштаспа изрек:

«Даже если все сыновья, братья и наследные царевичи мои, Виштаспы, а также Хутосы, моей сестры и жены, от которой рождены тридцать сыновей и до-

черей, умрут,— я и тогда не отрекусь от святой веры, которую принял от Ахура-Мазды!»

После военного совета приближенные Виштаспы разошлись отдыхать. Минула ночь, и с рассветом два войска сошлись на равнине у Белого Леса и Моуру Заратуштры. Двенадцать мириад воинов было у маздаяснийцев, а противостояло им двенадцать мириад хвионов, поклоняющихся дэвам. Началась кровавая сеча, равной которой не было ни до, ни после.

Первым бросился в бой всадник Заривари, подобно тому, как поддерживаемый ветром огонь падает на заросли тростника. По десять-одиннадцать хвионов одним ударом стал поражать могучий витязь.

Доблестно сражаясь, Заривари победил и Хумаяка с длинными когтями, служителя дэвов, обитавшего в восьми пещерах преисподней.

Наблюдавший за боем Ареджатаспа сказал приближенным:

«Найдется ли среди вас столь бесстрашный воитель, чтобы убить Заривари? Этого смельчака я сделаю своим советником и отдам ему в жены дочь. Ибо если всадника Заривари не сразят до вечера, никому из наших воинов не суждено остаться в живых».

Вызвался колдун Видрафш. Ему подвели оседланного коня, он взял заговоренный меч, изготовленный дэвами в преисподней с применением яда и злого колдовства, и поскакал к тому месту, где вел бой Заривари.

Но злодей не отважился сойтись с маздаяснийским всадником в честном бою. Он набросился на Заривари сзади и вонзил ему в спину меч — так глубоко, что лезвие попало прямо в сердце.

Заривари рухнул оземь, перестали звенеть мечи и свистеть стрелы, стихли воинственные крики.

«Заривари убит! — воскликнул пораженный Виштаспа, наблюдавший за ходом сражения с командной горы.— Есть ли среди вас, витязи, кто-нибудь, кто отомстит за род Заривари? Того я назначу главным военачальником, одарю дворцом и дам ему в жены свою красавицу дочь».

Все потупили взор, никто из витязей не откликнулся на призыв. Виштаспа ждал.

Вдруг вперед выступил семилетний сын Заривари по имени Баствари и обратился к царю:

«Велите оседлать мне коня! Я поеду на поле битвы и посмотрю, жив ли брат моего господина и царя, мой отец Заривари, или он пал, сраженный рукой злодея».

Кави Виштаспа горестно отмахнулся:

«Ты еще слишком мал и станешь легкой добычей хвионов! А убив и Заривари, и его сына, они стяжают двойную славу!»

Баствари не стал упрашивать дядю. Он молча отправился к царскому конюху и сказал:

«Наш царь Виштаспа приказал оседлать для меня коня».

Конюх поверил, и мальчика посадили на коня. Баствари, прорубаясь мечом сквозь ряды хвионов, поскакал туда, где Видрафш напал на Заривари из засады. И вот конь его склонился над бездыханным трупом. Баствари горько оплакал отца:

«Исток и опора моей жизни, доблестный мой отец, кто пролил твою кровь, кто похитил твою силу, кто, подобно птице Саэне, похитил твоего коня? Ты хотел биться с врагами, а теперь сам лежишь сраженный, лишенный дыханья. Твои волосы и бороду теребит ветер, твое тело топчут кони, и пыль села на твое чело. Что мне теперь делать? Если сойду я с коня и обниму тебя, отец, отряхну пыль с твоей головы, то мне нелегко будет вновь оседлать моего жеребца. Боюсь, хвионы убьют меня, как они убили тебя».

И Баствари, пригнав коня обратно к стану Виштаспы, доложил царю:

«Я видел Заривари, моего отца и твоего брата: он убит. Пошли меня в бой, дабы я смог отомстить за гибель витязя Заривари!»

В его поддержку выступил Джамаспа:

«Господин, отпустите юношу, ибо счастье на его стороне. Он перебьет врагов!»

Кави Виштаспа приказал немедленно оседлать другого коня, усадил на него Баствари, достал из своего колчана стрелу и так благословил праведное оружие возмездия, передавая его сыну Заривари:

«Лети от меня, стрела, приносящая удачу! Да обретешь ты победу в боях и сражениях! Всегда неси врагам смерть, а нам неси славу день за днем!»

Баствари погнал коня в самую гущу хвионов и нанес им великий урон, повторив подвиг своего отца.

Ареджатаспа поразился, увидев, что семилетний мальчик сражается так же храбро, как доблестный Заривари. Только его сын был способен на такое. Ареджатаспа поразмыслил и бросил клич:

«Кто из хвионов не побоится сойтись в поединке с этим юношей? Пусть назовет себя, и я отдам ему в жены свою дочь и сделаю наместником в царстве хвионов!»

Вновь вышел вперед колдун Видрафш и взял свою смертоносную пику, изготовленную Жадностью и Грехом. Он поскакал навстречу Баствари, но побоялся сразу вступить в бой, а только приблизился на почтительное расстояние и осадил коня.

Тогда Баствари воскликнул: «Приверженец лжи и мерзкий колдун, подходи же! Я исторгну из тебя дэвовскую душу, как ты исторг праведную душу из отца моего Заривари!»

Колдун Видрафш пришпорил своего коня и на полном скаку метнул копье. Пика пронзила руку Баствари.

Видя это, душа убитого Заривари вскричала:

«Выдерни копье из руки, вытяни стрелу из колчана и отомсти злодею!»

Баствари выдернул копье, вложил стрелу Виштаспы в тетиву, натянул лук,— и стрела поразила колдуна в самое сердце. Колдун упал на землю.

Баствари снял с Видрафша трофей — одежду Зарывари, облачился в нее, сел на отцовского коня и ринулся в бой.

Десяток за десятком, сотня за сотней падали наземь сраженные хвионы. Отрок пробивался сквозь их ряды так, словно топором прокладывал себе путь через кустарник.

Вскоре он приблизился к головному полку маздаяснийского войска и подскакал к сыну Джамаспы, знаменосцу. Сын Джамаспы оплакал Зарывари и приказал мальчику:

«Теперь уходи! Твои пальцы не привыкли к стреле, и ты не знаешь средств защиты в бою».

Но Баствари ответил:

«Держи во имя победы этот стяг, о сын Джамаспы! И если я живым прибуду к царю Виштаспе, я расскажу ему, как храбро ты сражался».

Затем мальчик пустил своего коня вскачь и разил врагов до тех пор, пока не пробился туда, где сражался храбрый герой Спентадата.

Спентадата немало подивился храбрости сына Заривари, передал ему командование полком Виштаспы, а сам поскакал к горе, где располагался стан царя хвионов, его родственники и сторонники: **Аштаарвант,**

Вандарманиш, Виспатарва, Даршиника, Пешана, Спинджаурушка и **Тантриявант** с двенадцатью тысячами отборных воинов.

Он выбил их с горы на равнину, и через несколько часов из хвионов никого не осталось в живых, кроме одного — Ареджатаспы.

Спентадата пленил его, отрубил ему руку и ногу, отрезал ухо и выжег глаз. Затем усадил его на осла с отрезанным хвостом и, направив в страну хвионов, напутствовал следующими словами:

«Убирайся прочь со святой арийской земли маздаяснийцев! И расскажи, что претерпел ты от рук витязя Спентадаты!»

Так завершилась великая битва. В ней, согласно предсказанию Джамаспы, Кави Виштаспа потерял двадцать три своих родича — братьев и сыновей. Великие плач и великое горе пошли по земле маздаяснийцев.

ДАРАЯВАХУШ И СКУНХА

Саки тиграхауда, туранцы дэвопоклонники, совершили набег на арийскую страну, причастную Арте. Саки были вероломны и не почитали Ахура-Мазду.

520/519 гг. до н. э.

Тогда царь Дараявахуш с войском отправился в страну Сака.

А саки тиграхауда, носящие остроконечные шапки, выступили, чтобы дать сражение.

Дараявахуш прибыл к водному рубежу и переправился с войском на противоположный берег. Он наголову разбил одну часть саков, а другую захватил в плен...

Вождя их по имени Скунха также пленили и привели к царю. Дараявахуш сделал вождем другого, покорного его воле.

Так были наказаны саки за свое коварство и непочтительность к вере Ахура-Мазды.

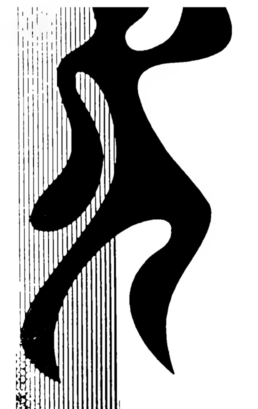

смерть ПРОРОКА

Согласно преданию, Заратуштру убил Черный маг-карапан Рвахш Тур, подобный волку. Но и сам злодей издох на том же месте в муках и содроганиях.

503 г. до н. э.

Заратуштра ушел из жизни через тридцать пять лет после обращения Кави Виштаспы в веру, через семнадцать лет после того, как на царство Виштаспы пошли войной злейшие со времен Франграсьяна приверженцы Лжи, народ хвиона. Он покинул землю в 11-й день второго месяца в возрасте 77 лет и 40 дней от роду.

ПОСЛЕ **пророка**

После обращения Кави Виштаспы 62 года вера содержалась в чистоте. Виштаспа, его сын Спентадата, царь Дараявахуш и его внук Хшаярша царствовали в арийских странах и утверждали веру в Ахура-Мазду по всей земле. Праведный Фрашаоштра и премудрый Джамаспа были царскими советниками и жрецами. Дэвопоклонников — кавиев и карапанов — отстранили от дел, а сами дэвы укрылись во тьме.

Спентадата Дараявахуш провозгласил верховным богом всей державы Властелина Мысли — Ахура-Мазду.

Он заложил основание главного религиозного святилища в Накш-и-Ротастахм,

повелел строить повсеместно храмы и алтари священного огня. Особо он украсил три священных огня:

Атар-Виштаспа на горе Аснавау в Атропатакане, что в стране Мада (в округе Шиза), посвященный царю и воинскому сословию;

Атар-Хварна-бага в стране Парса (в Истахре у Шираза), посвященный атраванам, мантранам и заотарам Ахура-Мазды;

Атар-Брзин-Митра в стране Партава, посвященный общинникам-скотоводам.

В честь своих военных побед Спентадата приказывал возводить храмы и алтари Атар-Веретрагна.

486—484 гг. до н. э.

В первые годы царствия сын Спентадаты, Хшаярша, издал следующее повеление:

«Бог великий — Ахура-Мазда, создавший эту землю, это небо, человека и благоденствие для человека, сделавший Хшаяршу царем, единым повелителем над многими.

Я, Хшаярша, великий царь многоплеменных стран, царь этой цветущей земли, раскинувшейся далеко, сын царя Спентадаты Дараявахуша, сын перса, арий,— говорю вам.

По воле Ахура-Мазды страны, над которыми я царствовал, помимо страны Парса, приносили мне дань; что бы я ни повелел, они исполняли; закона моего придерживались. Назову их поименно: Мада, Хужа, Харахватиш, Армина, Зранка, Партава, Харайва, Бахтриш, Сугда, Хваразмиш, Бабируш, Ассура, Сатагуш,

Спарда, Мудрайя, Йауна, обитающие на море и обитающие за морем, Мачья, Арабайя, Гандара, Хинду, Катпатука, Даха, Сака Хаумаварга, Сака Тиграхауда, Скудра, Акауфака, Путия, Карка, Кушия.

И среди этих стран была Мудрайя, где прежде почитались дэвы. По воле Ахура-Мазды я это логово дэвов разгромил, провозгласив: «Дэвов не почитай!» Там, где прежде воспевали дэвов, я совершил поклонение Ахура-Мазде и небесной Арте.

Страну Бабируш, пристанище нечестивых, я сделал благодатной.

Во всем, что я совершал, мне оказывал помощь Ахура-Мазда.

Ты, размышляющий о своей доле так: «Что сделать, чтобы счастливым стать при жизни, а после смерти приобщиться к Арте?» — следуй закону, который Ахура-Маздой установлен, чти Ахура-Мазду и Арту небесную.

Пусть хранит Ахура-Мазда от всякой скверны меня, мой дом и мою страну. Вот о чем я прошу его. Да воздаст он мне этим!»

Следуя воле Ахура-Мазды, царь Хшаярша провозгласил себя Саошьянитом — спасителем веры Заратуштры.

Хшаярша приказал разрушить храм дэва Мардука в городе Бабируш, после восстания жителей в 482—481 гг. до н. э. Он велел разрушать все храмы дэвов у враждебных племен и народов. 481 г. до н. э.

480 г. до н. э. Во время похода за море, на племена йауна (эллинов), многие храмы их дэвов были разрушены.

Но Ахура-Мазда не дал Хшаярше полной победы над друджвантами и дэвопоклонниками.

475/474 г. до н. э. Во втором месяце, спустя 63 года после обращения Виштаспы, умер праведный Фрашаоштра, хранитель веры.

471 г. до н. э. Через три года после смерти Фрашаоштры этот мир покинул Джамаспа, мудрый советник царей, зять Заратуштры.

465 г. до н. э. Царь царей Хшаярша был убит. Царство отошло к **Артахшатре**, не стойкому в вере. Войны его с приверженцами лжеучений были безуспешны. Во многих сатрапиях восстали племена и народы, особенно дэвопоклонники.

457 г. до н. э. Спустя 14 лет после смерти Джамаспы не стало праведного Асмо-Хванвы. Началось шатание умов в трехплеменной Раге.

454 г. до н. э. Артахшатра объявил свободу вероисповедания. Он разрешил простому народу совершать общественные священнодействия с кровавыми жертвоприношениями дэвам **Митре, Ардви-Суре Анахите, Веретрагне, Тиру, Хаоме, Дрваспе, Рашну, Фраварти, Вайу, Апам Напату**.

Царь поставил их ниже Ахура-Мазды и Семи Бессмертных Святых, но дозволил обряды и поклонение, несовместимые с учением Заратуштры. Дэвов он объявил язатами, а их жрецов и магов вновь приблизил ко двору.

Артахшатра желал примирения дэвопоклонников, которых было большинство в державе, с приверженцами и последователями Заратуштры и достиг этого.

В знак умиротворения он ввел календарь Заратуштры в гражданское летоисчисление, как более точный, дополнив названия его месяцев именами язатов Митры и Апам Напата, а также почитаемых народом духами предков Фраварти.

Одно из добрых дел времен правления Артахшатры — запись глав богослужебных книг **ясны** и **яштов** в Раге, Партаве, Хваразмише и Харайе.

424—404 гг. до н. э.

Кавиями составлен гимн Хварну Кавиев. Предания о Хаошьянге Парадате, Тахма-Урупе, Йиме-хшэте, сыне Вивахванта, Атаре, об Ажи-дахаке, Траэтаоне, наследнике рода Атвии, Кересаспе, Франграсьяне-туранце, о династии славных правителей Кавиев: Кави Кавате, Кави Апивоху, Кави Усаде, Кави-Аршане, Кави Пишине, Кави Бьяршане, Кави Сьяваршане, Кави Хосраве и Кави Виштаспе.

404—359 гг. до н. э.

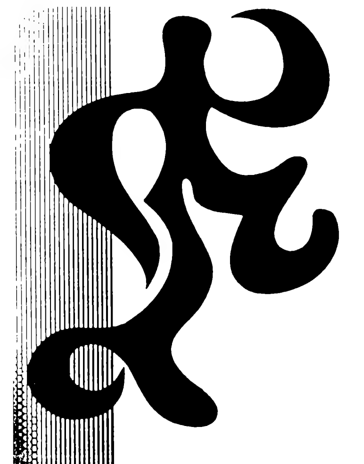
В правление Артахшатры II отступления от Заратуштровой веры были уже для всех очевидны. Расцвело почитание Ардви-Суры Анахиты, которой молился и сам царь. Повсюду устанавливались ее статуи, строились храмы. Ее отождествляли с Деметрой, Афиной и Артемидой, дэвами племен **йауна** (эллинов).

Был официально узаконен и культ Митры, которого йауны отождествили с Гелиосом и Аполлоном.

В результате брожения умов и нетвердости веры дела державы пошли как нельзя хуже. Повсеместно происходили восстания племен и народов. Один из царевичей пытался силой захватить престол. Отпали от державы сначала страна **Мудрайя**, затем остров **Алашия (Кипр)**, страны Спарда, **Карка** и **сатрапии у моря, Хапта-Хинду** стали неподвластны царю.

Упадок духа привел ариев к поражению в войнах и завоеванию их страны Александром Македонским.

330 г. до н. э. Эллины захватили города Хужу и Аншан. Александр поджег дворец для торжественных приемов в столице Парса. В этом пожаре сгорел самый лучший и богато украшенный свод трудов Заратуштры, его позднейших последователей и магов.

учение ЗАРАТУШТРЫ

Доктрина Заратуштры предназначалась для узкого круга посвященных в члены тайного религиозного сообщества. Они именовались первоучителем ведунами (vidva, vaedemna). Братство Заратуштры состояло из людей, обладавших способностью к мистическому сверхчувственному познанию. Заратуштра настаивал на сохранении в тайне мистерий своей веры от мирян и чужеземцев.

Он учил, что сакральные мантры существовали от начала времен в бестелесной форме. Заратуштра утверждал, что не сочинял их, но «провидел» в состоянии экстатического транса, не нуждаясь в действии наркотического напитка хаомы.

ПРОРОЧЕСТВО о **грядущих** судьбах **страны** АРИЙЦЕВ

В царстве Света Заратуштра увидел дерево с семью ветвями. Он спросил Ахура-Мазду о значении ветвей этого дерева. Благой Ахура-Мазда ответил так:

Ветвь Золотая — знамение **правления Кави Виштаспы**, который сокрушит дэвов и изгонит Анхра-Манью во Тьму. Люди станут чтить Бессмертных Святых, их священные стихии — воду, огонь и землю.

Серебряная Ветвь — грядущее **правление Артахшаярши**, сына Спентадаты из рода Кавиев, который отделит дэвов от людей и упрочит маздаяснийскую веру.

Она также означает десятилетнее **правление царя Иауна**, что за морем, и 72 года правления чужеземных правителей — дэвопоклонников и друджвантов.

Медная ветвь — **царствие династии Аршкана** (250 г. до н. э. — 226 г. н. э.).

Бронзовая ветвь — **правление Артахшаярши** и его сына **Шапура**. При них восторжествуют Арта и Даэна, и в этом им поможет праведный **Атропат**.

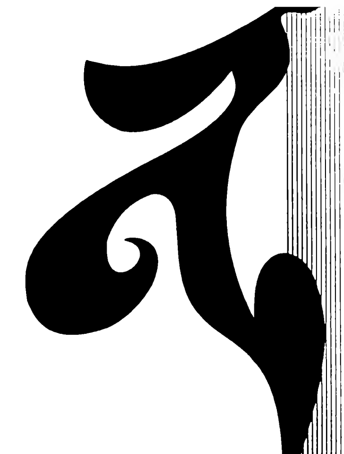
Ветвь оловянная — царствие **Бахрама Гура**, при котором Анхра-Манью и карапаны скроются во Тьму, ибо придет спаситель **Саошьянт**.

Стальная ветвь — **царствие Хаосравы Ануширвана**, он уничтожит еретика Маздака.

Железная ветвь — **царствие дэвов, приспешников Аэшмы**. С помощью колдовства они ворвутся с востока, воцарятся на десять сотен зим и учинят великие бедствия. Много будет убито маздаяснийцев, разрушено храмов и осквернено священных огней. Эти времена будут страшнее, чем тысячелетнее царствование Ажи-Дахаки!

После приспешников Аэшмы явится новый дэв Шедаспих Килизиях из страны, где некогда правил Сарима, сын Траэтаоны. У его приспешников будет алое оружие, алые дэвовские знамена и алые шлемы. Перед их нашествием Солнце, Луна и небесные светила явят предостерегающие знаки, Луна окрасится в разные цвета. Начнутся землетрясения, а ветры сделаются яростными, как никогда прежде.

После окончания трехтысячной зимы наступит конец твоей эры, о Заратуштра Спитама. И в следующую эру ничто греховное из предшествующей не перейдет!

астрономия ЗАРАТУШТРЫ

В небе, между Царством Бесконечного Света и Землей, Ахура-Мазда разместил светила.

К Земле он приблизил сферу звезд. Звезды сложились в двенадцать главных созвездий, вот их названия: **Ягненок, Бык, Два Образа, Краб, Лев, Колос, Весы, Скорпион, Стрелок из Лука, Коза-Рыба, Ковш** и **Рыба**.

Двенадцать главных созвездий, по подобию боевого войска перед сражением, для подмоги получили в подчинение все прочие созвездия из 6480 звезд.

Над созвездиями были поставлены четыре командующих, назначенных военачальниками четырех сторон небосвода.

Тиштрия — командующий на востоке, господин и надзиратель всех звезд, **Сатавэса** — командующий на юге, **Ванант** — командующий на западе, **Хафтаринга** — командующий на севере. Возглавил этих воевод **Гвоздь в Середине Неба** (Мех-и мийан Асман). Утренний восход тройственной звезды Тиштрии отмечал весеннее равноденствие.

Но в противовес вышеназванным звездам Анхра-Маньо породил неисчислимое множество небесных парик и дэвов (блуждающих и косматых звезд), которые смешались с созвездиями и стали беспорядочно летать среди них, внося беспорядок и путаницу в устройство небес.

Анхра-Маньо создал семь блуждающих светил; их называют «семь военачальников Анхра-Маньо» (Митра, Урвана, Ардви, Тира, Гуру, Индара Веретрагна, Зрвана), для разрушения и захвата добра в творениях Ахура-Мазды, для противодействия Хвархшэте, Маху, Тиштрии и двенадцати созвездиям.

Из всего добра, которым эти созвездия наделяют творения Ахура-Мазды, блуждающие светила захватывают у них, сколько могут, и отдают для увеличения силы дэвов и злобных людей.

Среди главных созвездий блуждали звезды главных дэвов, некогда претендовавших на верховную власть во Вселенной, которых Заратуштра запретил почитать кровавыми жертвоприношениями всем своим последо-

вателям, а именно: дэв Митра (Солнце), дэв Урвана (Луна), дэв Тира, дэви, или Ардви (Венера), дэв Гуру (Юпитер), дэв Индара Веретрагна (Марс), дэв Зрвана (Сатурн).

Сам Ахура-Мазда взял под надзор звезду предводителя дэвов. Этот дэв Гуру считался отцом четырех сыновей, главных среди дэвов. Один, по имени Урвана Гаочитра, управлял Месяцем, другой, по имени Митра — Солнцем, третий, по имени Воху-Мана, управлял добрым помыслом, четвертый, по имени Ака-Мана,— злым помыслом. С тех пор **звезда Ахура-Мазды** отмеряет время, пребывая по одному году в каждом из двенадцати звездных домов.

Во власти Зрвана осталась звезда Кайвана, которая каждые 29 лет смыкает с Махом круг времен. Зрван — прародитель Двойни и всех прочих дэвов, как добрых, так и злых.

Над сферой звезд Ахура-Мазда поместил **Маха** (Месяц), а еще выше — **Хвархшэту** (Солнце). А дэвов, их владык, Урвану и Митру, запретил чтить кровавыми жертвоприношениями.

Путь Хвархшэты был проложен — с востока на запад. В начале творения Хвархшэта не мог отклоняться ни к югу, ни к северу, так что круглый год день был равен ночи. Наверху над Хвархшэтой Ахура-Мазда утвердил свое царство Бесконечного Света и Добра.

Так Вселенная была разделена на три части.

Злейшая парика Муш в облике летучей мыши набросилась на светила Маха и Хвархшэты. Взмахами своих черных крыльев она старалась заслонить их свет. Но Хвархшэта одолел дэвовскую воровку Муш и присоединил к своему сиянию.

Дэв Гаочитра был поставлен под надзор Маха.

Ахура-Мазда повелел, чтобы семь вождей блуждающих светил пришли к семи вождям созвездий, как Тир к Тиштрии. Чтобы предотвратить производимый ими вред, Творец поставил их под надзор благоприятных звезд и созвездий.

С тех пор за Ардви-Сурой Анахитой стал наблюдать Сатавэса, за Веретрагной — Хафтаринга, за Зрваном — Гвоздь Небес.

Счастливыми становятся звезды дэвов, пребывающие в таких звездных домах:

Если светило Маха пребывает в созвездиях Быка или Скорпиона.

Если светило Веретрагны пребывает в созвездиях Ягненка или Весов.

Если светило Тира пребывает в Рыбе или Колосе.

Если светило Ахура-Мазды пребывает в Ковше или Льве.

Если светило Ардви-Суры пребывает в Козероге или Крабе.

Если светило Зрвана пребывает в созвездии Стрельца из лука или Двух Образов.

астрология предзнаменований ЗАРАТУШТРЫ

Согласно тому, как восходит звезда Тиштрии, будет протекать и год в странах ариев. Для предсказания на год должны вестись наблюдения над звездным домом, в котором пребывает Мах в утро первого восхода звезды Тиштрии.

Если Мах окажется в доме Льва, то зерно, масло и вино будут в изобилии, произойдут сражения, появится новый царь в странах ариев.

Если во время первой грозы после утреннего восхода Тиштрии Мах находится в звездном доме Ковша,— будет много дождей, а в некоторых местах — наводнения и потопы.

Если звезда Ахура-Мазды находится в пределах созвездия Скорпиона, царь одержит победы во всех сражениях. Вообще же, когда светило Ахура-Мазды окажется в доме Скорпиона, начало зимы будет холодным, с градом; середина зимы — теплой; а конец ее — мягким. Весна напомнит зиму до летнего солнцестояния, грянут дождь и гроза. В источниках высохнет вода. Урожай зерна будет средним, а вина и масла — изобильным.

хронология ЗАРАТУШТРЫ

Ахура-Мазда в бесконечном времени (зрван акарана) сотворил конечное время (зрван хвадата), продолжительностью в 12 тысяч лет. Оно делится на четыре равных промежутка по 3 тысячи лет, а в целом — на 12 тысячелетий.

В течение первого мирового периода в 3000 лет Ахура-Мазда творил все вещи в мыслительной форме (маньява). Тогда и были созданы Фраварти — прообразы всех существ.

В течение второго трехтысячелетнего периода Спента-Манью и Анхра-Манью приступили к творению вещественного мира.

Соответственно были созданы Царство Бескрайнего Света — Агранама Раучама

и Место плохого бытия — Дужахва, а между ними место смешения Света и Тьмы, Добра и Зла.

В смешении сотворены Небесная Твердь — Асман, имеющая три ступени — Падака: ступень Хвархшэты — Солнца, ступень Маха — Месяца, ступень Старов — Звезд. Небесная Твердь подобна скорлупе яйца. В противовес благим творениям Злой Дух сотворил парику Муш, затмевающую Хвархшэту и Маха, породил дэвов блуждающих светил и парик косматых светил.

Затем были созданы мировые воды — Апо, подобные белку яйца. В противовес Злой Дух сотворил Безводие — Апаошу.

Наконец, создана была круглая Земля — Зама Скарна, подобная желтку яйца. Пытаясь испортить это творение Ахура-Мазды, Анхра-Манью изрыл всю ее поверхность бороздами и отвалами, которые стали горными хребтами и впадинами рек и озер.

Следующие 3 тысячи лет — период борьбы сил Добра и Зла за господство над земными творениями до появления Заратуштры Спитамы. Среди борцов за утверждение Добра и гонителей дэвов Заратуштра упоминал: Хаошьянха, истребившего две трети мазанских дэвов, Траэтаону, свергнувшего Ажи-Дахаку, Манушчитру, мстителя за безвинно погибшего Арью, Кави Хосрава, уничтожившего капища дэвов в Атропатакане в окрестностях озера Чэчаста.

На этот же мировой период пришлось тысячелетнее царство Ажи-Дахаки, великого дэвопоклонника и друджванта.

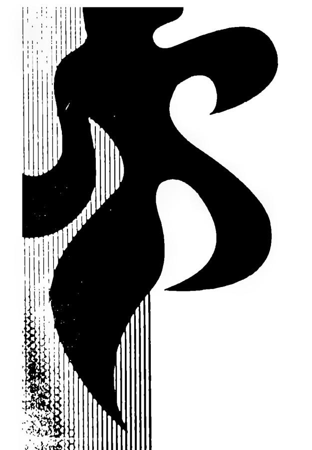
На рубеже третьего и четвертого периодов в мир пришли Заратуштра Спитама и праведный правитель Кави Виштаспа, которые распространили веру в Ахура-Мазду по всем арийским странам Хванираты.

После Заратуштры миру смешения Добра и Зла остается существовать еще 3 тысячи лет. С промежутком в тысячу лет придут еще два Спасителя-Сошьянта, сыновья, рожденные от семени Заратуштры, сохраненного в озере Кансава. Второй спаситель мира — Ухшьят-Эрета, третий — Астват-Эрета.

С приходом третьего Сошьянта произойдет последняя и решающая схватка Добра и Зла. Злой Дух соберет все свои силы, Ажи-Дахака сорвется со скалы Дэмавант, куда его приковал цепью Траэтаона, и возглавит воинство друджвантов. Саошьянт, со своей стороны, воскресит всех умерших праведников. Силы Зла наконец потерпят решительное поражение.

Затем мир очистится потоком расплавленного металла, а все творения Ахура-Мазды обретут вечную и неизменную жизнь в Благом Царстве Бесконечного Света.

Так завершится двенадцатитысячелетний период и произойдет обновление мира — Фрашо-кэрэти.

календарь ЗАРАТУШТРЫ

До пророка год начинался с первого новолуния после весеннего равноденствия и состоял из двенадцати лунных месяцев по 29 и 30 дней. Начало каждого месяца совпадало с рождением новой луны. Названия месяцев происходили от обычных занятий населения:

1. Адуканиш — чистка оросительных каналов.
2. Туравахара — разгар весны.
3. Тайграчиш — сбор чеснока.
4. Гармапада — стояние жары.
5. Дрнабазиш — сбор налога с урожая.
6. Харапашийя — вязка колючек на топливо.

7. Багаядиш — уход за садами, праздничные подношения и поклонения богу Митре.

8. Варказана — волчья охота.

9. Ашиядья — поклонение огню.

10. Анамака — безымянный.

11. Тваяхва — лютый мороз.

12. Вияхна — копка.

Каждый год недоставало 10 дней: из-за этого начало года все время передвигалось.

Для приведения годового круга в соответствие с продолжительностью солнечного года кавии и карапаны трижды в течение восьми лет после двенадцатого месяца вводили дополнительный високосный месяц, не имевший имени — анамака.

Первый год правления нового царя начинался в первый день лунного года, следующего за годом смерти царя-предшественника. Остаток дней предыдущего года считался годом вступления на престол нового царя.

Заратуштра ввел новый сакральный календарь из двенадцати месяцев по тридцать дней и пяти особых праздничных дней.

Четвертью дня он велел пренебрегать сто лет. А по истечении 120 лет прибавить к году одну безымянную дополнительную тридцатидневку — Анамаку.

Новый год приходится на день вхождения Хвархшэты в созвездие Ягненка, когда день равен ночи. Месяцам этого солнечного календаря Заратуштра дал такие имена:

1. Фраварти — 30 дней после весеннего равноденствия.

2. Арта-Вахишта — 31—60-й дни после весеннего равноденствия.

3. Харватат — 61—90-й дни после весеннего равноденствия.

4. Тиштрия — 1—30-й дни после летнего солнцестояния.

5. Амэртат — 31—60-й дни после летнего солнцестояния.

6. Хшатра-Варья — 61—90-й дни после летнего солнцестояния.

7. Гэуш Урвана — 1—30-й дни после осеннего равноденствия.

8. Апхуни (Вода) — 31—60-й дни после осеннего равноденствия.

9. Атар — 61—90-й дни после осеннего равноденствия.

10. Датуш — 1—30-й дни после зимнего солнцеворота.

11. Воху-Мана — 31—60-й дни после зимнего солнцеворота.

12. Спента-Армайти — 61—90-й дни после зимнего солнцеворота.

В конце года добавлялась «Благая пятерка» — пять дополнительных дней, которые были посвящены почитанию фраварти.

Каждый из тридцати дней получил свое имя по божеству, которое следовало поминать в этот день и чтить молитвой:

1-й день Ахура-Мазды;

2-й день Воху-Маны;

3-й день Арта-Вахишты;

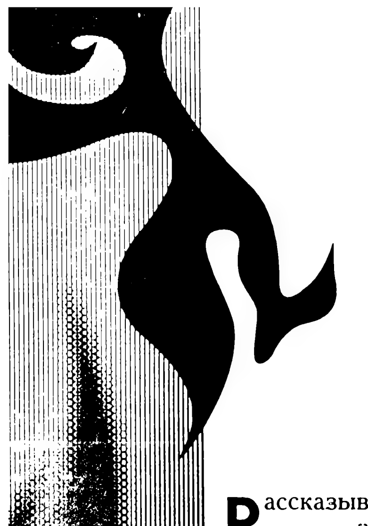
4-й день Хшатра-Варьи;

5-й день Спента-Армайти;

6-й день Харватат;

7-й день Амэртат.

Кроме того, в 8, 15 и 23-й день поминали Творца (Датуш, т. е. Ахура-Мазда), в 9-й — Огонь (Атара), в 10-й — Воду (Апхуни), в 11-й — Хварну, в 12-й — Маха, в 13-й — Тиштрию, в 14-й — Гэуш Урвана, в 16-й день — Хвархшэту, в 17-й — Срошу, в 19-й — Фраварти, в 24-й день — Дэну (Веру), в 25-й — Благую Удачу (Арти-Вахви), в 26-й — Арту, в 27-й — Асмана (Небо), в 28-й день — Зам (Землю), в 29-й день — Матру Спенту (Святую Молитву), в 30-й день — Бесконечный Свет (Анагранам Раучама).

медицина ЗАРАТУШТРЫ

Рассказывают, что Заратуштра обладал чудесной способностью исцелять без применения лекарственных трав, прижиганий огнем и надрезов ножом.

Первый способ лечения, который использовал пророк,— Святое Слово, сила святых молитв Ята Ахуна Варья и Арта-Вахишта.

Второй способ лечения — исцеление взглядом.

Третий способ исцеления — рукоположением. Заратуштра, согласно легендам, обладал силой полного исцеления ножевых порезов и рваных открытых ран, даже таких, когда текла кровь и были видны внутренности. Пророк возлагал руки, и раны

стягивались, заживлялись. Не оставалось даже шрамов и следов пореза.

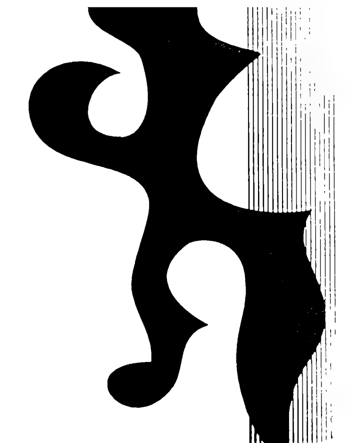
Четвертый способ лечения и исцеления, применявшийся Заратуштрой,— ритуальное омовение водой. Обряд исцеления Заратуштра проводил, поставив больного на такое место, откуда загрязненная жидкость не стечет ни в воды, ни в священный огонь, ни на святую землю. И, взяв чистой влаги из источника, выливал ее на голову больного. Происходило полное исцеление. Этот способ дарован Харватат.

О возможностях целительства Заратуштра упоминал в своих поучениях:

«Один может исцелять Святостью, один может исцелять Законом, один может исцелять ножом, один может исцелять травами, один может исцелять Святым Словом. Среди всех лекарственных средств — этот один, лечащий Святым Словом; этот один, который силой воли наилучшим образом прогоняет хворь из тела праведного, исполненного веры: ибо это одно есть целительное наилучшее средство из всех лекарственных средств.

Хвороба отступает перед подобным средством, смерть отступает; дэвы отступают, противотворение и противодействие дэвов отступают; лишенный святости артемога (исказитель Правды) отступает, угнетатель мужей отступает.

Выводок Змеи отступает; выводок Волка отступает; выводок двуногих (друджвантов) отступает. Гордыня отступает; Презрение отступает; Горячая Лихорадка отступает; Клевета отступает; Несогласие отступает; Сглаз отступает. Все отступает перед Святым Словом».

философия ЗАРАТУШТРЫ

Заратуштра ответил на вопрос, кем и как сотворен вещественный мир, данный нам в ощущениях.

Моление о слове

Помыслом душа чиста,
и в мольбе простерты руки.
Мазда, сжалься, не оставь,—
я слова рождаю в муке.
Арта, радуйся! Ликуй же,
Воху-Мана, Дух скота!

За служенье Арте и
Воху-Мане, о, Небесный,
мне два мира подари —
мир духовный, мир телесный.
Праведнику протяни
нить, чтоб он прошел над бездной!

Воху-Мана, Дух скота,
славлю разум твой и стати.
Воспоют мои уста
Мазду с Артой. Пусть Армайти
сил придаст вам. Я ж прошу:
вы мольбе моей внимайте!

Воху-Мане в сей же час
жизнь отдам с молитвой страстной.
Мне за праведность воздаст
по делам Ахура-Мазда.
Я же — смертных поведу
к Истине дорогой ясной.

Как постичь мне Арты суть,
Воху-Маны дух суровый?
Хоть и знаю к Мазде путь,
укрепи мои основы.
В силах мы к Добру вернуть
недругов, коль сыщем Слово.

Воху-Мана, не оставь
разум, что тобой отмечен.
Арта, силы мне прибавь.
Дай, Ахура, пламя речи
Заратуштре,— и врагов
сможем одолеть при встрече!

Арта, сжалься, принеси
Воху-Маны дар прекрасный.
Мать-Армайти, дай мне сил,

утверди вождя Виштаспу.
Мазда, научи, как жить
мудрости твоей согласно!

О, Ахура-Мазда, друг
Арты, верю, с давних пор ты
охраняешь верных двух —
Заратуштру, Фрашаоштру.
Тех, что Воху-Ману чтут,
не отдай беде на откуп!

Не допустим мысли злой,
гнева у простерших длани.
Не пресытим вас хвалой
Арте мы и Воху-Мане.
Мазда, не наскучим вам,
о, хранитель высших знаний!

Коль заслужишь Арты дар,
Воху-Маны дар, признанье
Маздой,— сбудутся тогда
все благие пожеланья
тех, кому вознес хвалу
в жарких песнях упованья!

В них навеки сохраню
Воху-Маны облик, Арты.
Мазда, я тебя пою.
Так вдохни из уст в уста ты
Слово мудрое о том,
как возникла жизнь когда-то!

Заратуштра отделил мир духовного от мира телесных форм. Мир духовных сущностей изначален, совершенен и не подвластен изменениям. Мир телесных вещей вторичен, сотворен в результате смешения двух противоположностей — Духа Добра и Духа Зла — и существует только в этом смешении. В момент окончательной победы добра над злом телесный мир прекратит свое существование, и останется только мир духовных сущностей.

Принято говорить о дуализме зороастрийской религии, но это не совсем корректно. Пророк объявил примат Доброго Промысла Божьего в первичном бестелесном мире. Противоборство Доброго и Злого Духов происходит только в мире телесных воплощений, который ограничен временными рамками, полностью зависит от мира бестелесного и сольется с последним при окончании времен. Тогда Добрый Дух изгонит Злого из вещественного мира, и будет устранена сама возможность существования последнего, порожденного смешением Добра и Зла. Ведь этот мир имеет телесные формы только благодаря единству и борьбе двух противоположностей. Ахура-Мазда выступает как предвечный творец двух противоположных энергий и как тот, в ком они прекратят свое существование.

Ахура-Мазда — владыка мира бестелесных сущностей до сотворения телесного мира, в вещественном мире ему принадлежит «добрая» половина, а после конца это-

го мира он вновь воцарится над всем сущим бестелесным миром.

Отражением вселенского примата духа над материей в земном мире является превосходство жреческого сословия над воинским и простыми общинниками. Считается, что следующий ниже текст развивает тему конфликта жречества и воинства за право распоряжения общественным скотом. А душа Заратуштры еще до ее телесного воплощения представала перед небожителями в защиту угнетенной Души Скота.

Так рекла Душа Быка
божествам: «По чьей я воле
на земле? Мои бока
терпят стыд кнута и боли.
Об охраннике молю,
пастыре и лучшей доле!»

Речь Творца была строга:
«Арта, кто ж Быку защита?
Простели ему луга,
скотовода отыщи ты
и от Айшмы огради.
Чтобы чисто жил и сыто!»

Но сказала Арта: «Нет
здесь такого скотовода,
чтоб за жизнь Быка ответ
мог держать он год от года,

ежедневно отдавать
кропотливый долг ухода».

Лишь для Мазды нет нигде
тайн. Он знает о стремленьях
всех — и дэвов и людей,—
замыслах и воплощеньях.
И да сбудутся его
всеблагие повеленья!

Так прими ж молитвы жар!
Я и дух коровы стельной
молимся, чтоб избежал
скот опасности смертельной,
скотовод чтоб не внимал
Друджу с верой неподдельной!

И ответил Мазда: «Свет
весь я обозрел по праву.
Но такого мужа нет,
что бы Арте был по нраву.
Для людей я создал скот,
а не Айшме на потраву!

Для скота я создал ряд
пастбищ; и в согласье с Артой,
чтобы множилось стократ
стадо,— сотворил я Мантру.
Ты вложи ее в уста
другу стад, о Воху-Мана!

Знаю я лишь одного
человека, кто бы слова
не чурался моего
и стерег его основы,—
Заратуштра. С Артой он
до конца пути земного».

Но опять Душа Быка
Мазде возопила страстно:
«Жизнь людская коротка,
а Быка — небезопасна.
Защитить меня бы мог
только Ты рукою властной!»

О Мудрейший, Ты помочь
в силах всякому созданью.
Величавой Арты мощь
дай скоту и состраданье.
Воху-Мана даст ему —
мирных пастбищ процветанье!

А коль Арта одарит
и меня; коль Воху-Мана
мой рассудок укрепит;
коль Ахура даст желанный
пыл речам моим,— тогда
в чистой радости воспряну!

ЭТИКА ЗАРАТУШТРЫ

Заратуштра провозгласил новый нравственный закон. Он первым возвестил о вечно актуальном, воспроизводимом в каждом сознании, решающем выборе между добром и злом на всех уровнях, от личностно-индивидуального до вселенского.

Слово мое тому, кто желает внять.
Мазды деянья славит оно: их суть
сможет постичь лишь тот, кто душою чист,
праведен в мыслях и не ленив умом.
Вот, человек, внимай, напрягай свой слух:

Слово мое укажет тебе, какой
веры держаться лучше — одной из двух —
плоти твоей и духу пред Судным днем.

Знай, человек: два Духа, два близнеца,
провозгласили Зло и Добро. Постичь
разницу между ними сумеет лишь
праведник, а бесчестный пребудет слеп.

Жизни и тлену дали начало два
Духа, провозгласили их до конца
мира. Был грешным — Злой предназначен Дух.
Праведникам потворствовал Дух Добра.

Так разделились Духи: Лукавый — зло
выбрал себе, а праведность — Дух Благой,
что облачен в твердейшие небеса;
с ним же и те, что свято Ахуру чтут.

Но не избрали Правды ни дэвы, ни
дэвами обольщенные и в обман
ввергнутые Лукавым: они пришли
к Айшме, чтоб мучать бедами этот мир.

Мазда, ты дал нам мудрость, богатство, власть;
крепость телам Армайти дала. Так пусть
будут они вовеки такими, как
в день, когда ты к творению приступил!

Мазда, когда покарано будет зло,
царство твое лишь тот обретет, кто свят
в помыслах и поступках; лишь тот, кто Ложь
в крепкие длани Правды передает.

Будем же мы, несущие в мир добро,
принадлежать, Ахура, тебе, и пусть

Арта нас укрепит, ибо мудрым — там
место, где есть премудрости горний свет.

Кара падет на злых и бесчестных. Но,
вечными став, обители Мазды и
Арты достигнут те, что Ахуру чтят
и прославляют мудрость его в веках.

Вот вам ученье о властелинах двух:
людям открыл Ахура деянья их.
В нем — нечестивых беды заключены,
праведных — радость, ясный к блаженству путь!

Заратуштра учил, что главная цель создания и жизни человека — служба Ахура-Мазде и принятие его стороны в борьбе с Анхра-Маньо и его творениями. Служение и помощь Ахура-Мазде должны быть действенными и проявляться в мыслях, словах и поступках. Стать безучастным праведником недостаточно для спасения души.

Главная жизненная задача, которую решает всякий человек,— сознательный выбор между Добром и Злом, Правдой и Ложью. Этот выбор делается как на всю жизнь, так и в каждом отдельном случае. Нравственный выбор в учении Заратуштры — важнейшее усилие души и проявление ее свободы.

Содержание деятельности праведника состоит из триединства доброго помысла, добрых речей и добрых дел.

Добрые помыслы должны лежать в начале всякого человеческого действия или поступка.

Проявления злоречивости, сплетен, хулы и злословия всячески изгонялись из обихода праведных последователей новой веры. Злоречивые приверженцы Лжи отмечены внешними признаками — дурным запахом изо рта и черными гнилыми зубами.

Главные добродетели в обыденной жизни согласно Заратуштре таковы:

Праведник должен без устали заботиться о бедняках, кормить, одевать и защищать бедных праведных людей. Но должен гнать злоумышляющего и злоречивого. Если это вызывалось настоятельной жизненной необходимостью, друджванта не возбранялось убить, чтобы предотвратить страшные злодеяния. Убийство врагов Ахура-Мазды, всякого рода дэвопоклонников и приверженцев Лжи,— не только не грех, но будет причислено к доблестям на посмертном суде.

Праведник должен трудиться для того, чтобы давать обильный корм животным Ахура-Мазды, прежде всего коровам, затем овцам, козам и коням. К ахуровским животным относились также собака, которая оберегает стада от волков, ежи и другие враги лягушек и змей, птицы, уничтожающие вредных насекомых. Обо всех праведник должен был неустанно печься и заботиться. Напротив, дэвовские твари (храфстра) —

волки и другие вредные хищники, нападающие на мирные стада, змеи, жабы и насекомые-вредители достойны безжалостного истребления. Их убийство не будет грехом для праведника, а даже зачтется на посмертном суде его души как благое деяние.

Добродетельный последователь Заратуштры должен усердно заботиться о земле, ни в коем случае не оставлять ее в небрежении, постоянно возделывать, украшать полезными плодоносными и цветоносными ахуровскими растениями.

Праведник обязан возделывать землю, защищать полезные растения от вредителей и вредоносных ветров при помощи ахуровских животных и возведения прочных стен вокруг садов и огородов.

Украшать сады необходимо не только плодоносящими полезными растениями, но и зримыми воплощениями Бессмертных Святых: миртами и жасмином, мышиным горошком и базиликом, мускусными розами и лилиями.

Землю следует всячески оберегать от осквернения и загрязнения дэвом Смерти. В частности, не допускать предания земле трупов умерших людей и животных.

Праведник должен неустанно заботиться о чистоте воды. Прежде всего, не допускать ее загрязнения от соприкосновения с дэвом Смерти и разложения (Насу).

Одна из высших добродетелей праведника — приносить сухие, очищенные от всего гниющего дрова для

кормления огня. Огонь подкармливали также животным жиром и оливковым маслом. Эти деяния рассматривались как своего рода жертвоприношения Огню и Бессмертным Святым.

Праведный последователь Арты должен заботиться о чистоте небес, отгоняя вредоносные загрязнения зловония, удушливого дыма, смрада, сажи и ветра-суховея.

Особые обязанности заотаров и мантранов Заратуштровой веры заключались в искусстве выжимания хаомы и богослужения божествам, «достойным почитания» (язатам), священными изречениями, мантрами, и пением хвалебных гимнов. Но никогда и нигде не следовало почитать дэвов кровавыми жертвоприношениями и заклинаниями.

О последствиях нравственного выбора души для судеб мира в целом и для загробной участи человека в частности Заратуштра говорил так:

Повеления твои
помня, мы провозглашаем
слово Правды, что страшит
Лжи сторонников коварных.
Но как сладостно оно
тем, кто сердцем верен Мазде!

Если же из двух путей
лучший не смогли избрать вы,—
к вам приду как судия
тяжбу разрешить, поскольку

Правде дух мой подчинен
волею Ахура-Мазды.

Через Духа и Огонь
чем ты воздаешь обеим
сторонам? Поведай нам,
Мазда, и вложи в уста мне
слово, чтобы я сумел
передать его живущим.

Если призваны должны
Арта, Мазда и Армайти
быть,— используйте меня,
Добрый Помысел и Царство
Божие, с которым мы
Ложь бы одолеть сумели.

Подтвердите же, что вы
ради этого, о Правда
и Благая Мысль, меня
нарекли своим пророком.
Мазда, дай увидеть мне
все, что будет и не будет!

Да воспрянет, кто несет
слово Правды, слово Блага
и Бессмертья. Для него
увеличит Царство Мазды
Добрый Помысел, когда
отворится путь к блаженству.

Так сказал Он: «Будет Свет
всем благословенным Царства!» —
Тот, кто мудростью своей
создал Правду. Вознесутся
чрез Благую Мысль они,
через Дух, что неизменен.

Мазда, признаю в моей
мысли, что всего начало
и конец ты; что — Творец
Правды истинной. О Мазда,
ты — Господь. Тебе судить
все деяния земные!

Ты Армайти породил
и Творца Быка, иначе —
Мудрость Духа. Право дал
выбирать скоту: кто будет —
непастух или пастух —
властвовать над ним отныне.

Избрала Душа Быка
пастуха своим владельцем,
чтобы Правду он стерег,
Добрым Помыслом ведомый.
Этого непастуху
не дано, как бы ни тщился.

О, Ахура-Мазда, ты
Дух свой воплотил в различном,
разум дал и в плоть облек

жизнь. Деянья и ученье
сотворил, чтоб каждый мог
выбрать путь себе по нраву.

Да возвысят голос свой
Лжи приверженец и Правды
друг; кто ведает и тот,
кто не ведает. Армайти
в колебаниях своих
льнет к тому, чей глас сильнее.

Явные дела людей
или тайные чреваты
наказаньем. Малый грех
стоит ли суровой кары? —
Все чрез Арту знаешь Ты,
оком огненным взирая.

О Ахура, я тебя
вопрошаю о расплате,
что назначена для всех
праведных, для всех, кто с Друджем
в дружбе. Что им в Судный день
книга вещая расскажет?

Вопрошаю: какова
кара тем, кто путь находит
в царство Лжи, чтоб вред чинить
и скоту и человеку,
тратя жизнь свою на то,
чтобы мучить беззащитных?

Мазда, явится ли муж,
что стремится Царство Света
к дому, области, стране
приближать посредством Арты,
тот, тебе подобный? В чем
смысл его земных деяний?

Что безмернее из двух —
вера Арты, вера Друджа?
Знающий да сообщит
мудрому, обман развеяв.
Просвети, Ахура, нас,
о Учитель Доброй Мысли!

Пусть никто из вас вовек
не внимает другу Друджа.
Ибо дом, страну и род
приведет он к истребленью.
Дать отпор ему должны
вы, вооружившись крепко.

Друга Арты вы должны
слушать: он — Целитель Жизни,
тот, Ахура, кто постиг
истину посредством слова;
через красный Твой Огонь
путь к двойному воздаянью.

Если к Праведнику муж
подойдет,— его минует
век страдания и тьмы,

боли, бедности и страха.
Но беда падет на тех,
кто в деяньях Ложь восславил.

Мазда доблестью своей
тем причастие дарует
к Харватат и Амэртат,
Арте, Хшатре, Воху-Мане,
кто и делом и душой
следует его заветам.

Это ясно ведуну,
ибо мыслит и внимает.
Он — поддержка Арте и
Хшатре словом и поступком.
О, Ахура-Мазда, он
и Тебе помощник верный!

Продолжает изложение проблемы влияния выбора на судьбы мира и человека.

Рек Заратуштра: «Будете вы желать
благословенья Мазды и тех, кто с ним.
Но научитесь, знатные, отделять
друджевца от того, кто пошел за мной».

Дали ответ сословия: «Мы твоей
веры гонцов не выдадим силам Зла».
И возвестил Ахура: «Да будет ваш
выбор благочестивый путем ко мне!»

Рек Заратуштра: «Дэвы и тот, кто чтит
вас,— это Злого Умысла семена.
Дерзость и Ложь вы сеете на земле.
Ваши дела семи областям видны.

Ибо добились вы, чтобы муж, что зло
всюду вершит, «возлюбленным дэвов» стал.
Вы от Благого Помысла отошли,
волю Ахуры с Артой презрели вы.

Дэвы, лжецы, Злой Умысел и Злой Дух
выкрали жизнь счастливую у людей
вместе с бессмертьем и населили грех,
чтобы сгубить навек человечий род.

Так и грешит с тех пор человек. Но ты
знаешь, Ахура, через Благую Мысль
о воздаянье каждому. И в твоем
царстве решенья будут соблюдены.

Ни одного из тяжких грехов ведун
да не свершит — О Мазда, ты знаешь их! —
в страстном порыве к благословенью, что
чрез раскаленный будет дано металл.

К людям греховным Йима причислен был,
сын Вивахванта, что человеку дал
мясо Быка. Да буду я отделен,
Мазда, от этих грешников в Судный день.

Уничтожает знанья учитель Зла,
замысел жизни губит ученьем он.

Тех, кто Благому Помыслу подчинен,
он очерняет славные имена.

Уничтожитель, он говорит, что Бык
с Солнцем есть наихудшее из того,
что различимо оком; плодит лжецов;
пастбища губит; праведника гнетет.

Это они, лжецы, разрушают жизнь
и наслаждения от плодов любви
мужа с женой лишают, стремясь отвлечь
праведника от помысла о благом.

Определенье зла против них скажи,
Мазда, поскольку, радуясь, жизнь Быка
губят. Кто ж те, кем Грехма и Карапан,
друджевцев племя Арте предпочтены?

Мазда, как только Грехма войдет в чертог
Худшего замысла, да возжаждет он
в скорби посланья, что начертал пророк,
Правду вменив в обязанность другу Лжи.

Грехма и Кави — вот, кто, примкнув к лжецу,
смерти пророка жаждут. Так знайте: Бык
будет убит затем, чтоб зажечь того,
кто — Отвратитель Смерти и нас спасет.

Ибо пришел он, чтоб извести союз
кавиев, карапанов посредством тех,
кто не подвластен боле правленью Лжи:
в царство Благого Помысла их стезя.

Мазда Ахура, властью своей уйми
тех, кто грозит мне гибелью. Арта, дай
силу, чтоб я приверженцев Лжи сковать
мог, что моим друзьям причиняют зло!»

Следующий текст продолжает тему воздаяния.

Но тому согласно, что говорит Закон,
справедливо ль будешь, о Судия, судить
человека Правды и человека Лжи
и того, в ком в равной мере добро и зло?

Муж, что словом, мыслью, дланями зло Лжецу
причиняет, к богу паству Лжеца навек
увлекает верой истинной,— Мазда, вот,
кто Тебе приятен, волю Твою творя!

Знатен муж иль беден, в братстве ли состоит
он, Ахура, нашем, или же — скотовод,—
ждет его в грядущем пастбище Арты и
Воху-Маны, если праведно он живет.

Почитая Мазду, я в стороне держусь
от Непослушанья, Умысла Злого, Лжи,
от спесивой знати братства Клеветников,
скотоводов праздных, что угнетают скот.

Послушанью, Мазда, я Твоему слуга,
коль оно — награда при Завершенье дней;
устремляюсь к долгой жизни, ищу путей
верных к Хшатре, Арте, где обитаешь Ты.

Я, жрецу подобно, выучил путь прямой,
что дается Артой. Лучший же Дух сойдет
возвестить о долге мужа перед женой.
Вижу Двойню Мазды, с нею держу совет.

О, в своем обличье, Мазда, ко мне сойди,
Арта, Воху-Мана, чтоб я услышан был
на земле и выше. Пусть же авгура долг
среди нас проявлен будет и виден всем.

Так воздайте ж мне по делам моим, Мазда и
Воху-Мана с Артой! Вам я пою хвалу.
К Харватат взываю и Амэртат: меня
одарите вечным благословеньем вы!

Да пребудут Дух Твой, Мазда, и Двойня, что
приближают Правду. Помысел пусть Благой
суть моих деяний в мир привнесет. Крепка
помощь Двойни — той, чьи души слились в одну.

Соразмерно, Мазда, радость земных утех
раздели меж всеми волей Своей благой.
Через Воху-Ману тело мое приблизь,
через Арту к Царству Света, где правишь Ты.

О великий Мазда, ты, Благочестье, вы,
Воху-Мана с Артой, божие Царство, что
осеняют смертных,— смилуйтесь надо мной
в день, когда настигнет всех воздаянья час.

О, восстань, Ахура, через Армайти дай
силу; чрез Святого Духа даруй мне мощь;

через Арту — доблесть; вознагражденье дай
через Воху-Ману, если достоин я.

Вы, кто зрит далеко, о подаруйте мне
в Царстве Света участь через Благую Мысль,
чтоб поддержку вашу я ощущал во всем.
Возвести, Армайти, дэвам, что Правда есть.

Заратуштра, словно жертву, приносит в дар
плоть свою, деянья, добрую мысль и речь
вам, Ахура-Мазда, Арта и Хшатра: он
только вашей волей в жизни земной влеком.

богословие ЗАРАТУШТРЫ

Заратуштра считался белым магом. Говорили, что он обладал сверхъестественной способностью уходить в мир бестелесных сущностей и мог преднамеренно погрузиться во внутренний мир другого человека, чтобы и тот стал свидетелем и очевидцем реальности мира духовного.

Учение Заратуштры о Божественном непосредственно связано с его мистическим опытом. Его философия — ничто иное, как попытка донести до непосвященных в словесной форме свидетельства о мире бестелесного бытия.

Используя существовавшую до него арийскую мифологию, Заратуштра создал

совершенно новое, небывалое до него богословское построение.

Имена, которые Заратуштра дал сущностям бестелесного мира, для арийцев не новы, но прежде они обозначали лишь понятия, и изредка второстепенных родоплеменных божеств.

Высшая бестелесная сущность, известная Заратуштре, была названа им арийским нарицательным именем **Мазда** — «мысль, память, мудрый», производным от сложного глагола «ма (н) з-да» — «устанавливать мысль, направлять свое внимание, разум». Именем Мазда пророк обозначил психическую энергию мышления.

Чтобы сделать имя верховного божества ближе и понятнее непосвященным, Заратуштра добавил к нему слово **ахура**, отнеся его, таким образом, к арийской категории божеств, соответствующих древнегреческим титанам (т. е. энергиям и силам небесных тел и светил).

Причисляя Мазду к ахурам, Заратуштра вынужден был определить его место среди прочих ахур. Сделал он это, поставив под надзор Мазды Ахуры планету **Юпитер**, заместив прежнего ее владыку, Гуру — «Просветленного Учителя» (соответствующего индуистскому Брахме и титану Иапету греческой традиции).

Сходным образом построена и вся остальная система божественных сущностей у Заратуштры.

Согласно преданию древних греков, у Иапета были сестра-титанида Фемида (женское олицетворение его функции небесного судии) и четыре сына от океаниды Асии (в которой усматривают лидийскую богиню Асви, олицетворение интуитивного доопытного знания о прошлом, нынешнем и последующем состояниях мира).

Две двойни сыновей титана Иапета: Прометей-Эпиметей и Атлант-Менойтий,— соответствуют в арийской системе двоим сыновьям Ахуры: Спента-Маныо (Святому Духу — Прометею и Атланту в одном лице) и Анхра-Маныо (Злому Духу — Эпиметею и Менойтию).

Древняя греческая мифологическая традиция сохранила лишь часть сведений об этих двойственных архетипах общеиндоевропейского мифологического наследия. Арийские мифы существенно дополняют эти сведения.

Эзотерическим Зодиакальным домом Ахура-Мазды как Иапета являлось созвездие Водолея, над которым господствует звезда Большая Рыба, или Фомальгаут (Сатавэса). Вот почему Ахура-Мазда-Иапет так тесно связан с мифом о **Вселенском потопе** и о **единственном спасенном родоначальнике** современной расы людей (др.-инд. Ману Вайвасвата, др.-перс. Йима-Хшайта, сын Вивахванта). В послепотопную эпоху дождями, наводнениями и дождевыми потоками ведал Тиштрия, яркая и славная тройственная звезда, сотворенная Ахура-Маздой.

Эзотерический цвет Ахура-Мазды — **зеленый**, в чем есть намек на особое благоволение Ахура-Маз-

ды к зеленому цвету растений. Телесными воплощениями Мазды считались мирт и белый жасмин.

Человек и человечество также были телесным воплощением Мазды Ахуры.

Составные части божественного имени **Арта-Вахишта,** или Аша-Вахишта,— «Наилучшее Суждение, Правосудие, Правда Богатейшая» — были взяты Заратуштрой из древних арийских преданий.

Арта входит в круг натурфилософских понятий. До Заратуштры это понятие обозначало наиболее **общий закон мироздания**, законы и закономерности природы телесного мира.

Арта управляет движением Солнца и Луны, восходами и заходами светил, сменой времен года, циклическим умиранием и возрождением всей природы, рождением, ростом и смертью человека, его возрастами жизни, его местом в общественном разделении труда, общественной иерархией, верностью договорам, справедливостью и правосудием.

Вахишта в общеарийской мифологии (ср. др.-инд. Васиштха — «Богатейший») — один из **семи** божественных мудрецов.

Заратуштра, не говоря о родственных связях Арты-Вахишты, тем не менее поставил его рядом с Ахура-Маздой, чем отвел ему место, которое в греческой мифологии занимала титанида **Фемида**, сестра Иапета. А Фемида олицетворяла всемирный Закон, закономерности Все-

ленной. Она считалась матерью Трех **Ор** (Времен года, дня) и трех **Мойр** (Участей, вершащих человеческими судьбами).

В учении Заратуштры нравственные смыслы понятия **Арта** стали главенствующими, этим именем Заратуштра чаще всего обозначал не столько закономерности природы и общества, сколько посмертное **воздаяние за благие дела** в человеческой жизни. Для Заратуштры Арта-Вахишта обладал мужской природой и являлся лишь аспектом Ахура-Мазды, а не отдельным божеством.

Эзотерическим созвездием Арта-Вахишты считалось **созвездие Льва**, как верховного судьи в царстве зверей.

Цветовой спектр, как и у Мазды,— **зеленый**, растительное воплощение Арта-Вахишты — **мышиный горошек**.

Спента-Манью, тождественный Воху-Мане, арийский Прометей и Атлант в одном лице, получил от Заратуштры также многозначительное двусоставное имя *Ваху-Манах* — «**добрый промысел**, или **помысел**» (ср. др.-греч. Прометей — «мыслящий наперед, промыслитель»).

Имя Воху-Мана обозначает в богословии Заратуштры добрый аспект мыслительной энергии. Воху-Мана — покровитель благих мыслей, воздающий за них на посмертном суде души.

Теснейшая связь имени Воху-Маны с душой **быка** так же объясняется при помощи древнегреческого образа Атланта, который был поставлен титанами править Луной. Луна в эзотерических учениях напрямую связана в земной природе с белым тельцом, а в зодиакальном круге — с созвездием Тельца. Вот откуда постоянные эпитеты Воху-Маны и Маха (месяца) — «Творец Быка», «Душа Быка», «Семя Быка» и т. п.

Воху-Мана, как и Атлант, имеет смысловую связь с **белым цветом**. Ведь энергия добрых помыслов символически тесно сопряжена с белым цветовым спектром света.

Иногда символом Воху-Маны называли белый жасмин, т. е. священное растение самого Ахура-Мазды.

Дополнительный смысл имени Воху-Маны — один из **семи Бессмертных Святых (Амерта-Спента).** Число «семь» вовсе не случайно связано с Добрым Помыслом. Достаточно вспомнить Атланта, отца семерых атлантид или плеяд, бессмертные образы которых вознесены на небеса в виде созвездия Плеяд! В астрономическом отношении Плеяды и Телец составляют один звездный дом.

Воху-Мана, как Прометей, выступал в роли культурного героя, научившего арийцев цивилизованной жизни, способам ведения хозяйства, ремеслам, искусствам и наукам.

Последователи Заратуштры особо подчеркивали всеведение пророка в областях человеческой деятельности. Эти способности он получил от Воху-Маны.

Небесные образы Воху-Маны-Прометея — созвездия Овна и Рыб.

Эзотерическая связь Воху-Маны-Прометея с красно-оранжево-желтым спектром цветовой гаммы проявляется и в растительной символике. Его телесным воплощением считался **желтый жасмин**. Кроме того, с Воху-Маной связывались золотой цвет и золотые предметы.

Двусоставное имя **Хшатра-Варья** — «Власть Желанная или Царствие Желанное» — Заратуштра создал из арийского слова «хшатра», «воинское и царское сословие в общественной иерархии», и определения «варья» — «желанный». Этим именем пророк обозначил благое качество Ахура-Мазды, как божественное единовластие в бестелесном мире, а в мире телесном — как сильную **царскую власть**, опирающуюся на **воинское сословие**, обеспечивающую оседлой скотоводческой общине процветание и защиту от набегов кочевников.

Еще к пророку восходит дополнительный смысл имени Хшатра-Варья — «покровитель **небесной тверди и металлов**, из которых она создана» и «собственно царство небесное».

Хшатра-Варья ассоциировался с **хварном** — «божественной энергией, харизмой, благодатью», которой

отмечены праведные и благие правители арийских стран. Символом хварна служил баран.

Эзотерическое созвездие Хшатра-Варьи — **Овен**, **красная** часть цветового спектра — его священный цвет, телесное воплощение в растительном виде — **королевский базилик**.

Двусоставное имя **Спента-Армайти** — «Святое Смирение, Покорность, Благочестие» — создано Заратуштрой из арийских слов для обозначения особого проявления психической энергии интуиции, а именно — **богобоязненности, смирения, набожности**, в основе которой лежит страх перед наказанием. Заратуштра упоминал благой аспект Мазды, миролюбие, как олицетворение в Армайти мирного, процветающего скотоводческого сообщества.

Он призывал в молитвах Армайти даровать арийским странам мир для пастьбы скота, прийти к людям вместе с Артой (здесь: правосудием), Хшатрой (здесь: сильной властью) и принести обильную пастьбой прекрасную жизнь.

Уже в гатах Заратуштры понятие Армайти тесно сопряжено с понятиями «сельская община», «мирная жизнь» и «земля».

Под покровительством Спента-Армайти находилась **Земля**. Эзотерическое созвездие Армайти — **Мыши и Кошка** (совр. Рак и Малый Лев). Священный цвет

Спента-Армайти — **желтый**. Ее зримое воплощение — **желтая роза, мускусная роза**.

Имя **Харватат** было введено Заратуштрой для обозначения одного из благих качеств Мазды — «целостность и невредимость, здоровье». Мазда Ахура дарует Харватат праведным людям.

Сам Заратуштра применял для целительства, духовного и физического, воду, совершая над больным обряд ритуального омовения водой. Отсюда и происходит тесная смысловая связь имен Харватат и **воды**.

Эзотерическим созвездием Харватат была **рыба-коза** (ныне Козерог). Священный цвет — **голубой** или **светло-синий**. Зримым воплощением Харватат считалась **лилия**.

Имя божественного качества бессмертия, **Амэртат**, продолжало арийскую традицию. В Ведах напиток бессмертия Амрита, приготовляемый из сомы, символизировал жизненную силу и вечное возрождение божественных сущностей. Греческий аналог — Амброзия, напротив, является не питьем, а пищей богов.

Амэртат ассоциативно связана с напитком **хаомой** и Харватат, как покровительницей вод. Однако Заратуштра не нуждался в галлюциногенном напитке для погружения в мир бестелесных сущностей и созерцания Бессмертных Божеств.

Это и является объяснением тому, что в его гатах Амэртат — лишь абстрактное олицетворение одного из благих качеств Мазды Ахуры и его посмертного вознаграждения душам праведников...

В богословской системе Заратуштры шесть благих качеств Мазды — Арта-Вахишта, Воху-Мана, Хшатра-Варья, Спента-Армайти, Харватат и Амэртат — получили наименование **Бессмертные Святые (Амерта-Спента)**, а вместе с единым богом Ахура-Маздой составили **семь высших божеств**, заместив традиционные арийские группы божеств, такие, как семь властелинов творения (праджапати) или семь мудрецов (риши).

При сопоставлении с предшествующими общеарийскими аналогами революционная перемена в богословии, произведенная пророком Заратуштрой, становится очевидной.

Имя **Анхра-Манью (Ангромайнью, Ахриман, Арейман)** состоит из двух корней: «злой, недобрый» и «дух». Этот образ, созданный Заратуштрой, также вобрал в себя смыслы имен титанидов Менойтия, яростного и гневливого, буйного и беснующегося воителя, низвергнутого в преисподнюю (вспомним дэва Аэшму), и Эпиметея, «сильного задним умом», хитрого, недальновидного, через супругу Пандору и дочь Пирру впустившего в мир людей все виды болезней, бедствий, горестей и страданий.

Анхра-Манью теснейшим образом связан с дэвом засухи Апаошей, разрушительным духом смерти и гниения Насу. Апаоша, как следует из арийских преданий о Тиштрии, имел телесное воплощение в виде **черного коня** с клеймами смерти.

В связи с этим нелишне будет напомнить, что низвергнутый с небес Менойтий обретается в царстве вечного мрака и, возможно, сторожит стада черных быков и черных коней Гелиоса в преисподней.

Анхра-Манью пребывает во тьме, он выходит ночью, под покровом темноты вершит свои злые дела в телесном мире. Во мгле преисподней, в мрачном Эребе или Тартаре влачит свои дни поверженный Менойтий.

В традиции зороастризма Анхра-Манью создал вредоносную парику Муш (арийское слово «мышь» — это результат народного переосмысления шумерского слова «муш» — «Змея, созвездие Змеиного Дракона», т. е. совр. Гидра и Рак), которая стремится затмить Маха (Месяц) и Хвархшэта (Солнце).

Эзотерическое созвездие Гипериона, где пребывает Менойтий,— Скорпион, символ смерти. Скорпион, как и змея, относится к категории вредных существ храфстра.

Анхра-Манью роднит с Эпиметеем и злополучное вторжение в людской мир болезней, телесных недугов, страданий и прочих бед.

МОЛИТВЫ ЗАРАТУШТРЫ

Заратуштра молился только **Бессмертным Святым**. В гатах он упоминает свои собственные гимны и славословия в честь **Ахура-Мазды** и **Воху-Маны**, свои моления о помощи к **Арти-Вахви** и небесным светам, т. е. **звездам**. Он неоднократно обещал стать защитником для **души Быка** и осуждал всякое кровавое жертвоприношение скота.

К достойным почитания и восхваления Заратуштра, прежде всего, относил Семь Бессмертных Святых: Ахура-Мазду, Воху-Ману, Арта-Вахишту, Хшатра-Варью, Спента-Армайти, Харватат и Амэртат, Арти-Вахви и Сраошу.

То деянье, слово, то,
Мазда, богопочитанье,
за которые даешь
верным Амэртат и Арту,
Царство Света — да свершат
люди, что Тобой ведомы.

Праведника, чья душа
Правде следует покорно;
все деяния его
с Добрым Духом воедино;
речь его, что славит вас, —
Ты прими в подворье Царства.

Он же Арте и Тебе
будет жертвоприношенье
с почитаньем приносить,
чтобы в Царстве все творенья
через Воху-Ману вы
довели до совершенства.

Мазда, Твоему Огню,
что силен посредством Правды,
мы желаем, чтобы он
для исполненного веры
стал наградой; для врага
веры — мукой беспредельной.

Так ли ваша власть сильна,
Мазда, Арта, Воху-Мана,
чтоб от злобы защитить

праведного человека,
коль отринул он навек
дэвов и друзей бесчестья?

Если властны вы помочь,
Мазда, Арта, Воху-Мана,—
дайте знак мне или всю
жизнь земную измените,
чтоб пред вами я предстал
с радостью и восхищеньем.

Мазда, разве друг Тебе,
кто своим ученьем лживым
Мысль Благую в нищету
и в несчастье превращает?
Защити же нас, коль мы
следуем путями Правды!

Ибо те, что в ужас нас
повергают силой злобы,
те, что ненависть плодят,
отвергая волю Мазды,
волю Арты,— никогда
не достигнут Царства Света.

Это — люди злобных сил,
что презрели благочестье.
Малой доли нет у них
в Добром Помысле; и Правда
от злодеев прочь бежит,
как от нас — лесные звери.

Мазда, только Твой пророк
обучал людей держаться
Воху-Маны, Арты и
Благочестия Святого,—
ибо мудр и верит, что
пребывает в Царстве Мазды.

Мазда, все Твои дары
укрепят его. А Правда
с Благочестьем приведут
к Царству Доброй Мысли. Этим
Ты врагам своих врагов
и воздашь благословенье.

О, каких желаешь Ты
восхвалений, приношений?
Приказанья возвести,
чтоб Судьба распределила.
Через Правду укажи
путь нам Помысла Святого.

Верю, что на том пути,
о котором Ты сказал мне,
будет праведника ждать
вожделенная награда,
чьи пределы только Ты
устанавливаешь, Мазда.

Будешь Ты ее давать
по деяньям Доброй Мысли
тех, чей труд обременен

нуждами коровы стельной;
тех, что, Мазда, речь Твою
через Правду постигают.

О, поведайте и мне,
Мазда, Арта, Воху-Мана,
про бессмертные дела,
что увенчаны наградой.
Убеди, Ахура, нас,
что Твою исполним волю!

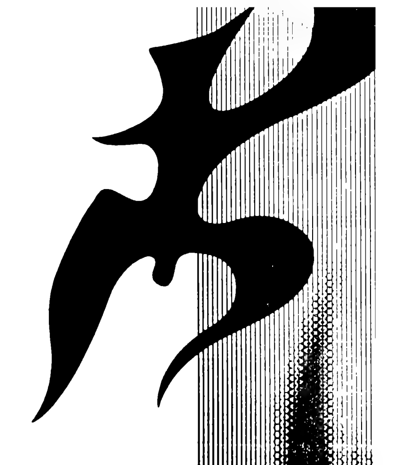
Творения Ахура-Мазды: Небеса (Асман), Солнце (Хвархшэта), Месяц (Мах) и Звезды (особенно Тиштрия, Сатавэса, Ванант, Хафтаринга, Гвоздь Середины Небес), Вода (Апо-ахуни), Земля (Зам), Огонь (Атар), Душа Быка (Гэуш Урван), Души Людей (Фраварти) — отнесены Заратуштрой к благим сущностям.

Эти божественные сущности Заратуштра предписывал почитать бескровным жертвоприношением, душевным настроем и хвалебным песнопением.

Все творения Анхра-Манью: дэвы и духи — Ака-Мана, Друдж, Айшма, Заурва и пр.; дэвы небесных светил — Митра, Урвана Гаочитра, Тира, Ардви-Сура Анахита, Веретрагна, Зрван; парики, особенно Муш; дэв Насу — Смерти и Гниения; Суховей Апаоша; Насилие — жертвоприношение быка; злые люди и вредные животные — храфстра,— не достойны почитания и поклонения.

Более того, с обрядами кровавых жертвоприношений этим дэвам Заратуштра призывал бороться самым решительным образом: кумирни и святилища уничтожать, а служащих им колдунов (яту), карапанов и кавиев гнать и истреблять на земле арийцев.

Позднее ученики и последователи пророка составили вдохновенные молитвы Ахура-Мазде и другим шести Амерта-Спентам, Сраошу, Чисте, Арти-Вахви, Хвархшайте, Маху, Тиштрии, Вананту и Фраварти.

МОЛИТВА
АХУРА-МАЗДЕ

Да возрадуется Ахура-Мазда! Да будет уничтожен Анхра-Манью теми, кто воистину верует, что и есть первейшее желание Бога.

Я восхваляю мудрую мысль, мудрые слова, мудрые дела. Я приемлю все добрые мысли, добрые слова и добрые дела.

Я отрекаюсь от всех злых мыслей, всех злых слов и всех злых дел.

Я приношу жертву и молитву вам, о Амерта-Спенты! Всеми моими мыслями, моими словами, моими деяниями и биеньями моего сердца: я вручаю тебе мою собственную жизнь.

Я произношу «Похвалу Святости».

Праведность есть лучшее из всех благ. Это Благо для той Праведности, которая есть совершенство Святости!

Я исповедую себя как чтящего Мазду, последователя Заратуштры, одного из тех, кто ненавидит дэвов и подчиняется законам Ахуры.

Ради жертвоприношения, молитвы, умиротворения и прославления Хавани, святого и господина Святости.

Ради жертвоприношения, молитвы, умиротворения и прославления Саванхи и Висьи, святых и господ Святости.

Ради жертвоприношения, молитвы, умиротворения и прославления владык, 3 частей дня, 30 дней, 12 месяцев, 4 времен года и 12 лет.

Ахура-Мазде, сияющему и славному, несущему умиротворение, с жертвой, молитвой и прославлением.

Воля Господа — Закон Святой Праведности: Богатства Воху-Маны будут даны тем, кто трудится в этом мире для Мазды и держит в руках согласно воле Ахуры власть, что Он даровал ему, чтобы облегчать участь бедных.

Заратуштра спросил Ахура-Мазду: «О Ахура-Мазда, самый благодетельный Дух, Творец телесного мира, Ты — Единый Святой! Что из Святого Мира самое сильное? Что — самое славное? Что — самое действенное?

Что есть самое губительное для извергов? Что есть самое целительное? Что усердней всего разрушает злобу дэвов и людей? Что заставляет этот телесный мир достойно прийти к исполнению Его желаний? Что лучше всего освобождает телесный мир от смятения сердца?»

Ахура-Мазда ответил: «Наше Имя, о Спитама Заратуштра! Имя тех, кто суть Амерта-Спенты — Бессмертные Святые. То и есть сильнейшая часть Святого Мира; то и есть самое победоносное; то и есть самое славное, то и есть самое действенное;

то и есть самое губительное для извергов; то и есть самое целительное; то, что разрушает злобу дэвов и людей; что заставляет телесный мир достойно прийти к выполнению Его желаний; что лучше всего освобождает телесный мир от смятения души и сердца».

Тогда Заратуштра сказал: «Открой же мне то имя твое, о Ахура-Мазда,— величайшее, наилучшее, пресветлейшее, самое действенное, самое губительное для извергов, самое целительное, что решительно сокрушает злобу дэвов и людей.

Чтобы я мог причинить боль всем злым дэвам и людям; чтобы я мог причинить боль всем злым колдунам-яту и колдуньям-парикам и чтобы ни один дэв, ни один злой человек, ни один злой колдун-яту и ни одна колдунья-парика не смогли бы причинить боль мне».

Ахура-Мазда ответил ему:

«Мое первое имя есть — Одно-Единственное, о чем задаются вопросы, о святой Заратуштра!

Мое второе имя — Податель стад.

Мое третье имя — Всесильный.

Мое четвертое имя — Совершенная Святость.

Мое пятое имя — Все добрые вещи, сотворенные Маздой, отпрыски святого первоначала.

Мое шестое имя — Понимание.

Мое седьмое имя — Единственный с Пониманием.

Мое восьмое имя — Знание.

Мое девятое имя — Единственный со Знанием.

Мое десятое имя — Благо.

Мое одиннадцатое имя — Тот, кто рождает благосостояние.

Мое двенадцатое имя — Ахура.

Мое тринадцатое имя — Самый Благодетельный.

Мое четырнадцатое имя — Тот, в ком нет вреда.

Мое пятнадцатое имя — Непобедимый.

Мое шестнадцатое имя — Тот, кто дает истинный отчет о жизни.

Мое семнадцатое имя — Всевидящий.

Мое восемнадцатое имя — Исцеляющий.

Мое девятнадцатое имя — Датуш — Создатель.

Мое двадцатое имя — Мазда.

Почитай меня, о Заратуштра, днем и ночью, возлияниями по обету, которые будут приняты благосклонно.

Я приду к тебе на помощь и к радости твоей, Я, Владыка Всеведущий, Ахура-Мазда, бог; Святое Послушание, Сраоша, придут к тебе для помощи и ликования; воды, растения и Фраварти Святых людей придут к тебе на помощь и к радости твоей.

Если ты захочешь, о, Заратуштра, разрушить злобу дэвов и людей, колдунов-яту и колдуний-парик, угнетателей слепого и глухого, двуногих головорезов, двуногих артемаогов, четвероногих волков;

и разрушить злобу полчищ, наступающих широким фронтом, с множеством стрел, ощетинясь копьями, с поднятыми копьями, вздымающих копья опустошения,— тогда перечисляй все мои имена всякий день и всякую ночь.

Я — Хранитель, я — творец Вседержитель, я — Различитель, я — самый благодетельный дух.

Мое имя — Даритель здоровья; мое имя — самый лучший даритель здоровья. Мое имя — атраван, хранитель огня, мое имя — наилучший атраван из всех атраванов.

Мое имя — Ахура — Господь, Мое имя — Мазда-Всеведущий, мое имя — Святой, мое имя — Святейший. Мое имя — Славный, мое имя — самый славный, мое имя — Всевидящий, мое имя — самый всевидящий. Мое имя — Далеко видящий, мое имя — самый далеко видящий.

Мое имя — Защитник. Мое имя — Благожелатель. Мое имя — Создатель. Мое имя — Хранитель.

Мое имя — Вседержитель. Мое имя — Различитель, мое имя — наилучший различитель, мое имя — творец процветания, мое имя — Самодержец, правящий по своей воле, мое имя — высший самодержец, правящий по своей воле. Мое имя — Милосердный и милостивый правитель, мое имя — самый милостивый царь.

Мое имя — Тот, кто не обманывает, мое имя — Тот, кого не возможно ввести в заблуждение.

Мое имя — добрый Хранитель, мое имя — Тот, кто сокрушает злобу; мое имя — Тот, кто завоевывает мгновенно; мое имя — Тот, кто завоевывает все. Мое имя — Тот, кто всему предал очертания. Мое имя — Всеблагой, мое имя — Полное благосостояние, мое имя — господин Благосостояния.

Мое имя — Тот, кто может облагодетельствовать по своему желанию, мое имя — Тот, кто лучше всех может облагодетельствовать по своему желанию. Мое имя — Благодетель; мое имя — Сильный в действии, мое имя — Святость, мое имя — Великий, мое имя — добрый Властитель, мое имя — Наилучший Властитель. Мое имя — Мудрый, мое имя — Мудрейший из Мудрых, мое имя — Тот, кто творит благо на долгие времена.

Таковы мои имена. И тот, кто в этом телесном мире, о Спитама Заратуштра, станет произносить мои имена днем ли, ночью ли,

тот, кто будет произносить их, когда он встает с постели или когда ложится, когда он укладывается или когда он встает, когда он повязывает священный пояс или когда он развязывает священный пояс, когда он выходит из своего жилища, или когда он выходит из укрепленного города, или когда он уходит из своей страны и приходит в другую страну,—

тот человек, ни днем ни ночью, не будет ранен оружием врага, который несется подобно Аэшме и полагается на Друдж. Но ни нож, ни самострел, ни стрела, ни меч, ни палица, ни камень из пращи не настигнут его и не ранят его.

Но те имена придут, чтобы охранять его сзади и охранять его спереди, от невидимого Друдж, от женского изверга Варнья, от злодея, склонного к мошенничеству, и от того изверга, имя которому — Смерть, от Анхра-Манью. Это будет подобно тому, как если бы там была тысяча мужей, присматривающих за одним».

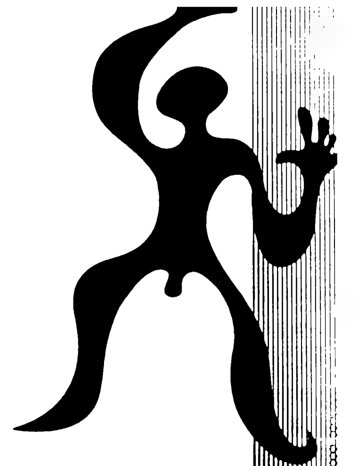
Кто есть тот, пришедший поразить изверга ради того, чтобы поддержать Твои распоряжения? Научи меня ясно Твоим правилам для этого мира и для грядущего, чтобы Сраоша мог прийти с Воху-Маной и оказать помощь любому, кому Ты благоволишь.

Да святится Слава рода Кавиев! Да святится Арийский Простор! Да святится Саока, сотворенный Маздой! Да святятся воды Датии! Да святится Ардви, неиссякаемый источник! Да святится целый мир Святого Духа!

Мы чтим Наилучшего Господа, Ахуна-Варью, Мы чтим Наилучшую Праведность, Арта-Вахишту, самых пресветлых, бессмертных и благодетельных. Мы чтим Силу и Процветание, Могущество и Победу, Славу и Жизненную Силу — Хварн. Мы почитаем Владыку Всеведущего, сияющего и славного.

Все те существа, о которых ведает Ахура-Мазда,— благость для жертвоприношения, совершенного в святости, все те существа, мужские и женские, мы почитаем.

Я благословляю священнодействие и молитву для Ахура-Мазды, сияющего и славного, и его могущество, и его жизненную силу.

молитва
АРТА-ВАХИШТЕ

Ахура-Мазда говорил Спитаме Заратуштре: «Так ты должен возвеличить Арта-Вахишту, о Спитама Заратуштра: хвалебными гимнами, исполнением службы, призываниями, святыми словами, священнодействиями, благословениями и обожанием — чтобы однажды найти пристанище в сияющем, светящемся вместилище, в прекрасной обители,— ибо священнодействие и призывания нас, Амерта-Спентов, дарует пристанище душам праведников».

Заратуштра произнес: «Скажи мне правильные и правдивые слова, такие, какие они есть, о Ахура-Мазда! Чтобы я мог возвеличить и преумножить Арта-Вахишту

гимнами восхваления, исполнением обязанностей, призываниями, святыми словами, священнодействиями, благословениями и обожанием,— чтобы и мне однажды найти убежище в сияющем светлом пространстве, в прекрасной обители,— чтобы и мне совершить священнодействие и призывание вас, Бессмертных Святых».

Я провозглашаю имя Арта-Вахишты: если я провозглашаю Арта-Вахишту, то легок путь к обители других Амерта-Спентов, которых Ахура-Мазда сохраняет вместе с Благими Мыслями и Добрыми Словами, какие Ахура-Мазда содержит вместе с Добрыми Делами;

легок путь к **Гаро-Нмане** Ахура-Мазды: Гаро-Нмана — для святых душ, и ни один из злобных не сможет внедриться в Гарон-Нману и пройти ее сияющими, широкими, святыми путями; ни один из них не ступит к Ахура-Мазде.

Молитва к **Арьяману** сокрушает силу всех творений Анхра-Маныо, творений вредоносных колдунов-яту и парик. Это — величайшая мантра, лучшая из заговоров, самая лучшая из всех мантр, страшнейшая из заговоров, самая страшная из всех мантр; неколебимая среди мантр, неколебимейшая среди всех мантр, победная среди мантр, самая победоносная из всех мантр, исцеляющая среди мантр, лучшая из всех исцеляющих мантр.

Один может исцелять Святостью, один может исцелять Законом, один может исцелять ножом, один может

исцелять травами, один может исцелять Святым Словом. Среди всех лекарственных средств — этот один, лечащий Святым Словом; этот один, который по воле наилучшим образом прогоняет хворь из тела праведного, исполненного веры: ибо это одно — есть наилучшее целительное средство из всех лекарственных средств.

Хвороба отступает перед этим средством, смерть отступает; дэвы отступают, противотворение и противодействие дэвов отступают; лишенный святости артемаога отступает, угнетатель мужей отступает.

Выводок Змеи отступает; выводок Волка отступает; выводок двуногих отступает. Гордыня отступает; Презрение отступает; Горячая Лихорадка отступает; Клевета отступает; Несогласие отступает; Сглаз отступает перед Святым Словом.

Самые бесчестные слова Лживости уходят прочь; Джахи, раб колдуна-яту, отступает, даже Джахи, что ввергает человека в тоску, отступает; ветер, что дует с севера, отступает, этот ветер, что дует с севера, утихает.

Арта-Вахишта — тот, кто уничтожает выводок Змеи. Тот, кто мог бы поразить дэвов тысячами тысяч, мириадами мириад; он поражает Хворь, он поражает Смерть, он поражает дэвов, он поражает противодействия дэвов, он поражает лишенного святости Артемаога, он поражает угнетателя мужей.

Он поражает выводок Змеи, он поражает выводок Волка, он поражает выводок Двуногих. Он поражает

Гордыню, он поражает Презрение, он поражает Жар-Лихорадку, он поражает Клевету, он поражает Несогласие, он поражает Сглаз.

Он поражает самые бесчестные слова Лживости; он поражает Джахи, рабыню колдуна-яту, он поражает Джахи, которая навевает смертную тоску. Он поражает тот ветер, что дует с севера; тот ветер, что дует с севера, утихает.

Это он, кто уничтожает ради меня выводок двуногих и кто мог бы поразить дэвов тысячами тысяч и мириадами мириад. От него бежит прочь Анхра-Манью, который весь — одна смерть, самый худший лжец из всех дэвов.

Он, этот Анхра-Манью, восклицает: «Горе мне! Здесь бог Арта-Вахишта, кто обессилит самую тяжкую болезнь, кто причинит страдания самой смертельной из всех смертей, он принесет поражение самой смертельной из всех смертей.

Он разобьет самых злодейских из всех злодеев, он поразит самого злодейского из всех злодеев. Он разрушит противодействия всех противодействий, он нанесет им удар самым противодейственным из всех противодействий.

Он разгромит наголову лишенного святости Артемаога. Он принесет лишенному святости Артемаогу несчастье. Он разгромит наголову самого угнетающего из всех угнетателей мужей, он воздаст горем самым угнетающим из всех угнетателей мужей.

Он поразит самого змеиного из выводка Змеи, он причинит страдания самому змеиному из выводка Змеи.

Он поразит самого волчьего из выводка Волка, он причинит страдания самому волчьему из выводка Волка.

Он поразит самого худшего из выводка Двуногого. Он причинит страдания худшему из двуногого выводка.

Он поразит Гордыню. Он сделает ее слабой.

Он поразит Презрение, он сделает его ничтожным.

Он умертвит самую горячую из Лихорадок, он лишит ее жара.

Он поразит самого клеветнического из клеветников, он причинит страдания самому клеветническому из клеветников.

Он поразит самого несогласного из несогласных, он принесет беду самому несогласному из всех несогласных.

Он поразит самый худший Дурной Глаз, он покарает самый худший из Дурных Глаз.

Он разгромит самые неправедные слова Лживости, он принесет беду самым неправедным словам Лживости.

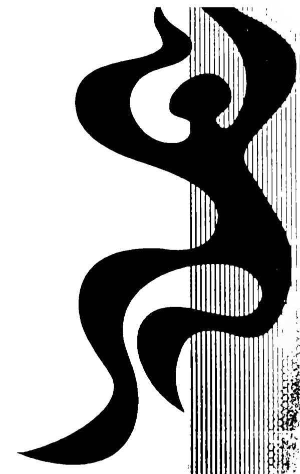
Он поразит Джахи, рабыню колдуна-яту, он сотрет Джахи, рабыню колдуна-яту. Он поразит Джахи, что наводит смертную тоску на человека. Он причинит страдание Джахи, которая заставляет человека тосковать.

Он ударит ветер, что дует с севера, он причинит страдание ветру, который дует с севера».

Ложь сгинет, Ложь погибнет, Ложь исчезнет. Ты удалишься прочь в области Севера, никогда больше не причинишь смерть живому миру Святого Духа!

За его сияние и славу я дам ему обет совершить священнодействие и принести жертву, достойную молвы. А именно: Арта-Вахиште, самому пресветлому, Бессмертному Святому, Арта-Вахиште, самому пресветлому, Бессмертному Святому, мы совершаем возлияния, Хаомой и молоком, ветвями тамариска, мудростью языка, святыми заклинаниями (мантрами), благими речами и делами, мудрыми словами.

Я благословляю священнодействие и молитву, и силу, и живость Арта-Вахишты, пресветлейшего, самого желанного Арьямана, сотворенного Маздой, и благого Саока с очами любви, сотворенного Маздой и святыми!

молитва
СПЕНТА-АРМАЙТИ

О Заратуштра! Храни того человека, кто мне дружествен, от врага, что ненавидит меня! Не подставляй друга под удар врага, чтобы родилась досада, не желай вреда тому человеку, который принес бы мне жертву, будь он даже столь велик или даже столь мал,— если он достиг нас, Бессмертных Святых.

Вот Воху-Мана, мое творение, о Заратуштра! Вот и Арта-Вахишта, мое создание, о Заратуштра! Вот и Хшатра-Варья, мое творение, о Заратуштра, вот и Спента-Армайти, мое создание, о Заратуштра! Вот Харватат и Амэртат, что суть награда святых людей, когда они освобождены от своих тел, мои творения, о, Заратуштра!

Тебе известно, как все устроено, о Святой Заратуштра! От моего понимания и от моего знания; а именно, как мир впервые начался и как он закончится. Тысяча спасительных средств, десять тысяч спасительных средств! Тысяча спасительных средств, десять тысяч спасительных средств! Тысяча спасительных средств, десять тысяч спасительных средств!

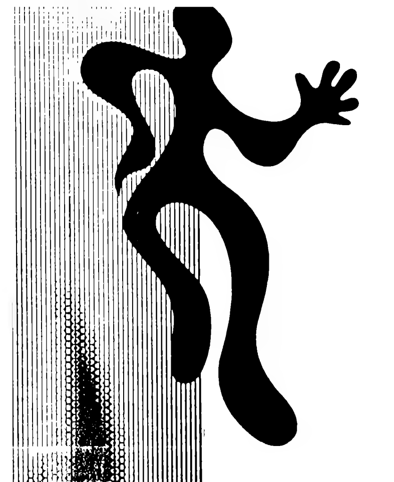
Мы почитаем прекрасную Спента-Армайти. И с помощью Спента-Армайти да разобьете вы на куски их злобу, да собьете вы их умы, да свяжете их руки! Сделайте так, чтобы их колени дрожали и стучали друг о друга, свяжите их языки. Когда, о Мазда, исполненный веры разобьет злодея? Когда праведный разобьет Ложь?

Заратуштра сказал: «Я низвергну вас обратно на землю, и взглядом очей Спента-Армайти головорез лишится силы».

Мы чтим могущественного Гаокерена, созданного Маздой; могущественного Гаокерена, сотворенного Маздой.

Мы чтим память Ахура-Мазды, чтобы хранить Святой Мир. Мы чтим понимание Ахура-Мазды, чтобы изучать Святой Мир. Мы чтим язык Ахура-Мазды, чтобы высказать Святой Мир. Мы чтим вершину горы, что дает понимание и сохраняет понимание. Мы почитаем это день и ночь, с обетами возлияний, принятыми благосклонно.

Мы чтим творение Ахура-Мазды, Спента-Армайти и все творения Арты, что самые первые в Святости. Вот я беру как господина и владыку величайшего из всех, Ахура-Мазду; чтобы поразить злодея Анхра-Манью; разбить Аэшму ранящего копья; разбить Мазанийских извергов, разбить всех дэвов и злодеев Варнья; чтобы возвеличить Ахура-Мазду, пресветлого и достославного; возвеличить Бессмертных Святых, чтобы возвеличить звезду Тиштрию, светлую и славную; чтобы умножить исполненных веры людей; чтобы умножить святые творения Благодетельного Духа.

молитва ХАРВАТАТ

Ахура-Мазда рек Спитаме Заратуштре: «Я создал верную помощь, удовольствия, удобства и наслаждения Харватат. Мы соединяем их с тем, кто пришел бы к тебе как один из Амертаспентов, как пришел бы любой из Амертаспентов, Вohу-Мана, Арта-Вахишта, Хшатра-Варья, Спента-Армайти и Амэртат.

Тот, кто против тысяч и тысяч дэвов, против их мириад и мириад, против их неисчислимых мириад, тот призовет имя Харватат, как одного из Амерта-Спентов, и поразит Насу, и поразит Харти, и поразит Барти, и поразит Саэни, и поразит Буджи.

Я провозглашаю верного человека как первого из людей. Если я провозглашу

верного мужа как первого из людей, тогда Рашнуразишта, тогда всякий из достойных почитания (язатов) мужской природы в сообществе Амертаспентов освободит верного мужа от

Насу, от Харти, от Гарти, от Саэни, от Буджи; от бесчисленных полчищ со многими поднятыми копьями, от злого мужа, который угнетает, от преднамеренного грешника, от угнетателя мужей, от колдунов-яту, от парик, от погибельного пути».

Как отклоняется путь праведников от пути злодея? Ахура-Мазда ответил: когда муж произносит мою мантру, либо читая, либо рассказывая наизусть, он проводит борозды и сам скрывается в них, говоря:

«Я разгромлю тебя, о Ложь, какова бы ты ни оказалась, какова бы ты ни была между прочими Друджами, что приходят открытым путем. Какова бы ты ни была между Друджами, что приходят потайным путем, какова бы ты ни была среди Друджей, что оскверняют прикосновением; какой бы то ни был Друдж, я отражу тебя от Арийских стран, какой бы ты ни был Друдж, я свяжу тебя, я повергну тебя вниз, о Друдж! Я заброшу тебя вниз в преисподнюю, о Друдж!»

Он проводит затем три борозды: я провозглашаю его одним из правоверных; он проводит шесть борозд: я провозглашаю его одним из правоверных; он проводит девять борозд: я провозглашаю его одним из правоверных.

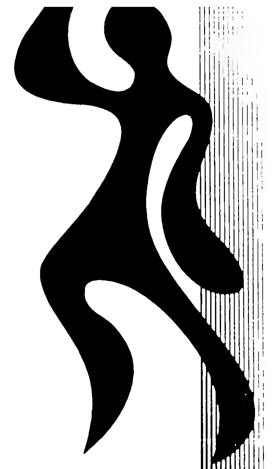
Имена Святых Бессмертных поражают людей, обращенных Друджем к Насу: семя и род глухих разбиты, исполненные презрения — мертвы, когда заотар Заратуштра, подобно ветру, сдувает их к бедствию, своей волей и желанием, столь много, сколь он пожелает.

Когда солнце садится, он поражает их ударами, оставляющими синяки; когда солнца уже нет, он наносит смертельные удары Насу своей палицей, сокрушающей ради умиротворения и прославления небесных божеств.

О, Заратуштра! Пусть это заклинание не будет показано никому, кроме как сыну отцом, или братом своему брату единоутробному, или атраваном своему черновласому ученику, приверженному доброму закону, который предан доброзаконию, свят и смел, отважен, утихомиривает всех Друджей.

Ибо это сияние и слава, Я предложу священнодействие, достойное быть услышанным, Харватат, Амерта-Спентам. Харватат, Амерта-Спентам мы совершаем по обету возлияния хаомой и молоком, приносим ветви тамариска, мудрость языка, святые заклинания, речь и деяния, идущие от сердца слова.

Я благословляю священнодействие и молитву, и силу, и живость Харватат, господина, процветания времен года и годов, господ Святости.

молитва к бессмертным святым

Ахура-Мазде, светлому и славному, и Бессмертным Святым; Воху-Мане, Миру, чье дыхание дружественно и который более могущественен, чем все остальные творения; к небесной Мудрости, сотворенной Маздой, и Мудрости, приобретаемой посредством слуха, сотворенной Маздой.

Арте-Вахиште, пресветлой; самому желанному Арьяману; орудию, изготовленному Маздой; и доброму Саоке, с глазами, полными любви, сотворенному Маздой и Святыми; Хшатра-Варье; металлам; Всепрощению и Благотворительности.

Благой Спента-Армайти и доброму Рату, с глазами, полными любви, созданному

Маздой и Святыми; Харватату, господину; процветанию времен года и годам, владыкам Святости; и Амэртат, господину; тучности стад; изобилию зерна; и могущественному Гаокерену, сотворенному Маздой.

Мы совершаем священнодействие во славу Ахура-Мазды, светлого и славного; мы совершаем священнодействие Амерта-Спентам, управляющими всем, для всех благодетельным. Мы совершаем священнодействие Воху-Мане, Амерта-Спентам; мы совершаем жертвоприношение Миру, чье дыхание дружественно и кто могущественнее, чем все прочие творения; мы совершаем священнодействие небесной Мудрости; мы совершаем священнодействие Мудрости, обретаемой посредством слуха, сотворенной Маздой.

Мы совершаем священный обряд Арта-Вахиште, пресветлой, Амерта-Спентам, мы совершаем жертвоприношение самому желанному Арьяману, мы совершаем обряд ради орудия, сотворенного Маздой; мы совершаем священный обряд благому Саоке, с глазами, исполненными любви, сотворенному Маздой и Святыми. Мы совершаем обряд Хшатра-Варье, мы совершаем священнодействие над металлами; мы приносим жертву Всепрощению и Благотворительности.

Мы совершаем священнодействие благой Спента-Армайти; мы совершаем священный обряд для доброго Рату, с исполненными любви глазами, сотворенному Маздой и Святыми. Мы совершаем жертвоприношение Харватат, Амерта-Спентам, мы совершаем священ-

нодействие для процветания времен года; мы совершаем священный обряд для годов, Святых и господ Святости. Мы совершаем священнодействие Амэртат, Амерта-Спенте; мы совершаем обряд ради тучности стад; мы совершаем обряд ради изобилия зерна; мы совершаем обряд ради могущественного Гаокерены, сотворенного Маздой.

Да будут сокрушены колдуны-яту, о, Заратуштра, как дэвы, так и мужи. Кто он, в чьем доме, о Спитама Заратуштра, всякая Друдж разрушена, всякая Друдж исчезает, когда он произносит эти слова:

Ята ахуна варья.

Это он, кто объемлет семь Амертаспентов, правящих всем, для всех благодетельных, как щит против его врагов. Мы поклоняемся Закону почитающих Ахура-Мазду.

Он отрекся от злоупотреблений и грехов, о Заратуштра, когда низверг разрушителя Воху-Маны и его слова тысячекратно тысячу раз, с бессчетными отповедями и сильными ударами, и он отвоевал Закон Мазды, которого уводили, как пленника, из рук безбожных, что уничтожены его мощью.

Я благословляю священнодействие и молителя, силу и неувядаемость Ахура-Мазды, светлого и славного, и Амерта-Спентов; Воху-Маны; Мира, чье дыхание дружественно, Арта-Вахишты пресветлой; и желанного Арьямана, Хшатра-Варьи, металлов, благой Спента-Армайти и благого Рату, Харватат, владыки, и Амэртат, владыки.

молитва к СРАОШЕ

Мы совершаем священнодействие ради святого, высокого, поражающего злодеев Сраоши, который способствует преумножению Мира, святому и повелителю Святости. Добрая молитва, возвышенная молитва мирам, о, Заратуштра!

Это он, тот, кто устраняет дружбу злодея со злодеями и злодея со злодейкой; он отводит в приступе головокружения их глаза, умы, уши, руки, ноги, уста и языки. Как добрая молитва, без обмана и без вреда, он есть мужская доблесть, и отвращает прочь Друдж.

Святой Сраоша, наилучший заступник бедных, поражающий злодеев; он — бес-

страшный побиватель Лжи. Правоверный, кто произносит большую часть слов благословения — самый непобедимый в победе; Матра Спента лучше всего изгоняет Друдж; Ята Ахуна Варья — средство поразить злодеев среди всех заклинаний; Слово Истины — воин, неизменно поражающий изверга. Закон почитателей Мазды — истинный податель всего прекрасного, что произошло от доброго первоначала; таков же и закон Заратуштры.

Кто произнесет то слово, о, Заратуштра? Мужчина или женщина с разумом, обращенным к святости, с речами, обращенными к святости, с деяниями, направленными к святости, когда пребывает в страхе от наводнения либо от темноты дождливой ночи; у брода через реку или у перепутья; на встрече вместе с правоверными или при стремительном натиске почитателей дэвов; будь то в пути или в судилище, он не испугается; ни днем ни ночью не сможет жестокий изверг, подвергающий пыткам, одолеть его, бросить на него злобный взгляд; и алчность вора, который угоняет скот, не настигнет его.

Произнеси же тогда то самое слово, о, Заратуштра! Его надо говорить, когда ты наткнулся на идолопоклонников, воров и дэвов, сбившихся в стаю. Тогда злоба почитателей дэвов, колдунов-яту и их последователей, колдуний-парик и их приверженцев будет устранена

и устремится прочь. Долой дэвов! Повержены почитатели дэвов, они отклонили пасти от укусов.

Вот почему мы берем с собой Сраошу, по природе своей святого, сокрушителя извергов, как берут с собой пастушеских собак; вот почему мы совершаем обряд жертвоприношения свято-природному Сраоше, сокрушителю извергов, с добрыми мыслями, добрыми словами и добрыми делами.

Ради его сияния и славы, ради его силы и жизненной мощи, ради его жертвоприношений, согласно обету богам,— я принесу ему жертву, достойную быть принятой. Я совершу возлияния святому Сраоше, великой Артивахви и посланнику Нарьосанге высокорослому. Да придет к нам на помощь сокрушитель извергов, святой Сраоша!

Мы чтим святого Сраошу, мы почитаем великого господа Ахура-Мазду, который превосходен в святости и первый в деяниях святости. Мы чтим все слова Заратуштры и все добрые дела, как те, что были совершены, так и те, что предстоит совершить.

Мы совершаем священнодействие святому, высокому, сокрушителю извергов, Сраоше, который способствует преумножению Мира, святому и господину Святости; он карает мужа, делающего зло, наказывает женщину, делающую зло; поражает изуверскую Друдж, самую сильную и разрушительную в мире,— Сраоше, что

поддерживает и надзирает за всем этим движущимся миром.

Кто никогда не спит, бодрствуя, оберегает творение Мазды, кто никогда не спит и, бодрствуя, поддерживает творение Мазды; кто защищает вещественный мир воздетой палицей, от часа, когда солнце садится и до рассвета;

кто не наслаждался сном с того времени, когда Два Духа сотворили Мир, а именно: Добрый Дух и Злой Дух; Кто всякий день и всякую ночь сражается с мазанийскими дэвами.

Он не согнется от страха и ужаса перед дэвами: перед ним все дэвы безвольно сгибаются от страха и ужаса и устремляются в темноту. Ради его сияния и славы, ради его силы и победоносной мощи, ради его жертвоприношений богам, я принесу ему жертву, достойную быть принятой. Я совершу возлияния святому Сраоше, великой Артивахви и посланнику Нарьосанге высокорослому. Да придет же нам на помощь сокрушитель извергов, святой Сраоша!

Мы совершаем священнодействие для святого, высокого, сокрушителя извергов Сраоши, святого и господина Святости; он с миром и дружелюбием наблюдает, как за Ложью, так и за самым благодетельным Духом,— так, что Амерта-Сспенты могут идти по всем семи каршварам Земли; он — учитель Закона: и сам был обучен Ахура-Маздой. Ради его сияния и славы, ради

его силы и победоносной мощи, ради его жертвоприношений, согласно обету богам,— я принесу ему жертву, достойную быть принятой. Я совершу возлияния святому Сраоше, великой Артивахви и посланнику Нарьосанге величественному. Да придет к нам на помощь сокрушитель извергов, святой Сраоша!

Мы совершаем священный обряд для святого, высокого станом, сокрушителя извергов, Сраоши, который способствует преумножению Мира, святого и господина Святости; блаженный Ахура-Мазда сотворил его, чтобы противостоять Аэшме, извергу ранящего копья; мы приносим жертву ради умиротворения, чье дыхание дружественно, и для противостоящих греху и преступлению.

Друзья святого Сраоши; друзья Рашнуразишты; друзья Арта-Вахишты и почитателей Ахура-Мазды; друзья Правды, что способствует приросту Мира, что способствует увеличению Мира, что побуждает Мир процветать; друзья Арти-Вахви; друзья благой Чисты, друзья самой праведной Чисты;

друзья всех Бессмертных Святых, друзья Матра-Спенты; друзья поражающего извергов Закона; друзья учения стародавнего предания; друзья Амерта-Спентов; друзья нас самих, Саошьянты, двуногая часть святого творения; друзья всех первоначал святого Мира. Ради его сияния и славы, ради его силы и победонос-

ной мощи, ради его жертвоприношений богам,— я принесу ему жертву, достойную быть принятой.

Мы совершаем священный обряд для святого, величайшего Сраоши, Сраоши, сокрушителя извергов, Сраоши, который способствует преумножению Мира, святому и господину Святости. Сраоша первый и следующий, срединный и высший, с первым жертвоприношением, со следующим, со средним и с высшим. Мы совершаем священнодействия всем сущностям святого и сильного Сраоши, ибо он есть воплощенное слово;

могучий Сраоша, мужская доблесть, воитель с сильными руками, который крушит черепа дэвов; наносит тяжелые удары и непобедим в деле разгрома врагов, святой Сраоша, что наносит мощные удары. Мы совершаем священный обряд ради сокрушительного, восходящего к обоим: святому Сраоше и Арщти.

Мы совершаем священнодействие для всех домов, защищенных Сраошей, где святой Сраоша дорог и дружественно приветствуется; где в безопасности праведный человек, богатый добрыми помыслами, богатый добрыми словами, богатый добрыми делами.

Мы совершаем священный обряд для тела святого Сраоши; тела Рашнуразишты, тела Арта-Вахишты, почитателей Мазды, тела Арштат, что способствует росту Мира, что способствует увеличению мира, что способствует процветанию мира. Мы совершаем священнодействие телу Арти-Вахви, телу благой Чисты, праведной

в выборе и постигающей Истину; телам всех богов Бессмертных Святых.

Мы совершаем обряд жертвоприношения телу Матра-Спенты; телу поражающей извергов Арты, телу стародавнего предания, телам Амерта-Спентов; телам нашим собственным, Саошьянтам, двуногой части святого творения; ради его сияния и славы, ради его силы и победоносной мощи, ради его жертвоприношений богам, я принесу ему жертву, достойную быть принятой.

Я благословляю жертву и молитву, силу и жизнестойкость святого, сильного Сраоши, который есть воплощенное Слово, обладающий мощным копьем и господствующий бог. Дай этому мужу сияние и славу, дай ему светлое всеобъемлющее счастье, благодатное убежище Святых!

молитва к Чисте

Мы совершаем священнодействие для самой праведной Чисты, сотворенной Маздой и Святыми Бессмертными; мы совершаем священнодействие для Арта-Вахишты почитателей Ахура-Мазды, дополняющего добрые повествования. Он мгновенно достигает цели и освобождает лучших людей от опасностей, совершает возлияния, свят, разумен, известен, льнет к работе и быстр в работе; стремителен и хорошо совершает очищения; Артавахишта почитателей Ахура-Мазды;

кому Заратуштра совершал священнодействия, говоря: «Поднимись с твоего сиденья, выступи из Обители Праведных,

ты — самая праведная Чиста, сотворенная Маздой и Святыми Бессмертными. Если ты передо мной — подожди меня, если ты позади — догони меня.

Пусть же все будет настолько дружественно нам, сколь это возможно: да пройдем мы легко вдоль наших путей. Найдем надежные тропинки в горах, легко преодолеем леса и счастливо переправимся через реки!»

Ради ее сияния и славы я дам по обету ей жертвоприношение, достойное быть принятым, а именно: самой праведной Чисте, сотворенной Маздой и Святыми. Я совершу жертвоприношение самой праведной Чисте, сотворенной Маздой и Святыми, с возлияниями хаомой и молоком, с пучками ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами и действиями с горячо выдохнутыми словами.

Мы совершаем священнодействие для самой праведной Чисты, сотворенной Маздой и Святыми Бессмертными; мы совершаем священнодействие для Арта-Вахишты почитателей Ахура-Мазды, дополняющего добрые повествования. Он быстро достигает цели и освобождает лучших людей от опасностей, совершает возлияния, свят, разумен, известен, льнет к работе и быстр в работе; стремительно движется и хорошо совершает очищения; Арта-Вахишта почитателей Ахура-Мазды.

Кому Заратуштра совершал священнодействие ради праведности мысли, ради праведности речи, ради праведности деяния и ради этого блага?

То была самая праведная Чиста, созданная Маздой и Святыми. Она даровала ему быстроту ног, быстроту слуха, силу в руках, здоровье во всем теле, крепость всего тела и взгляд рыбы Кары, что живет под водами и может измерить рябь на водах, не толще, чем волос, в Рангхе, чьи истоки и устья лежат далеко друг от друга и чья глубина в тысячу раз больше роста человека.

Ради ее сияния и славы, я совершу священнодействие, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие для самой праведной Чисты, сотворенной Маздой и Святыми Бессмертными: мы совершаем священнодействие для Арта-Вахишты почитателей Ахура-Мазды.

Кому Заратуштра совершал священнодействие ради праведности мысли, ради праведности речи, ради праведности деяния и ради этого блага?

То была самая праведная Чиста, созданная Маздой и Святыми. Она даровала ему быстроту ног, быстроту слуха, силу в руках, здоровье во всем теле, крепость всего тела и взгляд Коня, что, в темноте ночи, сквозь потоки дождя, снега, града или плетенье изморози, сквозь расстояние в девять областей, может заметить лошадиный волос, присыпанный землей, и знает, из гривы он или из хвоста. Ради ее сияния и славы, я совершу священнодействие, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие для самой праведной Чисты, сотворенной Маздой и Святыми Бессмерт-

ными; мы совершаем священнодействие для Арта-Вахишты почитателей Ахура-Мазды.

Кому Заратуштра совершал священнодействие ради праведности мысли, ради праведности речи, ради праведности деяния и ради этого блага?

То была самая праведная Чиста, созданная Маздой и Святыми. Она даровала ему быстроту ног, быстроту слуха, силу в руках, здоровье во всем теле, крепость всего тела и взгляд Грифа с золотым оперением шеи, того, что на расстоянии девяти областей может заметить кусок плоти, не толще кулака, дающей ровно столько света, сколько игла дает, даже кончик иглы дает. Ради ее сияния и славы, я совершу священнодействие, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие для самой праведной Чисты, сотворенной Маздой и Святыми Бессмертными; мы совершаем священнодействие для Арта-Вахишты почитателей Ахура-Мазды.

Кому святой Хвови совершал священнодействия с полным знанием, желая, чтобы святой Заратуштра даровал ей, Благой, его средство, чтобы она могла думать согласно Арте, говорить согласно Арте и поступать согласно Арте? Ради ее сияния и славы, я совершу священнодействие, достойное быть принятым.

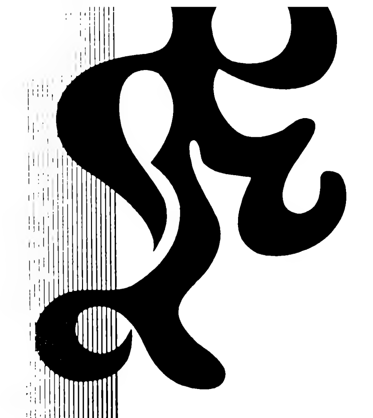
Мы совершаем священнодействие для самой праведной Чисты, сотворенной Маздой и Святыми Бессмертными; мы совершаем священнодействие для Арта-Вахишты почитателей Ахура-Мазды.

Кому атраваны, отправленные далеко, совершали священнодействия, желая доброй памяти, чтобы проповедовать Арту, и желая силы своим собственным телам? Ради ее сияния и славы, я совершу священнодействие, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие для самой праведной Чисты, сотворенной Маздой и Святыми Бессмертными; мы совершаем священнодействие для Арта-Вахишты почитателей Ахура-Мазды.

Кому царь страны, господин страны, совершает жертвоприношения, желая мира своей стране, желая силы своему собственному телу? Ради ее сияния и славы, я совершу священнодействие, достойное быть принятым.

Я благословляю священнодействие и молитву, мощь и жизненную силу самой праведной Чисты, созданной Маздой и Святыми, и Арта-Вахиштой чтящих Мазду.

молитва ХВАРХШЭТЕ

Мы совершаем священнодействие бессмертному, сияющему, быстроконному Хвархшэте. Когда свет Хвархшэты прирастает теплом, когда сияние Хвархшэты прирастает теплом, тогда встают небесные язаты сотнями и тысячами: они собирают вместе весь его Хварн (Славу), они низводят его Хварн, они проливают его Хварн на Землю, сотворенную Ахурой, для прирастания мира святости, для прироста творений святости, для увеличения роста бессмертного, сияющего, быстроконного Хвархшэты.

И когда Хвархшэта восходит, Земля, сотворенная Ахурой, становится чистой;

текущие воды становятся чистыми, воды источников становятся чистыми, воды морей становятся чистыми. И стоячие воды становятся чистыми, все святые творения, творения Доброго Духа, становятся чистыми.

Стоит только Хвархшэте не взойти, как тут же Дэвы разрушат все сущее в семи каршварах, и не найдут небесные язаты способа противостоять им или отражать их злобные деяния в телесном мире.

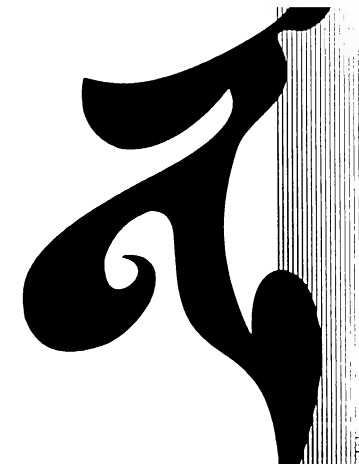
Тот, кто совершает по обету жертвоприношение бессмертному, сияющему, быстроконному Хвархшэте, чтобы противостоять темноте, противостоять дэвам, рожденным во тьме, противостоять грабителям и разбойникам, противостоять колдунам-яту и колдуньям-парикам, противостоять смерти, что крадется, невидима,— тот приносит жертву для Ахура-Мазды, тот совершает священный обряд для Амерта-Спентов, творит священнодействие ради собственной души. Тот веселит и радует небесных язатов и язатов телесного мира, кто приносит жертву бессмертному, сияющему, быстроконному Хвархшэте.

Его сиянию и его славе я совершу по обету священнодействие, которое достойно быть принятым, а именно — бессмертному, сияющему, быстроконному Хвархшэте.

Неуничтожимому, блистающему Хвархшэте, чьи кони быстры, мы совершаем возлияние хаомой и молоком, с пучками тамарисковых прутьев в руках, с мудростью

языка, со святыми заклинаниями, со словами и действиями, с возлияниями и праведными речами.

Я благословляю священный обряд и молитву, силу и жизненную энергию бессмертного, сияющего, быстроконного Хвархшэты.

молитва МАХУ

Хвала Ахура-Мазде! Хвала Бессмертным Святым! Хвала Маху, что содержит в себе семя Быка! Хвала тебе, когда мы взираем на тебя! Хвала тебе, когда ты взираешь на нас!

Как нарастает Мах? Как убывает Мах? Пятнадцать дней нарастает Мах; пятнадцать дней убывает Мах. Столько же он нарастает, сколько и убывает; сколько убывает, столько и нарастает. Кто, кроме тебя, побуждает Маха нарастать и убывать?

Мы совершаем священнодействие Маху, содержащему семя Быка, святому и властелину Святости. Вот я смотрю на Маха, вот я ощущаю Маха, вот я взираю на лунный свет, вот я ощущаю лунный свет. Святые

Бессмертные встают, поддерживая его Славу; Святые Бессмертные встают, проливая его славу на Землю, творение Ахура-Мазды.

Когда лунный свет становится теплее, золотом окрашенные растения прорастают из земли с наступлением весны. Мы совершаем священнодействия новолуниям, полнолуниям и **Вишаптатам**. Мы совершаем священнодействие в новолуние, Святой Мах и владыка Святости; мы совершаем священнодействие в полнолуние, о святой Мах и владыка Святости; мы совершаем священнодействие для Вишаптата, Святого и владыки Святости.

Я принесу жертву Месяцу, который содержит в себе семя Быка, благосклонному, славному, дающему воду, тепло, мудрость, дающему благосостояние, богатство, разум, дающему свежесть и процветание, щедрому целителю.

За его сияние и славу я совершу ему священнодействие, достойное быть принятым богами, а именно: для Маха, что содержит в себе семя Быка, мы жертвуем возлияния из хаомы и молока, пучок тамарисковых ветвей, что держит в руке заотар, мудрость языка, святые заклинания, речи, деяния и благочестивые молитвы.

Воля Господа — закон Святости. Я благословляю жертву и молитву, силу и энергию Маха, что хранит в себе семя Быка, и единосотворенного Быка, и Быка во многих видах.

молитва к тройственной ЗВЕЗДЕ ТИШТРИЯ

Ахура-Мазда сказал Заратуштре Спитаме: «Мы чтим господство и владычество Тиштрии, потому что он защищает Маха, жилище, пищу, когда славные звезды появляются и наделяют людей своими дарами. Я совершу священнодействие Тиштрии, что дает полям небесные воды».

Мы совершаем возлияния Тиштрии, яркой и славной звезде, что дает счастливую жизнь и доброе жилье; белой, сверкающей издалека, приносящей здоровье, громогласной и высокой, пронизывающей с высот своими сияющими, немеркнущими лучами. А также водам широкого моря, Артивахви, известной всюду, и породам Быка, сотво-

ренным Маздой, царскому Хварну, и Фраварти святого Спитамы Заратуштры.

Его сиянию и славе я совершу священнодействие, достойное быть принятым, а именно: для звезды Тиштрии. Тиштрии, яркой и славной звезде, мы совершаем возлияния хаомой с молоком, с пучком тамарисковых ветвей в руках, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, речениями и действиями и страстной молитвой.

Мы совершаем священнодействие в честь Тиштрии, яркой и славной звезды, которая — **семя вод**, могущественной, высокой, сильной, чей свет распространяется далеко; ярко и возвышенно воздействующей; это благодаря ей сияние и семя вод проходят от высокого Потомка Вод (Апам Напата). Ее сиянию и славе я совершу священнодействие, достойное быть принятым, а именно: для звезды Тиштрии. Тиштрии, яркой и славной звезде, мы совершаем возлияния с хаомой и молоком, с пучком тамарисковых ветвей в руках, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, речениями и действиями и праведной молитвой.

Мы совершаем священнодействие в честь Тиштрии, яркой и славной звезды, породившей длинную вереницу стад и табунов, и людей, смотрящих ввысь, обманутых в своих ожиданиях: «Когда мы увидим, как Она восходит, яркая и славная звезда Тиштрия? Когда источники потекут волнами, высотою с коня и даже еще выше? И потекут ли они?» Ее сиянию и славе я совершу

священнодействие, достойное быть принятым, а именно: для звезды Тиштрии. Тиштрии, яркой и славной звезде, мы совершаем возлияния с хаомой и молоком, с пучком тамарисковых ветвей в руках, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, речениями и действиями и праведными словами.

Мы совершаем священнодействие в честь Тиштрии, яркой и славной звезды, что летит быстро, как стрела, в сторону моря Ворукаша. Она стремительно неслась сквозь небесное пространство, которое Эрэхша, меткий стрелок, Ариец среди арийцев, чья стрела была самой быстрой, прострелил от горы Хшаота до горы Хванвант.

Ибо Ахура-Мазда оказал ему поддержку; так же поступили воды и растения; и даже дэв Митра, господин широких пастбищ, уступил ему широкую дорогу. Ее сиянию и славе я совершу священнодействие, достойное быть принятым, а именно: для звезды Тиштрии. Тиштрии, яркой и славной звезде, мы совершаем возлияния с хаомой и молоком, с пучком тамарисковых ветвей в руках, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, речениями и действиями, возлияниями и праведными молитвами.

Мы совершаем священнодействие в честь Тиштрии, яркой и славной звезды; которая поражает парик, которая раздражает парик, что в виде червеобразных звезд летают между небесами и землей и падают в море Вору-

каша, могучее море, обширных размеров, глубокое море соленых вод. Тиштрия идет к заливу в священном образе Коня; и там внизу он заставляет воды бурлить, а ветры — дуть мощно по всей округе.

Затем Сатавэса понуждает воды растекаться по семи каршварам земли, и, когда Тиштрия прибывает туда,— стоит, прекрасный, распространяя облегчение и радость на плодородные страны, думая про себя: «Как сделать страны ариев плодородными?» Его сиянию и славе я совершу священнодействие, достойное быть принятым, а именно — для звезды Тиштрии. Тиштрии, яркой и славной звезде, мы совершаем возлияния хаомой с молоком с пучком тамарисковых ветвей в руках, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, и речениями, и действиями, и праведными словами.

Мы совершаем священнодействие в честь Тиштрии, яркой и славной звезды; которая рекла Ахура-Мазде: «Ахура-Мазда, самый благодетельный Дух, Творец телесного мира, ты — единственный Свет!»

«Если бы люди стали почитать меня священнодействием, в котором меня призывали бы моим собственным именем, как они почитают других язатов священнодействиями, в которых те призываются по своим собственным именам, тогда я приходил бы к правоверным в назначенное время; Я приходил бы к правоверным в назначенное время моей прекрасной, бессмертной

жизни, будь то одна ночь, или две ночи, или пятьдесят, или сотня ночей».

Мы совершаем священнодействие для **Тиштрии**; мы совершаем священнодействия ради дождей Тиштрии. Мы совершаем священнодействие ради первой звезды. Мы совершаем священный обряд ради дождей первой звезды.

Я совершу священнодействие звездам **Хапторинга**, чтобы противостоять колдунам-яту и колдуньям-парикам.

Мы совершаем священнодействие **Вананту**, звезде, созданной Маздой, ради красиво очерченного, сильного тела, ради Победы, созданной Маздой, ради сокрушительного Восхождения, ради разрушения всего, что причиняет нам огорчение, ради уничтожения всего, что преследует нас.

Мы совершаем священный обряд для Тиштрии, чей взор награждает здоровьем.

Десять ночей, о Спитама Заратуштра, Тиштрия, яркая и славная звезда, смешивает свои очертания с солнечным светом, двигаясь в облике юноши пятнадцати лет, ясного ликом, с ярким взором глаз, высокого, полного силы, мощного и разумного.

Он деятелен, как первый муж; шествует с доблестью первого мужа; обладает храбростью первого мужа.

Вот он призывает людей на собрание, вот он спрашивает: «Кто ныне совершит мне возлияние с хаомой и святым молоком? Кому я дарую благодать детей мужского пола, воинство детей мужского пола и очищение его собственной души?

Ныне я должен получать жертвы и молитвы в телесном мире по закону Арты-Вахишты».

Следующие десять ночей, о Спитама Заратуштра, яркий и славный Тиштрия смешивает свой образ со светом, двигаясь в облике золоторогого тельца.

Вот он призывает людей на сходку, вот он вопрошает: «Кто совершит мне возлияния хаомой и святым молоком? Кого мне осчастливить стадом быков и очищением его собственной души? Ныне мне должно принимать жертвы и молитвы в телесном мире по закону Превосходной Праведности».

Десять следующих ночей, о Спитама Заратуштра, яркий и славный Тиштрия смешивает свои очертания и свет, шествуя в облике белого прекрасного коня с золотыми ушами и золотой попоной.

Вот он призывает людей на собрание, вот он вопрошает: «Кто совершит мне возлияния хаомой и святым молоком? Кого я одарю табуном коней и очищением его собственной души? Ныне мне пристало получать жертвоприношения и молитвы в телесном мире по закону Превосходной Святости».

Затем, о Спитама Заратуштра, яркий и славный Тиштрия спускается к морю Ворукаша в облике белого прекрасного коня с золотыми ушами и золотой попоной.

Но там мчится навстречу ему дэв Апаоша в облике черного коня, черного — с черными ушами, черного — с черной спиной, черного — с черным хвостом, отмеченного клеймом ужаса.

Они сходятся вместе, копыто против копыта, о Спитама Заратуштра, на три дня и три ночи. И дэв Апаоша оказывается сильнее, чем яркий и славный Тиштрия, он превосходит его.

Тогда Тиштрия убегает от моря Ворукаша более чем на длину хатры. Он восклицает в горе и отчаянии, яркий и славный Тиштрия: «Горе мне, о Ахура-Мазда, я обезумел от горя, о воды и растения, о Арти, и ты, Арта приверженцев Ахура-Мазды! Люди не почитают меня священнодействием, в котором я призывался бы по моему собственному имени, как они почитают других язатов, призывая их по собственным именам.

Если люди почтили бы меня священнодействием, где бы я призывался по собственному имени, как они почитают других язатов, призывая их по собственным именам,— я приобрел бы силу десяти коней, силу десяти верблюдов, силу десяти быков, силу десяти гор и силу десяти рек».

Тогда Я, Ахура-Мазда, велел совершать священнодействие для яркого и славного Тиштрии, в котором он призывается по собственному имени, и Я принес ему силу десяти коней, силу десяти верблюдов, силу десяти быков, силу десяти гор и силу десяти рек.

И вновь, о Спитама Заратуштра, яркий и славный Тиштрия спускается к морю Ворукаша в облике белого прекрасного коня с золотыми ушами и золотой попоной.

Но мчится навстречу ему дэв Апаоша в облике черного коня, черного — с черными ушами, черного — с черной спиной, черного — с черным хвостом, отмеченного клеймом ужаса.

Они сходятся вместе, копыто против копыта, о Спитама Заратуштра, яркий и славный Тиштрия и дэв Апаоша сражаются, о Спитама Заратуштра, до полуночи. И вот яркий и славный Тиштрия оказывается сильнее, чем дэв Апаоша, он превосходит его.

Потом Тиштрия удаляется от моря Ворукаша более чем на длину Хатры. «Славься! — восклицает яркий и славный Тиштрия.— Слава мне, о Ахура-Мазда, Слава Тебе, слава вам, о воды и растения, славься, Арта почитателей Ахура-Мазды! Слава да пребудет с вами, земли. Живительная влага вод будет течь беспрепятственно к засеянным крупным семенем зерновым полям, к засеянным малым семенем пастбищным полям и ко всему телесному миру в целом!»

Яркий и славный Тиштрия возвращается вниз к морю Ворукаша в облике белого прекрасного коня с золотыми ушами и золотой попоной.

Он заставляет море вскипать и бурлить, поднимая и опуская волны, он заставляет его струиться, он понуждает море к приливу и отливу. Все побережья моря Ворукаша бурлят через край, вся срединная часть моря кипит и вздымается.

А яркий и славный Тиштрия поднимается из моря Ворукаша, о Спитама Заратуштра, яркий и славный

Тиштрия поднимается из моря Ворукаша. Испарения восходят над горой **Ус-Хинду**, что стоит в середине моря Ворукаша.

Но вот испарения продвигаются вперед, принимая правильные очертания облаков; они следуют за ветром вдоль тех путей, что преодолевает Хаома, преумножитель телесного мира. С ним путешествует могучий Ветер, сотворенный Ахура-Маздой, который проливает дождь и влажность и дождь со снегом на избранные местности, на поля, на семь каршваров Земли.

Потомок Вод — Апам Напат,— о Спитама Заратуштра, делит воды между странами телесного мира в сообществе могучего ветра, Славы, сотворенной водами, и Душами Праведных — Фраварти. За его яркость и славу я совершу священнодействие для него, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде, которая с сияющего востока движется вдоль своего длинного извилистого пути, вдоль пути, проложенного богами, тропой, указанной ему, Тиштрии, водной тропой по воле Ахура-Мазды, по воле Бессмертных Святых. За его яркость и славу я совершу священнодействие для него, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде, чей восход наблюдается людьми, которые живут плодами года, предводителями глубокого познания — ведунами, дикими зверьми в горах, домаш-

ними животными, что пасутся в долинах. Они наблюдают, как он приходит в страну перед плохим годом или перед хорошим годом, и молча вопрошают: «Каков будет урожай в арийских странах?» За его яркость и славу я совершу священнодействие для него, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде, быстро летящей и быстро движущейся, что мчится стремительно, как стрела, в сторону моря Ворукаша. Она проносится сквозь небесное пространство, которое Эрэхша, меткий стрелок, Ариец среди арийцев, чья стрела была самой быстрой, прострелил от горы Хшаота до горы Хванвант.

Ахура-Мазда оказал ему поддержку, а Амерта-Спенты и даже Митра, господин широких пастбищ, указали ему путь: за ним ехали высокая Артивахви и Паренди в легкой колеснице: до тех пор, пока он не достиг горы Хванвант на сияющих водах. За его яркость и славу я совершу священнодействие, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде, которая поразила парик, уничтожила парик, что были брошены Анхра-Манью, чтобы остановить все звезды, содержащие семя Вод.

Тиштрия разит их, он сбивает их ударами от моря Ворукаша, затем ветер дуновением движет вперед тучи, несущие воды плодородия; благостные ливни пролива-

ются на обширные земли; они счастливо и ласково увлажняют все семь каршваров. За его яркость и славу я совершу священнодействие для него, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде, о ком томятся стоячие воды и бегущие воды источников, быстрые потоки и дождевая влага:

«Когда взойдет яркий и славный Тиштрия? Когда потекут ручьи с половодьем и в переполнении вод, толщиной в конское плечо, побегут к прекрасным землям и полям, к пастбищам и корням растений, чтобы они стали высокими и могучими? За его яркость и славу я совершу священнодействие, достойное быть принятым».

Мы совершаем священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде, которая смывает все чудовищное, побуждает всходы к росту и приносит здоровье всем творениям, будучи самой благодетельной, ибо почтена священнодействием и умилостивлена, возрадована и удовлетворена. За яркость Тиштрии и славу я совершу священнодействие, достойное быть принятым...

Я совершу священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде. Ахура-Мазда поставил его господином и надзирателем над всеми звездами, таким же образом, как он поставил Заратуштру над людьми, которому ни Анхра-Манью, ни яту и парики, ни люди-яту не в силах принести смерть, а также и дэвы не могут все вместе одолеть его и привести к гибели. За его яркость и славу я совершу священнодействие, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде. Ахура-Мазда дал ему тысячу чувств, отныне он — самый благодетельный среди звезд, которые содержат в себе начала вод.

Он тот, кто двигается в потоках света вместе со звездами, содержащими семя Вод. Он из моря Ворукаша, могущественного моря, моря огромных размеров, глубокого и соленоводного, идет ко всем озерам, ко всем прекрасным пещерам и ко всем прекрасным каналам в облике белого чудесного коня с золотыми ушами и золотой попоной.

Затем, о Спитама Заратуштра, воды стекают из моря Ворукаша, материнского озера, дружественные и целительные: он распределяет их между странами, будучи самым благодетельным, если его почитают священнодействиями и он умиротворен, возрадован и удовлетворен. За его яркость и славу я совершу священнодействие, достойное быть принятым...

Мы совершаем священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде. По нему тоскуют все творения Спента-Маньо, те, что живут под землей, и те, что живут над землей, те, что живут в водах, и те, что живут на суше, те, что летают, и те, что бегают в долинах, и все те, что обитают в безграничном и бескрайнем мире Святого Духа. За его яркость и славу я совершу священнодействие, достойное быть принятым.

Мы совершаем священнодействие Тиштрии, яркой и славной звезде; ему, здоровому, мудрому, счастливо-

му и могучему. Он — господин тысячи благ, и дарует многие блага тому человеку, что угоден ему: просит тот об этом или не просит.

Я, о Спитама Заратуштра, создал эту звезду Тиштрию как достойную жертвоприношения, достойную молитвы, достойную умиротворения, достойную прославления, как я сам, Ахура-Мазда,—

чтобы противостоять, разбивать на части, поражать, отбрасывать злобу парики Дузьярьи, которую злоречивые люди именуют Хвияйрья.

Разве не сотворил я звезду Тиштрию как достойную жертвоприношения, достойную молитвы, достойную умиротворения, достойную прославления, как я сам, Ахура-Мазда?

Сотворил затем, чтобы противостоять, разбивать на части, разить и отбрасывать злобу парики Дузьярьи, которую злоречивые люди называют Хвияйрья.

Иначе весь день напролет, всю ночь напролет парика Дузьярья вела бы войну против моего телесного мира, желая уничтожить жизнь; и она наступала бы, набрасываясь на него и кружа.

Но яркий и славный Тиштрия держит парику в узах, в двойных узах, в тройных узах, которые невозможно преодолеть, в узах по всему телу: это похоже на то, как если бы там была тысяча мужей, удерживающих одного мужа, тысяча мужей из тех, кто не знает равных в силе.

Если Арийские страны, о Спитама Заратуштра, будут совершать в честь яркой и славной звезды Тиштрии положенные священнодействия и призывания, точно такие священнодействия и призывания, какие требуется совершать в совершенстве Святости,— никогда враждебное полчище не войдет в Арийские страны; и ни чума, ни проказа, ни ядовитые растения, ни колесница врага, ни воздетое копье врага не коснутся их.

Заратуштра спросил: «Каковы же, о Ахура-Мазда, священнодействия и призывания в честь яркого и славного Тиштрии, что следует совершать в совершенстве Святости?»

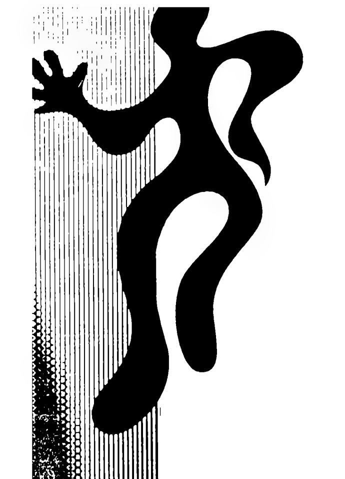
Ахура-Мазда ответил: «Пусть арийские народы приносят возлияния ему, пусть арийские народы свяжут пучки тамариска для него». (*Позднейшая вставка*: пусть арийские народы сварят для него голову коровы, белой, черной или любого другого цвета, но обязательно одной масти, т. е. не пеструю.)

Пусть ни убийца не трогает этих приношений, ни блудница, ни дэвопоклонник, что не поет гаты, а распространяет смерть в мире и противится закону Мазды, закону Заратуштры.

Если же возьмут приношения убийца, или блудница, или друджвант, что не поет гаты, а распространяет смерть в мире и противится закону Мазды, закону Заратуштры,— тогда яркий и славный Тиштрия заберет назад свои целительные блага.

Прольются на арийские народы моровые язвы, нападут вражеские полчища, арийцы будут разбиты наголову: они полягут десятками и сотнями, сотнями и тысячами, тысячами и десятками тысяч, десятками тысяч и сотнями тысяч.

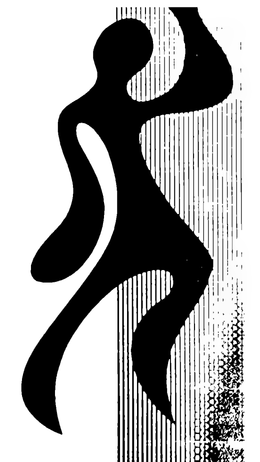
Ята ахуна варья. Я благословляю священнодействие и молитву, силу и божественную энергию Тиштрии, яркой и славной звезды, и могущественного Сатавэсу, созданного Маздой, что продвигает воды вперед.

молитва ВАНАНТУ

Мы совершаем священнодействие во славу звезды Ванант, сотворенной Маздой Ахурой, святой и властительницы Святости. Я совершу священнодействие во славу Вананта, мощного, кого призываем по имени, целительного, что противостоит проклятым и нечистым храфстрам, творениям отвратительного Анхра-Маньюю.

Я благословляю жертву и молитву, мощь и силу звезды Ванант, сотворенной Маздой.

молитва АРТИ-ВАХВИ — доброму счастью и благой УДАЧЕ

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вахви, сияющей, высокой, достойной жертвоприношений; с грохочущей колесницей, сильной, дарующей благосостояние, исцеляющей, разумной и могущественной.

Дочь Ахура-Мазды, сестра Амерта-Спентов, наделяющая всех Саошьянтов живительным разумением; она также приносит небесную мудрость по своей воле и приходит на помощь тому, кто призывает ее издалека, к тому, кто призывает ее вблизи и почитает обетами возлияний.

За ее сияние и славу я совершу по обету священнодействие для нее, достойное быть услышанным; я совершу для Арти-

Вахви доброе священнодействие с обетом возлияний. Мы сотворяем жертвоприношение для Арти-Вахви в виде возлияний хаомой и молоком, со связками ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами, действиями и чистыми молитвами.

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вахви, сияющей, высокорослой, достойной жертвоприношений, с громогласной колесницей, сильной, дарующей благосостояние, исцеляющей, с полнотой разумения и могущественной.

Окажите почтение хаоме и мантре и святому Заратуштре! Окажите почтение хаоме, потому что все другие напитки сопровождаются Аэшмой, извергом ранящего копья: лишь питье хаомы сопровождается Артой и самой Арти-Вахви.

Арти — пресветлая; Арти — излучающая радость; она далеко простирает свои лучи. Арти дает добрую славу тем мужам, за которыми она следует. Полон ароматов тот дом, куда добрая, могущественная Арти-Вахви ступит своею божественной ногой для долговременной дружбы.

Те мужи, которых ты сопровождаешь, о Арти! — цари царств. Они богаты конями, обильными податями, гремящими колесницами, сверкающими мечами, богаты запасами пищи и хранилищами еды; у них разостланы благовонные ложа и полно всяких прочих богатств, каких можно только желать. Счастлив муж, за коим

ты следуешь! Послужи и мне: ты богата всеми видами благ и сильна!

Люди, которым ты служишь, о Арти-Вахви, владеют домами, что полны хорошими припасами, богаты скотом; они первые в почитании Арты и хранимы богами. Счастлив тот человек, кому ты служишь! Послужи и мне: ты богата всеми видами благ и сильна!

Мужи, коим ты действительно служишь, о Арти-Вахви, обладают ложами, что красиво застланы, богато украшены, добротно сделаны, снабжены подушками и ножками, покрытыми золотом. Счастлив муж, которому ты служишь! Так послужи и мне: ты богата всеми видами благ и сильна!

Мужи, коим ты служишь, о Арти-Вахви, получают женщин, что сидят на их ложах в ожидании: они возлежат на подушках, украшая себя золотыми браслетами, квадратными серьгами и ожерельями из золота: «Когда придет наш господин? Когда мы насладимся телесными радостями любви?» Счастлив муж, которому ты служишь! Так послужи и мне: ты богата всеми видами благ и сильна!

Мужи, коим ты служишь, о Арти-Вахви, имеют дочерей, что сидят на высокой террасе; тонки их талии, прекрасны их тела, длинны их персты; они настолько хороши, насколько можно пожелать. Счастлив муж, которому ты служишь! Так послужи и мне: ты богата всеми видами благ и сильна!

Мужи, коим ты служишь, о Арти-Вахви,— хозяева коней, быстрых и громко ржущих: они легко влекут колесницу, ведут ее в битву, несут храброго почитателя богов, владеющего стадом коней, тяжелой колесницей, острым копьем, длинным копьем и быстрыми стрелами; он поражает цель, преследуя своих врагов и сокрушая своих недругов. Счастлив муж, которому ты служишь! Так послужи и мне: ты богата всеми видами благ и сильна!

Мужи, коим ты служишь, о Арти-Вахви, держат высокогорбых, влачащих ношу верблюдов: они срываются с места и бьются со священной яростью. Счастлив муж, которому ты служишь! Так послужи и мне: ты богата всеми видами благ и сильна!

Мужи, коим ты служишь, о Арти-Вахви, владеют горами серебра и золота, доставленных из отдаленных областей, и одеяниями, искусно изготовленными. Счастлив муж, которому ты служишь! Так послужи и мне: ты богата всеми видами благ и сильна!

Не отводи взора от меня! Обрати милосердие на меня, о великая Арти! Ты — прекрасное творение; ты от благородного семени; ты — госпожа своих желаний; ты — Слава во плоти.

Твой отец — Ахура-Мазда, величайший из всех богов, наилучший из всех богов; твоя мать — Армайти Спента; твои братья — Сраоша, бог Арта, и Рашну, высокий и сильный (и Митра, владыка широких паст-

бищ, у кого есть тысяча соглядатаев и тысяча ушей); твоя сестра — Арта чтящих Мазду.

Восхваляемая богами, не оскорбляемая праведными, великая Арти-Вахви взошла на колесницу, вопрошая: «Кто ты, призывающий меня, чей голос услаждает мое ухо более всех других, призывающих меня?»

И он громко сказал: «Я — Спитама Заратуштра, тот, кто первым из смертных пропел хвалу превосходной Арте и совершил по обету священнодействие Ахура-Мазде и Амертаспентам; при чьем рождении и росте воды и растения возликовали; при чьем рождении и росте воды и растения поднялись; при чьем рождении и росте все творения Благости воскликнули: «Приветствуем!»

При чьем рождении и росте Анхра-Манью устремился прочь от широкой, круглой Земли, чьи края удалены друг от друга. И он, вершащий зло Анхра-Манью, что и есть сама смерть, сказал: «Все божества не были способны низвергнуть меня вопреки моей воле, и только Заратуштра может настигнуть меня вопреки моей воле.

Он поражает меня мантрой «Ята Ахуна Варья», словно сильным оружием, словно камнем величиною с дом; он жжет меня мантрой Артавахишта, как если бы это была расплавленная желтая медь. Уж лучше мне — покинуть эту землю, ибо он, Спитама Заратуштра,— единственный, кто может устрашить меня».

И великая Арти-Вахви воскликнула: «Подойди ближе ко мне, чистый и святой Спитама Заратуштра! Прислонись к моей колеснице!» Спитама Заратуштра подошел ближе к ней, и он оперся о ее колесницу.

И она приласкала его левой рукой и правой рукой, коснулась правой рукой и левой, так говоря: «Ты прекрасен, о Заратуштра! У тебя совершенные очертания лица и тела, о Спитама! Сильны твои ноги и длинны твои руки. Слава дарована твоему телу и долгая веселость — твоей душе, это я с уверенностью провозглашаю тебе».

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вахви, сияющей, горней, высокой станом, достойной жертвоприношений, с грохочущей колесницей; сильной, дарующей благосостояние, исцеляющей, с полнотой разумения и могущественной.

Ей приносил жертву Хаошьянга Парадата на огороженном месте Хары, прекрасной высоте, созданной Маздой.

Он молил ее о благе, призывая: «Даруй мне это, о великая Арти-Вахви, чтобы я смог победить дэвов Мазаны; чтобы я мог никогда не бояться и никогда не склоняться от страха перед дэвами, но чтобы все дэвы стали бояться и склоняться вопреки своей воле передо мной, чтобы они устрашились и сбежали в темноту».

Великая Арти-Вахви подошла и встала на его сторону: Хаошьянга Парадата получил благо, о котором молил. За ее сияние и славу я совершу по обету свя-

щеннодействие, достойное быть принятым; я совершу для Арти-Вахви доброе священнодействие с обетом возлияний. Мы творим жертвоприношение для Арти-Вахви в виде возлияний хаомой и молоком, со связками ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами, с действиями, с праведными речами.

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вангухи, сияющей, горней, высокой станом, достойной жертвоприношений, с грохочущей колесницей, сильной, дарующей благосостояние, исцеляющей, с полнотой разумения и могущественной.

Ей приносил жертву Йима Хшаэта, добрый пастырь на вершине Хукарья.

Он молил ее о благе, говоря: «Даруй мне это благо, о великая Арти-Вангухи, чтобы я смог привнести тучность и стада в мир, сотворенный Маздой; чтобы я смог привнести бессмертие в мир, созданный Маздой.

Чтобы я смог удалить как голод, так и жажду из мира, сотворенного Маздой; чтобы я смог удалить как жаркий, так и холодный ветер из мира, созданного Маздой на тысячу лет»

Тогда Великая Арти-Вахви подошла и встала на его сторону: Йима Хшаэта, добрый пастырь, получил то, чего так желал. За ее сияние и славу я совершу по обету священнодействие, достойное быть услышанным; я совершу для Арти-Вахви доброе священнодействие с обетом возлияний.

Мы творим жертвоприношение для Арти-Вахви в виде возлияний хаомой и молоком, со связками ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами, с действиями, с праведными словами.

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вахви, сияющей, горней, высокой станом, достойной жертвоприношений, с грохочущей колесницей; сильной, дарующей благосостояние, исцеляющей, с полнотой разумения и могущественной.

Ей приносил жертву Траэтаона, наследник доблестного рода Атвья, в четырехугольной Варне.

Он молил ее о благодати, говоря: «Даруй мне это благо, о, великая Арти-Вахви, чтобы я смог победить Ажи-Дахаку, трехротого, шестиглазого, у которого тысяча чувств, самого могущественного, изуверского Друджа, дэва, пагубного для мира, сильнейшего Друджа, какого создал Анхра-Манью вопреки телесному миру, чтобы разрушать мир доброго первоначала; и чтобы я смог распределить его двух жен, Савангавак и Эренавак, обладающих самыми красивыми телами среди женщин, и самые чудесные творения в этом мире».

Тогда Великая Арти-Вахви подошла и встала на его сторону: Траэтаона, наследник доблестного рода Атвья, получил то, что желал. За ее сияние и славу я совершу по обету священнодействие, достойное быть услышанным; я совершу для Арти-Вахви доброе священнодействие с обетом возлияний. Мы творим жертвоприно-

шение для Арти-Вахви в виде возлияний хаомой и молоком, со связками ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами, с действиями и с праведными молитвами.

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вахви, сияющей, горней, высокой станом, достойной жертвоприношений, с грохочущей колесницей; сильной, дарующей благосостояние, исцеляющей, с полнотой разумения и могущественной.

Ей приносил жертву Хаома, животворящий Хаома, исцеляющий, прекрасный, властительный, с золотыми глазами на самой высокой вышине Харати Барза.

Он молил ее о благе, говоря: «Даруй мне его, о великая Арти-Вахви, чтобы я смог связать туранского убийцу, Франграсьяна, чтобы я смог принести его связанного к царю Хаосраве, чтобы царь смог бы убить его за озером Чаэчаста, глубоким озером с солеными водами, отомстив за убийство своего отца Сьяваршана, человека, и за Аграэрату, получеловека».

Тогда Великая Арти-Вахви подошла и встала на его сторону: Хаома, животворящий, исцеляющий, прекрасный, властительный, с золотыми глазами, получил желаемое благо.

За ее сияние и славу я совершу по обету священнодействие, достойное быть услышанным; я совершу для Арти-Вахви доброе священнодействие с обетом возлияний.

Мы совершаем жертвоприношение для Арти-Вахви в виде возлияний хаомой и молоком, со связками

ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами, с действиями, с возлияниями и с праведными речами.

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вахви, сияющей, горней, высокой станом, достойной жертвоприношений, с грохочущей колесницей; сильной, дарующей благосостояние, исцеляющей, с полнотой разумения и могущественной.

Ей приносил жертву доблестный Хаосрава, тот, кто объединил арийские народы в единую державу, за озером Чаэчаста, глубоким озером с солеными водами.

Он молил ее о благе, говоря: «Даруй мне его, о великая Арти-Вахви, чтобы я смог убить Туранского убийцу Франграсьяна за озером Чаэчаста, глубоким озером с солеными водами, отомстив за убийство моего отца Сьяваршана, человека, и за Аграэрату, получеловека».

Великая Арти-Вахви подошла и встала на его сторону: доблестный Хаосрава, тот, кто объединил арийские народы в единую державу, получил все, что просил.

За ее сияние и славу я совершу по обету священнодействие, достойное быть услышанным; я совершу для Арти-Вахви доброе священнодействие с обетом возлияний.

Мы творим жертвоприношение для Арти-Вахви в виде возлияний хаомой и молоком, со связками ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами, с действиями, с возлияниями и с праведными молитвами.

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вахви, сияющей, горней, высокой станом, достойной жертвоприношений, с грохочущей колесницей: сильной, дарующей благосостояние, исцеляющей, с полнотой разумения и могущественной.

Ей совершал жертвоприношение святой Заратуштра в Арьянам-Вайджа, у доброй реки Датии возлиянием хаомы и молока, с пучком тамарисковых ветвей в руке, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, с действиями, с возлияниями и с праведными речами.

Он молил ее о благе, говоря: «Даруй мне его, о великая благая Арти, чтобы я смог убедить добрую и благородную Хутосу думать в соответствии с Артой, говорить в соответствии с Артой, поступать соответственно Арте, дабы она смогла распространить мой закон, сделать его известным и даровать восхваления моим деяниям».

Великая Арти-Вахви подошла и встала на его сторону: святой Заратуштра обрел взлелеянное благо.

За ее сияние и славу я совершу по обету священнодействие, достойное быть услышанным; я совершу для Арти-Вахви доброе священнодействие с обетом возлияний.

Мы творим жертвоприношение для Арти-Вахви в виде возлияний хаомой и молоком, со связками ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами, с действиями и с праведными речами.

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вахви, сияющей, горней, высокой станом, достойной жертвоприношений, с грохочущей колесницей; сильной, дару-

ющей благосостояние, исцеляющей, с полнотой разумения и могущественной.

Ей совершал жертвоприношение рослый Кави Виштаспа за водами реки Датии.

Он молил ее о благе, говоря: «Даруй мне его, о великая Арти-Вахви, чтобы я смог обратить в бегство Астаурванта, сына Виспотаурвоасти, с бронзовым шлемом, в бронзовых латах, толстошеего, за которым следуют семьсот всадников на верблюдах; чтобы я смог обратить в бегство хвиона-убийцу, Ареджат-аспу; чтобы я смог обратить в бегство Даршинику, дэвопоклонника;

и чтобы я смог разгромить Татраванта, придерживающегося злого закона; разгромить Спинджаурукшу, почитателя дэвов; сумел привести к доброму закону народности вар(е)даков и хвионов; разгромить наголову народности хвиона, их пятидесятки, сотни, тысячи, мириады и сотни тысяч».

Великая Арти-Вахви подошла и встала на его сторону: рослый Кави Виштаспа обрел желаемое благо.

За ее сияние и славу я совершу по обету священнодействие, достойное быть услышанным; я совершу для Арти-Вахви доброе священнодействие с обетом возлияний.

Мы творим жертвоприношение для Арти-Вахви в виде возлияний хаомой и молоком, со связками ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами, с действиями и с праведными речами.

Мы совершаем священнодействие для Арти-Вахви, сияющей, горней, высокой станом, достойной жертво-

приношений, с грохочущей колесницей; сильной, дарующей благосостояние, исцеляющей, с полнотой разумения и могущественной.

И великая Арти-Вахви сказала: «Ни одно из возлияний не будет принято мною, что посылается мне либо мужем, чье семя иссохло, либо прелюбодейкой, рождающей несвоевременные истечения, юношами или девушками, что не познали супругов.

Когда туранцы и быстроконные наотары, хлопая в ладоши, гнались за мной, я спряталась под копыто быка, идущего под игом. Юноши и девушки, не познавшие мужа, обнаружили меня, как раз тогда, когда туранцы и быстроконные наотары преследовали меня, хлопая в ладоши.

И когда я спряталась под горлом барана с жизненной тысячекратной силой, вновь юнцы и девицы, не познавшие мужа, обнаружили меня, пока туранцы и быстроконные наотары, хлопая в ладоши, гонялись за мной».

Первый вопль великой Арти-Вахви — о прелюбодейке, которая уничтожает свой плод: «Не становись подле нее, да не сядешь ты на ее ложе! Что же мне делать? Пойду ли обратно на небеса? Провалюсь ли я сквозь землю?»

Второй вопль великой Арти-Вахви — это ее вопль о прелюбодейке, которая вынашивает ребенка, зачатого от чужака, и представляет его своему супругу: «Что же мне делать? Пойду ли обратно на небеса? Провалюсь ли я сквозь землю?»

Вот третий вопль великой Арти-Вахви: «Наихудшее из деяний, что совершают мужи и жестокие правители,— когда они лишают девиц, пребывающих в чистоте, возможности выйти замуж и родить детей. Что мне делать? Пойду ли обратно на небеса? Провалюсь ли я сквозь землю?»

Ахура-Мазда ответил: «О пречистая и премудрая Арти, не возвращайся в небеса и не погружайся в землю! Останься здесь и войди в прекрасный царский дворец».

Я буду почитать тебя жертвоприношением, я буду и впредь почитать тебя таким же жертвоприношением, как чтил тебя Виштаспа, за рекою Датией.

Заотар возвысил громкий голос, держа связку прутьев тамариска перед собой. Таким видом жертвоприношения мне почитать тебя? Так я буду чтить тебя, о, пречистая и премудрая Арти?

За ее сияние и славу я совершу по обету священнодействие, достойное быть услышанным; я совершу для Арти-Вахви доброе священнодействие с возлияниями.

Мы творим жертвоприношение для Арти-Вахви в виде возлияний хаомой и молоком, со связками ветвей тамариска, с мудростью языка, со святыми заклинаниями, со словами, с действиями, с праведными речами.

Я благословляю жертвоприношение и молитву; мощь и жизненную силу Арти-Вахви; и благой Чисты; и благой Эреты, и благого Расастата; Славы и Благоденствия, сотворенных Маздой.

молитва доброму СЧАСТЬЮ

Ахура-Мазда рек Заратуштре Спитаме: «Я создал Арийский Простор, богатый пищей, богатый стадами, богатый благами, богатый Славой, снабженный полной сокровищницей понимания, полной казной денег, чтобы выстоять в нужде, чтобы противостоять врагам.

Доброе Счастье уничтожит Анхра-Манью, который есть смерть; оно уничтожит Аэшму, изверга ранящего копья; оно сокрушит желтого Бушьясту; оно сокрушит заразу Аэхи; оно сокрушит изверга Смерть, сокрушит Апаошу и неарийские народы.

Я создал великую Благую Удачу; она приходит как в простую семью, так и в царский дворец.

Пусть же Удача с полнотой благосостояния следует за тем человеком, кто радует праведного своими дарами! Она войдет в его семью; она войдет в прекрасный царский дворец. Со всеми видами стад, со всякой победой, со всем благоразумием, со всею Славою; великая Благая Удача лишь поставит одну ногу в его дом.

Кони умножатся в тысячу крат, стада умножатся в тысячу крат; а также умножится доблестное потомство. Как сияющая славная звезда Тиштрия движется поступательно и равномерно, так же и сильный ветер, созданный Маздой, так же и Слава Арийцев.

И они приносят прирост на вершины всех гор и прирост в глубины всех долин; они приносят прирост всем растущим растениям, благородным, окрашенным в золотой цвет. И они же удаляют заразу Аэхи, они удаляют изверга Смерти, Апаошу.

Хвала яркой и славной звезде Тиштрии, хвала сильному ветру, сотворенному Маздой! Хвала Славе ариев!»

молитва ФРАВАРТИ

Ахура-Мазда говорил Спитаме Заратуштре так: «Провозглашай и ты, о пречистый Заратуштра, жизненную силу и могущество, хварн-славу, помощь и радость, что заключены в душах праведных Фраварти, ужасных и сверхмогущественных Фраварти; расскажи, как они приходят мне на помощь, как они помогают мне, устрашающие Фраварти праведных.

Благодаря их сиянию и славе, о Заратуштра, я поддерживаю те небеса, что наверху, сияющие, заметные издалека и охватывающие эту землю со всех сторон.

Небеса подобны дворцу, что выстроен из небесной тверди, с прочными основаниями, сияющий всеми стенами из рубина

над тремя третями земли; небеса подобны одеждам, расшитым звездами, скроенными из небесной тверди, что Мазда закрепил на них вместе с Митрой и Рашну и Спента-Армайти, и ни с какой стороны не может око увидеть конец небес.

Благодаря сиянию и славе Фраварти, о Заратуштра, я поддерживаю Ардви-Сура Анахиту, широко простертую и дающую здоровье; она ненавидит дэвов и подчиняется законам Ахуры; она единственная достойна священнодействия в телесном мире, достойна молитвы в телесном мире; святая, умножающая жизнь, стада, благосостояние, увеличивающая размеры страны.

Она делает семя всех мужчин чистым, утробу всех женщин чистой для приплода, позволяет женщинам рожать безопасно, наполняет груди женщин молоком, соблюдая меру и правильное количество.

Велика река, известная всюду, столь же велика, как взятые вместе воды, бегущие по земле; она мощно сбегает с вершины Хукарья вниз к морю Ворукаша.

Берега моря Ворукаша вскипают, середина его вскипает, когда река устремляется вниз, она, Ардви-Сура Анахита, обладающая тысячей пещер и тысячей протоков; протяженность каждой из этих пещер и каждого из этих протоков столь велика, что человек может проехать ее за 40 дней на быстром коне.

Из этой единственной реки текут все воды, что распространяются по семи каршварам, эта река единствен-

ная продолжает извергать воды, как летом, так и зимой. Она очищает семя мужчин, утробу женщин, молоко в женских грудях.

Благодаря сиянию и славе Фраварти, о Заратуштра, я поддерживаю необъятную землю, сотворенную Ахурой, обширную и просторную землю, что рождает много благ, и весь телесный мир, живой и мертвый, и высокие горы, богатые пастбищами и водами.

По земле бегут разные потоки и реки, из ее почвы произрастают всякие виды растений, чтобы кормить животных и людей, кормить арийские народы, кормить пять видов животных и помогать праведным.

Благодаря сиянию и благодати Фраварти, о Заратуштра, я поддерживаю ребенка-зародыша в утробе, чтобы он не умер от натиска Видоту; я развиваю в нем кости, волосы, внутренности, стопы и половые органы.

Если бы не устрашающие Фраварти праведных, подающие мне помощь, лучшие виды людей и животных не воссуществовали бы, сила принадлежала бы Друдж, господство принадлежало бы Друдж, телесный мир принадлежал бы Друдж.

Между землей и небом бестелесные творения преследовались бы Друдж, между небом и землей бестелесные творения были бы разбиты Друдж, и никогда после того не отступил бы Анхра-Манью под ударами Спента-Манью.

Благодаря их сиянию и благодати воды бегут и текут вперед из никогда не иссякающих источников; благо-

даря их сиянию и благодати растения выходят из земли, вскормленные никогда не иссякающими источниками; благодаря их сиянию и благодати дуют ветры, сгоняя вниз облака к никогда не иссякающим источникам.

Благодаря их сиянию и благодати женщины зачинают отпрысков, дают отпрыскам жизнь. Благодаря их сиянию и благодати женщины благословенны детьми.

Благодаря их сиянию и благодати родился муж — предводитель собрания, тот, кто хорошо внимает святым словам, кого Мазда бережет и кто возвращается победителем после диспутов с Гаотемой, раскольником. Благодаря их сиянию и благодати Хвархшэта, Мах и Звезды следуют своими путями.

В страшных битвах они — мудрейшие в помощи, Фраварти праведных. Самые могущественные среди Фраварти праведных, о Спитама,— люди первичного закона или те, что суть Спасители-Саошьянты, еще не рожденные, которые должны восстановить мир. Из прочих, Фраварти живущих праведников более могущественны, о Заратуштра, чем Фраварти тех, что уже умерли, о Спитама!

И человек, при жизни хорошо обращавшийся с Фраварти праведных, станет правителем страны с полнотой власти, самым сильным предводителем. Так же будет с любым человеком, почитающим Митру, господина широких пастбищ, и Арштат, побуждающую мир к увеличению.

Это тебе, о пречистый Спитама, я провозглашаю жизненную силу и мощь, благодать и помощь, радость, что у Фраварти, праведных, устрашающих и сверхмогущественных. И они придут мне на помощь, они окажут мне помощь, устрашающие Фраварти праведных».

Ахура-Мазда рек Спитаме Заратуштре: «Если в этом вещественном телесном мире, о Спитама Заратуштра, тебе случится пройти тяжкими путями, полными опасностей и страхов, о Заратуштра, и душа твоя ужаснется,— тогда произнеси вслух эти слова, провозгласи слова, поражающие извергов, о Заратуштра:

«Я восхваляю, призываю, обращаюсь мысленным взором и совершаю священнодействие почитания для благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных. Мы чтим Фраварти хозяев домов, господ селений, господ городов, господ стран, тех, кто из последователей Заратуштры; Фраварти тех, кто есть, кто был и кто будет, все Фраварти всех народов и самых дружественных Фраварти дружественных народов».

Они поддерживают небо, поддерживают воды, поддерживают землю, поддерживают скот, поддерживают зачатого в утробе младенца, чтобы он не умер под натиском Видоту, и развивают в нем кости, волосы, внутренности, стопы и половые органы.

Они многое влекут, движутся, навевая благоговейный ужас, являются, когда их призывают; они — те,

кого следует призывать для завоевания блага, призывать в схватках с недругами, призывать в битвах.

Они дают победу чтущему их, дают награды и трофеи тем, кто их любит, дают здоровье больному человеку, посылают благодать праведному человеку, что совершает возлияния и призывает их вместе со священнодействием и словами умиротворения.

Они переходят на ту сторону, где праведные люди, исповедующие святость, где величайшее благочестие, где праведник возрадуется и где с благочестивым мужем не станут обращаться плохо.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, могущественнейших из возниц, легчайших из тех, кто правит колесницей, самых медленных из возвращающихся, самых безопасных из всех мостов, наименее ошибающихся из всего оружия и вооружения и никогда не показывающих свои спины.

Как только они приходят, мы почитаем их, благих, превосходных, добрых, сильных, благодетельных Фраварти праведных. Их следует призывать, когда пучки веток тамариска связаны, их следует призывать в битвах с недругами, в сражениях, и там, где блистательные мужи стремятся покорить врагов».

Мазда звал их на помощь, когда закреплял небеса и воды, землю и светила; когда Спента-Манью закреплял небо, воды, землю и светила; когда Мазда поддерживал растения, плод, зачатый в утробе, так, чтобы он

не умер под натиском Видоту, и развивал в плоде кости, волосы, внутренности, стопы и половые органы.

Спента-Манью поддерживал небесную твердь, а они подпирали ее снизу, они, сильные Фраварти, что восседают в молчании, вперяя острый взор, чьи зрение и слух могущественны; несущие продолжительную радость, высокие и высоко подпоясанные, быстродвижущиеся, легкие, громогласные, обладающие богатствами и высоким воздаянием.

Мы почитаем добрых, сильных, благодетельных Фраварти праведных, чье дружелюбие — благо; кто знает, как оказывать благодеяние; чья дружба длится долго; кто любит пребывать в обители, где не причиняют вреда ее обитатели; кто благ, прекрасен издалека, дарует здоровье, высокое вознаграждение, побеждает в битве и никогда не приносит вреда первым.

Мы чтим добрых, сильных, благодетельных Фраварти праведных, чья воля губительна для тех, кто раздражает их, могущественных и благодетельных, кто в битве ломает пагубное оружие врагов, ненавидящих их.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, щедрых, доблестных, полных силы, не спутанных мыслью, дающих благосостояние, здоровье, добрых, следующих со средствами облегчения от Арти настолько далеко, насколько простирается земля, простираются реки и где восходит Солнце.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, что доблестно и храбро сражаются,

вызывая опустошения, ранящих, разбивающих на осколки всю злобу негодяя, дэва или человека и наносящих поражение в битве по своему желанию и своей воле.

Вы милостиво распределяете победу, созданную Ахура-Маздой и сокрушающим Восходящим, склоняясь к тем странам, где вы, благие, невредимые и радостные, не угнетенные и не оскорбленные, считаетесь достойными жертвоприношения и молитвы, и следуете путями своей воли.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, облеченных славой, поражающих в битве, наисильнейших, несущих щит и безвредных для тех, кто праведен; кого призывают на помощь как преследующие, так и бегущие: преследователь молит о быстроте ног, и о быстроте ног умоляет бегущий.

Они принимают ту сторону, где праведные люди, преданные святости, и где величайшее благочестие, где праведник возрадуется и не будет принят плохо.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, что образуют много полков; опоясанные оружием, вздымающие копья и полные блеска, они в страшных битвах устремляются вместе с доблестными героями и нападают на Данавов.

Там вы разрушаете победную силу **туранских данавов**, там вы сокрушаете злобу туранских данавов. Благодаря вам предводители отмечены умом и удачливы; они — доблестные герои, доблестные Саошьянты,

доблестные завоеватели отпрысков данайских вождей над мириадами воинов, бросающих камни.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, которые обращают в беспорядочное бегство два крыла войскового построения, заставляют середину построения отклониться и быстро преследуют отступающих, чтобы помочь праведным и нанести поражение творцам злых дел.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, внушающих благоговейный ужас, сверхмогущественных, поражающих в битве, болезненно ранящих, сбивающих врагов, движущихся туда и сюда, славных, светлых телом, божественных душой и святых, что дают победу тем, кто их призывает, дают блага тем, кто их любит, дают здоровье тем, кто болен.

Они дарят добрую славу тому, кто почитает их жертвоприношением, как почитал святой Заратуштра, предводитель вещественного мира, глава двуногой расы, в какую бы борьбу не приходилось ему вступать и какого бы потрясения он не страшился.

Они, когда их хорошо призывают, наслаждаются блаженством в небесах, выступают вперед с небес, они — главы неба, обладающие благообразной Силой, Победой, созданной Ахурой, сокрушительным Вознесшимся, и Благосостоянием; несущие здоровье, несущие блага, святые, обильно питающие, достойные жертвоприношения и молитвы в совершенстве святости.

Они проливают **Сатавэсу** между землей и небом, его, кому принадлежат воды, кто внемлет призывам и заставляет воды течь, а растения расцветать, питают животных и людей, питают арийские народы, питают пять видов животных и помогают праведным.

Сатавэса нисходит и стекает между землей и небом, он, кому принадлежат воды, кто внемлет призывам и заставляет проливаться воды, растения цвести, пресветлый, лучистый, исполненный света, чтобы кормить животных и людей, кормить арийские народы, питать пять видов животных и помогать праведным.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, с бронзовыми шлемами, с бронзовым оружием, с вооружением из бронзы, кто сражается в борьбе за победу в одеждах из света, выстраивая полки в битвах и выдвигая их вперед, чтобы убить тысячи дэвов. Ветер дует из-за их спин, принося их дыхание людям.

Люди знают, откуда веет дыханием победы: и они платят богобоязненным почитанием благим, сильным, благодетельным Фраварти праведных, с покорными сердцами и воздетыми руками.

Какую бы сторону ни почитали сначала в полноте веры преданного сердца, к этой стороне обратятся внушающие благоговейный страх Фраварти праведных вместе с Митрой и Рашну и мыслью-заклинанием мудрого, победоносного ветра.

Те народы разгромлены одним ударом пятидесятками и сотнями, сотнями и тысячами, тысячами и десятками тысяч, десятками тысяч и сотнями тысяч, от которых отвернулись Фраварти праведных вместе с Митрой и Рашну, мыслью-заклинанием мудрого и победоносным ветром.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, которые проходят через родовой поселок во время Хамаспатмадьема. Они проходят через него десять ночей, вопрошая:

«Кто похвалит нас? Кто принесет нам жертву? Кто обратится к нам внутренним взором? Кто благословит нас? Кто примет нас с мясом и тканью в руке и с молитвою, достойной благодати? Какое из наших имен будет взято для призываний? Кто из вас почтит душу жертвоприношением? Кому будет предложен наш дар, чтобы он всегда имел неиссякающую пищу?»

И человека, совершающего для них жертвоприношение с мясом и тканью в руке, с молитвой, достойной благодати, внушающие благоговейный ужас Фраварти праведных, удовлетворенные, невредимые и необиженные, благословляют так:

«Да будут в этом доме стада животных и много людей! Да будут тут быстрый конь и тяжелая колесница! Да будет тут человек, который знает, как восхвалять бога и править собранием верующих, кто совершит нам жертвоприношение с мясом и тканью в руке и с молитвой, достойной благодати».

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, указывающих единственные пути водам, сотворенным Маздой, что стояли долгое время в одном и том же месте без движения.

А теперь они потекли вдоль путей, проложенных Маздой, вдоль путей, сотворенных богами, водным путем, предназначенным им волей Ахура-Мазды, волей Амерта-Спентов.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, посылающих прекрасный рост плодовитым растениям, что стояли долгое время на одном и том же месте, не вырастая.

А теперь они проросли путем, сотворенным Маздой, вдоль пути, сотворенного богами, во время, указанное им волей Ахура-Мазды, волей Амерта-Спентов.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, указывающих пути звездам, луне, солнцу и бесконечному свету, что стояли долгое время на том же самом месте без движения под гнетом и под натиском дэвов.

А теперь они идут по далеко простирающемуся кругу до тех пор, пока не достигнут времени благого восстановления мира.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, надзирающих за светлым морем Ворукаша, до числа девяносто тысяч, и девять тысяч, и девять сотен, и девяносто девять.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, присматривающих за звездами Седмицы (Хапторинги), до числа девяносто тысяч, и девять тысяч, и девять сотен, и девяносто девять.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, надзирающих за телом Керсаспы, сына Самы, носителя палицы, с заплетенными в косы волосами, до числа девяносто тысяч, и девять тысяч, и девять сотен, и девяносто девять.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, надзирающих за семенем святого Заратуштры, до числа девяносто тысяч, и девять тысяч, и девять сотен, и девяносто девять.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, сражающихся по правую руку от правящего владыки. Он возрадовал благочестивых, и внушающие благоговейный ужас Фраварти праведных не были им ранены, он обрадовал их, невредимых и необиженных.

Мы почитаем благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных, которые величественнее, сильнее, быстрее, могущественнее, победоноснее, целительнее, действенней, чем может быть выражено словами, которые бегут десятками тысяч в середине Мьязды.

А когда воды выходят из моря Ворукаша, о Спитама Заратуштра, вместе с хварном, созданным Маздой, тогда вперед выступают внушающие благоговейный страх

Фраварти праведных, многие сотни, многие тысячи, многие десятки тысяч,

стремясь получить воду для собственного рода, собственного родового селения, собственного города, для собственной страны, говоря так: «Да будет наша страна богата закромами и полна радостью!»

Они сражаются в битвах, что происходят в их местности или стране, каждый там, где он проживал в прежней жизни; они выглядят как доблестные воины, которые, перепоясанные и бдительные, отстаивают сокровища, что они накопили.

И те из них, что побеждают,— приносят воду в свой собственный род, в свой родовой поселок, в свой город, в свою страну, так говоря: «Да прирастет моя страна и увеличится!»

И когда полновластный суверенный правитель страны внезапно сталкивается с врагами и ненавистниками, он призывает внушающих благоговейный ужас Фраварти праведных.

И они приходят к нему на помощь, если не были ранены им, если были обласканы им, если им не причинено ни вреда, ни оскорбления, внушающие благоговейный ужас Фраварти праведных; прилетают к нему, как птицы с широкими, могучими крыльями.

Они приходят, подобно оружию и щиту, чтобы заслонить его и держать его впереди невидимым для Друдж, для варнийского женского изверга, для злодея, склон-

ного к вреду, и для того врага, кто есть Смерть, Анхра-Манью. Это происходит, как если бы там была тысяча человек, охраняющих одного мужа.

Ни грозно разящий меч, ни тяжело опускаемая палица, ни метко брошенное копье, ни камни, пущенные рукой, не коснутся его.

Они приходят на эту сторону. Они приходят на ту сторону, никогда не отдыхая, добрые, могучие, благодетельные Фраварти праведных, прося помощи так: «Кто похвалит нас? Кто принесет нам жертву? Кто обратится к нам внутренним взором? Кто благословит нас? Кто примет нас с мясом и тканью в руке и с молитвою, достойной благодати? Какое из наших имен будет взято для призываний? Кто из вас почтит душу жертвоприношением? Кому наш дар будет направлен, чтоб у него была неиссякающая пища?»

Мы почитаем восприятие, рассудок, совесть, мы почитаем Саошьянтов, мы почитаем души, что у домашних животных и что у диких животных; души тех, что живут в водах, и тех, что обитают под почвой, тех, что летают, тех, что бегают, и тех, что пасутся, мы почитаем их Фраварти.

Мы почитаем Фраварти, мы чтим их, щедрых, доблестных, самых доблестных, мы чтим их, благодетельных, самых благодетельных, мы чтим их, могущественных, сильных, мы чтим их, легких, самых легких, мы чтим их, деятельных, самых деятельных.

Они воистину самые деятельные среди творений Двух Духов, они добры, сильны, благодетельные Фраварти праведных, что стояли стойко, когда создавали мир Добрый Дух и Злой.

Анхра-Манью, ворвавшись в творение благой святости, прошел через Воху-Ману и Атара.

Они разрушили злобу изверга Анхра-Манью, так, что воды не прекратили течь, а растения не перестали расти; но сразу же самые благодетельные воды творца и правителя Ахура-Мазды потекли вперед, а его растения стали расти.

Мы почитаем все воды, растения. Благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных. Мы почитаем воды по их именам, растения по их именам, благих, сильных, благодетельных Фраварти праведных — по их именам.

Из всех древних Фраварти мы почитаем Фраварти Ахура-Мазды, величайшего, наилучшего, пресветлейшего, самого неколебимого, мудрейшего, совершеннейшего телом и верховного в святости,

чья душа — Матра-Спента (Святая Мантра), кто — белый, сияющий, видный издалека. И мы почитаем прекрасные формы, в какие бы он ни облачал Бессмертных Святых, мы почитаем быстроконного Хвархшэту.

Мы чтим благих, сильных, благодетельных Фраварти Амерта-Спентов, ясных, чьи взгляды воплощают то, что они желают; высоких, быстро действующих, сильных, властительных, не ведающих упадка, всесвятых.

Которые все семь — единой мысли, все семь — единой речи, все семь — единого деяния; чьи мысли тождественны, речи тождественны, деяния тождественны, чей отец и повелитель — один и тот же, а именно — Творец, Ахура-Мазда.

Все семь видят душу друг друга, рождающую благие мысли, говорящую добрыми словами, думающую о добрых делах, помнящую о Гаронмане. Их пути сверкают, когда они спускаются к обряду возлияния.

Мы чтим благих, сильных, благодетельных Фраварти: самого веселящего огня, благодетельного и собирающего людей, и святого, сильного Сраоши, кто есть воплощенное Слово, мощного копьем и властительного бога; и Нарьосанги.

И Фраварти Рашны Разишты; Митры, господина широких пастбищ; Матра-Спенты; неба; вод; Земли; растений; быка; живущего человека; святого творения.

Мы почитаем Фраварти Гаямартана, кто первый внимал мыслям и учению Ахура-Мазды, из кого Ахура сформировал расу арийских народов, семя арийских народов. Мы почитаем благочестие и Фраварти святого Заратуштры.

Ибо он первым помыслил, что есть благо, первым сказал, что есть благо, первым сделал то, что благо; он был первым жрецом, первым воином, первым пахарем земли; он первым знал и первым учил; он первым обладал и первым взял во владение быка, Святость, Слово,

покорность Слову, и господство, и все благие вещи, созданные Ахура-Маздой, что суть отпрыски Доброго Первоначала.

Кто был первым жрецом, первым воином, первым пахарем земли, кто первым взял вращение колеса из рук дэва и человека с холодным сердцем, кто первым в вещественном мире провозгласил и восхвалил Арту, таким образом уничтожив дэвов, и признал себя почитателем Мазды, ненавидящим дэвов и подчиняющимся законам Ахуры.

Кто первым в вещественном мире сказал слово, разрушающее дэвов,— Закон Ахуры, кто первым в вещественном мире провозгласил слово, которое убивает дэвов,— Закон Ахуры; кто первым в вещественном мире объявил творение дэвов не заслуживающим жертвоприношения и молитвы; кто был сильным, дающим все блага жизни, первым носителем закона среди народов.

В ком была слышна Матра, слово святости, кто был господином и повелителем мира, воспевателем самой великой, самой доброй и самой пресветлой Арты, кому было откровение Закона, кто самое восхитительное из всех существ.

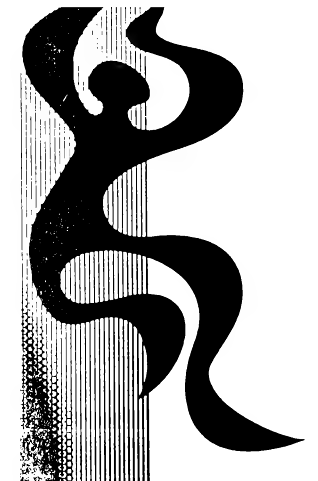
К кому стремятся Амерта-Спенты в согласии с Хвархшэтой, в полноте веры преданного сердца; они стремятся к нему, как к владыке и повелителю мира, как к восхваляющему самую великую, самую благую и самую

пресветлую Арту, как к владеющему откровением закона, к самому превосходному из всех существ,

при рождении и росте которого воды и растения воспряли, все творения благих творений воскликнули: «Слава Богу!»

«Слава Богу», ибо он рожден, **атраван — служитель Огня**, Спитама Заратуштра. Заратуштра будет совершать нам священнодействия с возлияниями и связками барсмана, и от него придет благой Закон почитателей Ахура-Мазды и распространится по всем семи каршварам Земли.

Там Митра, господин широких пастбищ, преумножит приобретения наших стран и облегчит их затруднения. Там могущественный Апам Напат преумножит все приобретения наших стран и облегчит их затруднения.

святые ПРАВЕДНИКИ, последователи ЗАРАТУШТРЫ

Мы почитаем благочестие и Фраварти Мадьомаунга, сына Арасти, кто первым внял слову и учению Заратуштры.

Мы почитаем Фраварти святых: Асмохванванта, Асанхванванта, Гаваяна; Паршатгауша, сына Фрата; Вохвасти, сына Снаойя; Исвата, сына Вараза.

Мы почитаем Фраварти святых: Саэну, сына Ахумстута, который первым появился в этой земле с сотней человек; Фрадидайю; Усманару, сына Паэшаты; Вохураочаха, Ашораочаха и Варсмораочаха, сыновей Франьи.

Мы почитаем Фраварти святых: Истатвастру, Урвататнару и Хварчитру, сыно-

вей Заратуштры; Даэвотбиса, сына Тахмы; Тримитванта, сына Спитамы; Даунгу, сына Зариты.

Мы почитаем Фраварти святого царя Виштаспы доблестного, кто был само воплощенное Слово, мощного копьем и царственного; он, погоняя Друдж впереди себя, освободил обширное пространство для святой веры, он сделал себя рукой и опорой Арты Ахура-Мазды, закона Заратуштры.

Он вырвал Арту, стоявшую связанной, из рук хвионов и водрузил ее в середине мира, правя с высот, никогда не падая вниз, святой, вскормленный множеством скота и пастбищ, благословенный многими пастбищами и стадами.

Мы почитаем Фраварти святых: Заривари, Юхтавари, Срираохшана, Кересаохшана, Ванары, Варазы, Буджисраваха, Березьярշти, Тизьярշти, Перетуарշти, Вижьярշти.

Мы почитаем Фраварти святых: Наптьи, Важаспы, Хабаспы, Вистауру, сына Наотары, Фрашхамварты, Фрашокарты, Атарвану, Атарпаты, Атардаты, Атарчитры, Атархварнаха, Атарсаваха, Атарзанту, Атардангу.

Мы почитаем Фраварти святых: Хушкьяотны, Пишкьяотны, святого и доблестного Спентадаты, Баставари, Каваразма, Фрашаоштры и Джамаспы, сыновей Хвовы, Авараоштри.

Мы почитаем Фраварти святых: Хушкьяотны и Хвадаэны, сыновей Фрашаоштры, Хангаурваунга, сына Джамаспы, Варшны, сына Хангаурваунга, Вохунемаха,

сына Авараоштри, чтобы противостоять злым сновидениям, противостоять злым видениям, противостоять злым яту и злым парикам.

Мы почитаем Фраварти святых: Матраваки, сына Симаэжи, Аэтрапати, Хамидпати, кто был способен разгромить самых злостных, неверных ашемаогов-лжеучителей, которые выкрикивают гимны и не признают ни господина, ни хозяина; отвратительных, чьи фраварти следует сокрушить, чтобы противостоять злу, совершаемому неверными.

Мы почитаем Фраварти святых: Ашасты, сына Мадьомаунга; Авартрабаха, сына Растарваганта; Буджры, сына Дазгараспы; Збаурванта и доблестного Карсны, сына Збаурванта, кто был воплощенным Словом, могуществен копьем и царственен,

в чей дом приходила благая, прекрасная, сияющая Арти-Вахви в облике девы, пречистой телом, самой сильной, стройной и высокой, статной и высоко подпоясанной, чистой, благородно рожденной от благодатного семени. Карсна, устремляясь в битву, знал, как освободить себе место собственными руками, знал, как поразить недруга собственными руками.

Мы почитаем Фраварти святых: Вираспы, Азаты и Фраяоды, сыновей Карсны; и доброго Аршьи, председателя собраний, самого энергичного из почитателей Мазды.

Мы почитаем Фраварти святых: Дараятраты; Фраятраты; Скараятраты; Аршванта; Вьяршванта; Патьярш-

ванта; Амру; Чамру; Драты; Патидраты; Пативанги; Фрашавахши; Немовангу, сына Ваэдаянги.

Мы чтим Фраварти святых: Висады; Ашавангу, сына Биванданги; Джародангу, сына Париштиры; Неремязданы, сына Атвьёзы; Березишну и Касупату, сыновей Ары; Фрии; Астватереты.

Мы почитаем Фраварти святых: Гаопивангу и доблестного Хамберетамвангвама; Стаотар-Вахиштах-Аштьеха, Поурудахшти и Хшойвраспы, сыновей Хштаваэньи.

Мы почитаем Фраварти святых: Айоасти, Вохвасти, Гаядашти, Ашаваздаха и Уруду, сыновей Поурудахшти; Хшатрочинаха, сына Хшойвраспы.

Мы почитаем Фраварти святых: Ашахуры, сына Джишти; Фраязанты; Френаха и Джаровангу, сыновей Фраязанты; Ашаваздаха и Триты, сыновей Саюждри; Вохураочаха, сына Варакасы; Арджанганта-туранца; Усинэмаха.

Мы почитаем Фраварти святых: Юхтаспы; Ашаскьяотны, сына Гаядасти; Вохунмаха и Вохуваздаха, сыновей Кату; Ашасрды, сына Ашасарьяча; Чахшни; Сьяваспи; Поурушти, сына Кави.

Мы почитаем Фраварти святых: Варсмаспы, сына Джанары; Нанарасти и Зараздати, сыновей Паэшатаха; Гаэвани, сына Вохунмаха; Арзвы и Срутаспады; Зраяха и Спентохрату; Варшни, сына Вагерезы; Фрачьи, сына Таурвати; Вахмаэдаты, сына Матраваки; Уштры, сына Саданаха.

Мы почитаем Фраварти святых: Дангусруты; Дангуфрадаха; Аспопадомахшти; Паянгромахшти; Уштазанты; Ашасаваха; Ашоурваты; Хаомохварнаха.

Мы почитаем Фраварти святых: Фравы; Уснаки; Хванванта; Даэновазаха; Арджаоны; Авихварнаха; Ху-Язаты; Хардаспы; Пазинаха; Хвахшатры; Ашопаорьи; Астватереты.

Мы почитаем Фраварти святых: Хугау; Ангую; Гаури и Юшты, сына Гаури; Маздравангу; Срираванту; Аюты; Суро-Язаты.

Мы почитаем Фраварти святых: Эредвы; Кави; Ухшана, сына великого Видисраваха, известного далеко; Вангудаты, сына Хвадаты, и Узтьи, сына Вангудаты; Фрьи.

Мы почитаем Фраварти святых, чьи имена: Ашемйенхераочау; Ашемйенхеверезы; Ашемьяхмаюшта; Йошты из дома Фрьяны; Усманары, сына Паэшатаха; Патисриры,— чтобы противостоять злу, творимому родичами.

Мы почитаем Фраварти святых: Спити и Эрезраспы, сыновей Успасну; Усадана, сына Маздаясны; Фрадатвангу, сына Стиванта; Раочас-Чаэшмана; Хварчаэшмана; Фрасрутары; Висрутары; Бармны; Висруты.

Мы почитаем Фраварти святых: Хваспы; Чатвараспы; Даврамаэши; Фраораостры, сына Каоши; Фринаспы, сына Каэвы; Фрадатнары, сына Гравarату; Вохуустры, сына Ахнанги; Виваршванта, сына Аньюо.

Мы почитаем Фраварти святых: Фрарази, сына Туры; Стипи, сына Раванта; Паршанта, сына Гандарвы; Авахьи, сына Спенты; Аэты, сына Маю; Йаэтушгау, сына Вьятаны; Гаршты, сына Кави.

Мы почитаем Фраварти святых: Поурубанги, сына Заоши; Вохудаты, сына Каты; Баунги, сына Саунги; Хварзы, сына Анкасы; Араваоштры, сына Эрезватдангу; Фрачитры, сына Березванта; Вохупересы, сына Аньо.

Мы почитаем Фраварти святых: Пародасмы, сына Даштагни; одного из мужей Миза из земли Миза; Фратиры и Баэшатастиры; и пречистого Аваргау, сына Аогиматастиры; Гаоманта, сына Завана; одного из мужей Раождья из земли Раождья; Трита, сына Аэвосардафьаэшты; одного из мужей Танья из земли Танья.

Мы почитаем Фраварти святых: Тиронакатвы из дома Успаэштасаэны; Утаюти Виткави, сына Зигри из дома Саэны; Фрохакафры, сына Мерезишмьи из дома Саэны; Варсмораочаха, сына Перетуафзма.

Мы почитаем Фраварти святых: Ашанмаха и Видатгау из этой страны; Паршатгау и Дазгарагау из страны Апахшира; Хуфравахша из дома Кахраканы; Акаяды из дома Пиды; Джамаспы-младшего; Мадьомаунги-младшего; Урвататнары-младшего.

Мы почитаем Фраварти святых: Раочасчаэшмана; Хварчаэшмана; Фрадатхварнаха; Вардатхварнаха; Воурунмаха; Воурунсаваха; Ухшьятереты; Ухшьятнемаха; Астватереты;

кто будет победоносным Саошьянтом, и чье имя будет Астватерета. Он будет Саошьянтом, благодетельным, потому что он будет благодетелем целого телесного мира; он будет Астватерета, тот, кто поднимет телесные творения, потому, что как телесное творение и как живое существо он восстанет против разрушения телесных творений, чтобы противостоять Друдж двуногого выводка, противостоять злу, причиняемому праведным.

Мы почитаем Фраварти святого Йимы, сына Вивахванты, доблестного Йимы, который обладал стадами по своему желанию,— чтобы устоять против угнетения, чинимого дэвами, против засухи, уничтожающей пастбища, и против смерти, что подкрадывается незаметно.

Мы почитаем Фраварти святого Траэтаоны из дома Атвьи,— чтобы устоять против чесотки, горячей лихорадки, уныния, холодной лихорадки, невоздержанности, устоять против зла, чинимого змеей.

Мы почитаем души святых: Аошнары, сына Поуруджиры; Узавы, сына Тумаспы; Аграэреты, получеловека; Манушчитры, сына Арьи.

Мы почитаем Фраварти святых правителей: Кави Каваты; Кави Апивангу; Кави Усадана; Аршана; Писанаха; Кави Бьяршана; Кави Сьяваршана; Кави Хаосравы.

Ради благообразной Силы, Победы, одержанной Ахурой, ради сокрушительного Восходящего, ради праведности Арты, ради невинности Арты, ради непобедимой мощи Арты, ради изничтожения врагов одним ударом,

и ради жизненной силы, здоровья, ради Хварна-благодати, сотворенной Маздой, ради здоровья тела и добротного доблестного отпрыска, мудрого, председателя в собраниях, просветленного, с чистыми очами, который освобождает их отца от мук преисподней, ради доброго разумения и ради той части благословенного мира, что выпадает мудрости и тем, кто не следует Аэшме;

ради господства, полного сияния, ради долгой-долгой жизни, ради всех благ и вознаграждений, чтобы противостоять яту и парикам, угнетателям, слепцам, глухим, противостоять злу, творимому угнетателями.

Мы почитаем Фраварти святого Керсаспы, Самы, носящего палицу, с волосами, заплетенными в косы,— чтобы противостоять смертоносной руке и полчищам с широким боевым построением, со многими копьями, прямыми копьями, поднятыми копьями, несущими копья опустошения, чтобы противостоять губительному разбойнику, что трудится для разрушения, человекурезнику, не знающему пощады, чтобы противостоять злу, творимому разбойником.

Мы почитаем Фраварти святого Ахруры, сына Хаосравы,— чтобы противостоять злоумышленнику, который обманывает своего друга, и скупцу, который причиняет разрушение миру.

Мы почитаем Фраварти святого и доблестного Хаошьянги,— чтобы противостоять мазанья-дэвам и варнья-извергам, чтобы противостоять злу, чинимому дэвами.

Мы почитаем Фраварти святого Фрадахшти, сына Сосуда, чтобы противостоять Аэшме, извергу ранящего копья, и дэвам, которые произрастают через Аэшму, чтобы противостоять злу, чинимому Аэшмой.

Мы почитаем Фраварти святых женщин: Хвови; Френи; Трити; Поручисты; Хутаосы; Хумы; Заричи; Виспатаурваши; Уштавати; Тушнамати.

Мы почитаем Фраварти святой Френи, сначала жены Усенемаха, потом сына Фраязанты, потом — сына Хшоивраспы, наконец — жены Гаядасти. Мы почитаем Фраварти святых женщин: Асабани, жены Поурудахшти; Ухшьенти, жены Стаотар-Вахиштах-Ашьеха.

Мы почитаем святых дев: Вадут; Джагруд; Франгад; Урудаянт; Паэсангану; Хварди; Хучитры; Кануки; Срутатфедри; Вангуфедри.

Мы почитаем Фраварти святой девы Эредатфедри, которая прозывается Виспатаурвари. Она действительно Виспатаурвари все уничтожающая, ибо она породит его, того, кто уничтожит злобу дэвов и людей, чтобы противостоять злу, творимому Джахи.

Мы почитаем Фраварти святых мужей и жен в странах Арьянам. Мы чтим Фраварти святых мужей и жен в странах Туранам. Мы почитаем Фраварти святых мужей и жен в странах Саримьянам.

Мы почитаем Фраварти святых мужей и жен в странах Сани; в странах Дахи; во всех странах.

Мы почитаем все добрые, благодетельные, вызывающие благоговейный ужас Фраварти праведных — от Гайомарта до победоносного Саошьянта. Да придут Фраварти праведных к нам! Да придут они нам на помощь!

Они защищают нас, когда мы в отчаянии, явным вспомоществованием с поддержкой Ахура-Мазды и святого могущественного Сраоши с Матраспентой, всезнающего, что ненавидит дэвов, друга Ахура-Мазды, которого так сильно почитал Заратуштра в телесном вещественном мире.

Да пребудут здесь, в нижнем мире, благие воды, растения и Фраварти праведных! Да будете вы радостно и приветливо принимаемы в этом доме! Здесь Атраваны стран, мыслящие о благой святости. Наши руки воздеты, чтобы молить о помощи и для принесения жертвы для вас, о самые благодетельные Фраварти!

Мы почитаем Фраварти всех святых мужей и жен, чьи души достойны священнодействия, чьи фраварти достойны призывания.

Мы почитаем Фраварти всех святых мужей и жен, наше жертвоприношение, делающее нас благими в глазах Ахура-Мазды; от всех Фраварти мы слышали, что Заратуштра — самый первый и самый лучший, как последователь Ахуры и претворивший в жизнь Арту.

Мы почитаем дух, сознание, восприятие, душу и Фраварти людей первозданного закона, первых, кто внимал учению Ахуры, святым мужам и женам, что боро-

лись за святость; мы почитаем дух, сознание, совесть, восприятие, душу и Фраварти наших сородичей, святых мужей и жен, что боролись за святость.

Мы почитаем людей первозданного закона, которые были и будут в этих домах, селениях, городах и странах.

Мы почитаем тех людей первозданного закона во всех домах, селениях, городах и странах, что владеют этими домами, селениями, городами, странами, владеют Матрой, обладают блаженством души и всеми совершенствами добра.

Мы почитаем **Заратуштру**, господина и хозяина всего вещественного мира, человека первозданного закона, мудрейшего из всех существ, лучшего правителя из всех существ, просветленнейшего из всех существ, самого славного из всех существ, самого достойного священнодействия из всех существ, самого достойного молитвы между всеми существами, самого достойного умиротворения между всеми существами, самого достойного прославления среди всех существ, которого мы называем благопредназначенным и достойным священнодействия и молитвы, столь многих, сколь только может быть для какого-либо существа в совершенстве его святости.

Мы почитаем эту Землю, мы чтим Небеса, мы почитаем добрые вещи, что стоят между землей и небом, что достойны жертвоприношения и молитвы и которые следует почитать праведным людям.

Мы почитаем души диких и домашних животных, мы почитаем души святых мужей и жен, рожденных во всякое время, чья совесть боролась, борется или будет бороться за добро.

Мы почитаем дух, совесть, восприятие, душу и Фраварти святых мужей и жен, что сражаются, будут сражаться или сражались некогда за добро и учили Арте, что боролись за святость.

Енхе хатам.

Ята Ахуна Варья.

Фраварти праведных, вызывающие благоговейный ужас и сверхмогущественные, победоносные; Фраварти людей первозданного закона Арты, Фраварти родичей далеких и близких! Да придут Фраварти удовлетворенными в этот дом, да ходят они удовлетворенные по этому дому!

Да будут они благословлять этот дом в присутствии доброй Арти-Вахви! Да покинут они дом удовлетворенными! Да унесут они отсюда гимны и почитание к Творцу, Ахура-Мазде, и Бессмертным Святым! Да не покинут они наш дом почитателей Ахура-Мазды с жалобами!

Ята Ахуна Варья. Я благословляю жертвоприношение и молитву, могущество и жизненную силу вызывающих благоговейный ужас, сверхмогущественных Фраварти праведных; Фраварти людей первозданного закона, Фраварти родичей. Ашем Воху. Дайте этому человеку просветление и славу, дайте ему светлое, вечно счастливое, блаженное пристанище Святых!

ГЛОССАРИЙ

Авеста, Апастак, Абестаг — священная книга зороастрийцев, свод разных по времени создания и записи молитв, проповедей, предписаний, преданий и трактатов.

Ажи Дахака — Змей-чужак, чужеземный правитель предков ариев, жестокий угнетатель и притеснитель, свергнутый Траэтоной и прикованный до конца времен к горе Демаванд.

Айшма, Аэшма, Эшм — дэв греховной склонности Гнева и Ярости.

Амерта-Спента — Бессмертные Святые, высшие духовные сущности, творения Ахура-Мазды.

Амэртат — Бессмертие.

Анагранем Раучама — «Бесконечный Свет».

Аношараван, Аношех-Раван — душа покойного.

Анхра-Маньювь, Ахра-Маньювь, Ахриман — Дух Зла, верховная негативная сила в телесном мире. В результате смешения Духа Зла с Духом Добра возник телесный вещественный мир. Творения Анхра-Маньювь стремятся уничтожить творения Спента-Маньювь. Их извечная борьба и есть причина развития мира.

Ардви-Сура Анахита — Светило Мощное Непорочное, богиня планеты Венера.

Арианам-Вайджа, Арьянем Вэджах, Эранвэж — Арийский Простор.

Арта-Вахишта — Наилучшее Суждение, язата-покровитель правды, правосудия и огня.

Артаван, Ашаван — праведник, обладающий правдой.

Арти-Вахви, Аши Вангухи — Доброе Счастье, Благословение, Вознаграждение, младоавестийский язата.

Арьяман — арийское божество дружбы и целительства, младоавестийский язата.

Асман — небо, один из младоавестийских язат.

Астовидато, Асто Видоту — дэв смерти.

Атар — священный огонь и его божество. Священный огонь был в каждом арийском доме, родовом селении, городе, стране. Три священных огня особо почитались в Ариане: Атар Виштаспа в Атропатакане, Атар Хварабага в Парсе и Атар Бурзин Митра в Партаве. Последний был помещен в храм самим Кави Виштаспой, по-

сле того, как он «открыл ему многие вещи, очевидно, для распространения веры».

Атраван — жрец священного огня.

Аурватаспа — правитель арийских стран, отец Кави Виштаспы.

Ахура-Мазда — Властелин Мысли, верховная божественная сущность, творец бестелесного и вещественного миров.

Бага — благодать, бог.

Бушьяста — дэв резни.

Ванант — «победитель», язата, покровитель западной звезды весеннего равноденствия (возможно, Вега или Альтаир).

Вата — язата, покровитель ветра.

Веретрагна — «убийца Вритры», эпитет дэва Индара, олицетворения силы планеты Марс.

Ворукаша — священное море «со многими заливами», располагалось в древности там, где ныне простирается Большая Соляная Пустыня в Иране. По народной традиции, этим именем именовали и другие крупные водоемы, например озеро Балхаш.

Воху-Мана, Ваху Манах, Вохумано — «Добрый Помысел, Благая Мысль».

Гаронмана, Гаротман — «дом песнопений», иносказательно — рай.

Гаты — пять священных песнопений, приписываемых самому Заратуштре, составляют главы 28—34, 43—51 и 53 Ясны. Написаны на самом архаичном из

жреческих диалектов, использованных в Авесте. Гатами именовались пять дней в конце года.

Гау — имя младоавестийского язаты, олицетворяющего крупный рогатый скот, быка или корову.

Гайомарт, Гайомартан — «смертная жизнь», мифический первый человек.

Геушурван — «душа коровы» или «дух-хранитель поселения».

Гокерена — мифическое мировое дерево.

Дайна, Дэна — религия, совесть, младоавестийский язата.

Дайва, Дэва — дэв, дух, демон.

Датия — священная река в Арийском Просторе.

Дамавант, Демаванд — знаменитая гора хребта Эльбурс в Иране.

Джамаспа — придворный кави Виштаспы из рода Хво(г)ва, первый министр, тайный советник царя, зять Заратуштры. Один из первых обращенных в веру.

Друдж, Драуга — воплощение зла и ритуальной нечистоты, дэв лжи, неправды.

Индар — дэв, первое имя Веретрагны, олицетворение силы планеты Марс.

Йима, Йима-Хшаита — «Йима блистательный», один из сыновей Вивахванта, прародитель арийцев.

Зам, Замьята — земля, язата, покровитель земли.

Заратуштра — «обладатель старого верблюда», имя-оберег сына Порушаспы.

Заутра, Заотра, Зотра — «возлияние, священнодействие».

Кави, Кавая — поэты-провидцы, младшая ветвь арийской военной аристократии. Династия правителей в арийских странах.

Кави Виштаспа — арийский царь, покровитель Заратуштры.

Кави Кавата — основатель кавийской династии.

Кави Усан — царь династии Кавиев.

Кави Хосрава, Кави Хаосрава — иначе Кави Хувахштра, греч. Киаксар, мидийский царь в 625—585 гг. до н. э. Свергнул скифское (туранское) господство и окончательно объединил арийские страны. В 614—609 гг. до н. э. совершил несколько военных походов против Ашшура, обрел независимость от ассирийского царя, завоевал часть Северного Междуречья. Около 609—608 гг. до н. э. отвоевал у туранцев маннейское царство, которое стало сатрапией Атропатакана. В 600—590 гг. до н. э. подчинил страны Парс, Урарту (Ванское царство), Варкану и Партаву (Гурган и Хорасан). В 590—585 гг. до н. э. воевал с Лидийским царством.

Карапан, Карб — маг, жрец-дэвопоклонник.

Каршвар — «отмежеванный», часть света, область населенной земли.

Каршипта — божество в облике птицы.

Керсаспа — мифический витязь.

Куруш, Кир (греч. Κυροσ, лат. Cyrus), по древнеперсидски Kurus — «относящийся к богу реки Куруш,

т. е. Куры) Великий (Старший — греч. о протєрос) — основатель Персидской монархии (556—530 гг. до н. э.).

Маг, магуш — колдун, волхв, шаман, ведун.

Магумати — господин магов, глава сословия магов.

Мазда Ахура — Мысль, Память, высшая сущность бестелесного мира.

Маздаясна — «почитание Мазды», одно из наименований веры Заратуштры.

Манушчитра — один из первых царей арийцев, внук или праправнук Арьи, предок Заратуштры.

Манью, Меног — «духовная сущность, бестелесный мир».

Матра, Мантра Спента — «святое слово, святое изречение», младоавестийский язата.

Мах, Маха — месяц, луна, язата, покровитель Луны.

Митра — язата, покровитель общественного договора и содружества сословий.

Нарьосанха, Найрьо Сангха, Нерьосанг — божественный посланец Ахура-Мазды, ангел.

Наск — один из 21 томов первоначального свода трудов Заратуштры и его последователей, хранившегося в царском дворце Персеполя и сожженного Александром.

Насу — дэв мертвой плоти, ритуальной нечистоты, гниения и разложения мертвого тела.

Паорьоткаэша, Порьоткэш — первоначальный закон, первичное учение, предтеча учения Заратуштры.

Парадата — первая династия, правившая предками арийцев, туранцев и саримов.

Парика, паирика, пери — ведьма, ведунья, колдунья; злой женский дух падающей или «косматой» звезды, нарушающей гармоничные движения небесных сфер.

Пешотану — «смертный грех» один из сыновей Кави Виштаспы, ревностный приверженец учения Заратуштры.

Порушаспа, Паоурушаспа — отец Заратуштры.

Рату — судья.

Рашну — «правда, правосудие, справедливость», младоавестийский язата.

Саошьянт, Сошьянт — спаситель мира.

Сасаниды — династия правителей Ирана 200 (226)—651 гг. н. э.

Спента — «святой, благодетельный».

Спента-Армайти — «святое смирение, покорность», покровитель Земли.

Спента-Манью — «святой дух».

Сраоша, Сроша — «внимание, слушание, послушание», младоавестийский язата.

Сиамак, Сьямак — сын Гайомарта, первый правитель предков ариев.

Тахма-Урупи — сын Хошанха.

Тира — дэв планеты Меркурий.

Тишн — дэв неутолимой жажды.

Тиштрия — тройственная звезда, пояс Ориона или Сириус, младоавестийский язата.

Тура, Туран — один из трех сыновей Траэтаоны, родоначальник туранцев (осетин, пуштунов).

Урван — душа.

Фраварти, Фраваши — дотелесные прообразы, духи-хранители, души праведников и святых.

Фрашо-Керети — «чудотворное» обновление мира после последнего суда.

Хаван — вторая стража, от восхода солнца до полудня.

Хаома, Хаума, Хома — наименование неизвестного растения, сок которого добавляли в воду или молоко для получения хмельного наркотического напитка. Сок хаомы применялся магами и кавиями для впадения в транс. Младоавестийский язата, покровитель растения хаомы.

Хара Березати — «высокий горный сток», система горных хребтов, окружавших со всех сторон озеро Ворукаша (ныне Большая Соляная Пустыня) в Иране.

Харватат, Хаурватат — «целостность и невредимость, здоровье».

Хатра — мера длины, 3/5 парасанга, около 3 км.

Хаушьянга, Хошьянха — мифический правитель, основатель династии Парадаты.

Хванирата — срединный каршвар, соответствует территории современных Ирана и Туркменистана.

Хварн, Хварнах, Хварно, Фарна, Фарн — «божья благодать, слава, харизма».

Хвархшэта, Хвар-Хшайта — «Сиятельное Солнце», младоавестийский язата.

Хукарья — мифическая мировая гора.

Хшатра-Варья — «власть желанная», царство Божье на земле и на небесах.

Чайчаста, Чэчаста — озеро Урмия в Западном Иране.

Чинват, Чинават — мост раздела, у которого души умершего подлежат суду и по какому они попадают в царство Бескрайнего Света.

Язата — «достойный почитания», обозначение популярных народных божеств, богопочитание которых было восстановлено после смерти последователей Заратуштры в V веке до н. э.

Ясна — наименование священнодействия и богопочитания, одна из книг Авесты.

Ята ахуна варья — первые слова самой могущественной молитвы Заратуштры.

Яшт — одно из 21 хвалебного песнопения в честь младоавестийских язат.

СВЕТ
из иранского
МИРА

ВВЕДЕНИЕ

Свыше двадцати пяти веков назад где-то в Средней Азии жил и проповедовал бесстрашный и упрямый пророк Спитама Заратуштра. Странные для того времени вопросы одолевали его. Хорошо ли убивать и грабить и благодарить потом богов кровавыми жертвами? Стоит ли вообще почитать таких богов? Кто из богов истинно мудр и праведен? Что считать добром и что — злом? Как выбирать между добром и злом, истиной и ложью? При этом чудаковатый пророк считал, что выбор каждый человек может и должен сделать сам, не оглядываясь ни на род, ни на племя, ни на всезнающих предков и жрецов.

Подобные вопросы и поныне волнуют мыслящих людей. Ведь ни богатство, ни власть — не в радость, коль они неправедные. А если и заглушишь в себе голос совести, то не заглушишь осуждающий голос народа.

Заратуштра проповедовал кочевникам и земледельцам. Его окружал иранский мир — беспокойный мир пастухов, недавно ставших кочевниками, мир воинственных всадников и колесничих, мир жрецов, слагавших поэмы-гимны и не знавших книг, идолов и храмов. А на его окраине, в лесах и лесостепях между Вислой, Днепром, Карпатскими горами и полесскими болотами жил народ славян. Народ мирный, трудолюбивый, скромный, даже неприметный. Слышал ли о нем пророк? Неизвестно. Но почему-то идеи Заратуштры оказались созвучны не только взглядам славянских, особенно русских мыслителей, но и тем верованиям и убеждениям, что веками складывались в массе славянства, создавались же безымянными мудрецами-волхвами.

Вот почему понять Заратуштру для русского человека (а также для украинца, болгарина и т. д.) — значит понять собственный народ. Тем более что есть основания считать: идеи иранского пророка проникали к славянам с глубокой древности вместе со многими другими культурными достижениями иранского мира.

Два с лишним тысячелетия, с самого своего возникновения в середине II тыс. до н. э., славянство граничило

с этим миром, охватывавшим тогда большую часть Великой Степи.

В степи сменяли друг друга, беспрерывно воюя, племена «срубной культуры», киммерийцы, скифы, сарматы. Еще в 1116 г. Мономах встретился на Донце с аланами-ясами. А примерно с VI в. н. э. русы начинают общаться с Ираном, тогда еще зороастрийским. Мало хорошего, казалось бы, видели славяне от своих иранских соседей: набеги, угон в рабство, завоевания, вымогание дани. Не должны ли были эти «ордынцы» и их верования вызывать у славян лишь ненависть? То ли дело оседлые соседи — германцы, кельты... (Однако же слова, заимствованные друг у друга, например славянами и германцами, связаны почти исключительно с хозяйством, торговлей, войной: «князь», «плуг», «пенязь» и т. д. Зато у иранцев славяне переняли целый пласт важнейших религиозных, моральных, юридических терминов: «бог», «вера», «благо», «зло» и др. (В том числе, как будет показано, и термины, прямо связанные с реформой Заратуштры.) Оказывается, с германцами славяне предпочитали торговать и воевать, а вот говорить о высоких материях — со степняками-иранцами.

Секрет здесь — в самой природе кочевого хозяйства, которое попросту не может существовать без регулярных связей с оседлыми соседями. А хозяйственные связи влекут за собой другие — политические, этнические, культурные, религиозные. Даже покорение зем-

ледельцев кочевниками (или наоборот) предполагает «обмен услугами»: оседлые жители обеспечивают степняков продуктами земледелия и ремесла, а те их защищают своей непобедимой конницей. В Скифии, например, существовало четкое «разделение труда»: жреческие племена (алазоны, каллипиды) обслуживали культ, воинские (скифы царские, скифы-кочевники) — правили и обороняли страну, а земледельческие (скифы-пахари, скифы-земледельцы) — обеспечивали ее хлебом. Скифы-пахари (сколоты) — не кто иные, как восточные праславяне, в то время сильно иранизированные. Само слово «сколоты» — вариант иранского «шкудата» («скифы»). А Русь-Россия своим именем обязана сарматскому племени росов, в I в. н. э. покорившему среднеднепровских славян и вскоре совершенно слившемуся с ними.

«Ex Oriente lux» («Свет с Востока») — говорили римляне, обязанные Востоку (в частности Ирану) многими достижениями культуры. Для славян тысячи лет свет шел с юга и востока — из иранского (преимущественно североиранского) мира. Кочевая среда имеет свойство распространять культурные новации, словно проводник электрический ток — быстро и далеко. Так распространился от Алтая до Дуная скифский звериный стиль. От кочевья к кочевью шли не только вещи, но и образы, сказания, идеи. И, достигнув славянских земель, находили там благодатную почву. В том числе

и идеи, выработанные Заратуштрой. Нет, славяне не были «чистыми» зороастрийцами (да и кто ими был, кроме самого пророка и его ближайших последователей?). Но элементы зороастризма они вполне могли усвоить. Именно потому, что шли эти элементы из иранского мира.

Нередко один и тот же народ принадлежит в географическом и культурном отношении к нескольким мирам (так, таджики — и иранцы, и мусульмане, и люди Востока). Северные иранцы и восточные праславяне входили в тот мир, который южные иранцы звали Тураном, а греки — Скифией. Скифы в узком смысле — племена Северного Причерноморья, объединенные Скифским царством VII—III вв. до н. э. А в широком — обитатели той огромной территории Восточной Европы, Северной и Центральной Азии, большую часть которой впоследствии объединила Россия — СССР — СНГ. Но культурное единство ее начало формироваться уже в I тыс. до н. э., выразившись, в частности, в «скифской триаде» (оружие, сбруя, звериный стиль). И хребтом этого единства были тогда степные иранцы (как позднее — русские).

Не всегда можно проследить, когда и от какого из иранских народов переняли славяне то или иное верование или миф. Но бесспорно огромное иранское влияние на многое из того, что нам сейчас представляется исконно славянским и русским. И это не унижает наших предков. Чтобы усвоить достижения чужой куль-

туры, нужно самому достичь определенного культурного уровня. Унизительно не учиться, а обезьянничать, бездумно и поверхностно перенимать чужое. Этим древние иранцы и славяне не грешили.

Следует заметить, что выявлять культурные заимствования и влияния — не так легко, как это представляется любителям искать следы египтян в Америке или критян на Кольском полуострове. Одни культурные параллели — общечеловеческие, возникающие у всех народов на определенной стадии развития. Другие связаны с общностью происхождения определенных групп народов (например, индоевропейских). И лишь то, что не объясняется одной из этих двух причин, может считаться результатом заимствования.

СЛАВЯНСКИЕ БОГИ в **иранской** одежде

Великая Богиня. В 1921 году великий русский археолог В. А. Городцов пришел на выставку русского народного искусства. И вдруг узнал на деревенских вышивках сцены, хорошо знакомые ему по скифо-боспорским и дако-сарматским памятникам. Великая Богиня — повелительница всех трех сфер мироздания, растений и животных; верховный бог неба и света, к которому она воздевает руки; ее «прибоги» — воинственные боги-всадники; цари, получающие власть от нее. Целый мир мифологических образов! Крестьянки-вышивальщицы понятия не имели о скифах и сарматах, не бывали в музеях.

Они только старательно переносили на полотно из века в век изображения, смысл которых был давно забыт. Помнили одно: добро будет тому дому, где именно это вышивают на священных полотенцах, на одежде, на простынях и покрывалах.

Позднее были найдены промежуточные звенья: антские и древнерусские украшения VI—XIII вв., Бушский рельеф I тыс. н. э., Збручский идол X в., глиняные фигурки XVI—XVII вв. из Киева. Языческие корни вышивок стали бесспорными. Но иранские ли это корни? Великая Богиня, Мать и Владычица Мира — образ общечеловеческий. Зародившись у охотников каменного века («хозяйка зверей»), он расцветает у матриархальных земледельцев нео- и энеолита и сохраняет важные позиции даже в мировых религиях (Богоматерь, Белая Тара). Славяне именовали Мать Мира Мокошью, Ладой, Живой, южные иранцы — Анахитой («пречистой»), скифы почитали ее в трех ипостасях: Апи (богини земли и воды), Табити (богини огня), Артимпасы (богини неба и любви).

Богиня с животными — образ универсальный (Кибела, Артемида и т. д.). С конями или всадниками — общеиндоевропейский (Диоскуры и Деметра, индийские Ашвины и Ушас и др.). Богиня-оранта, воздевающая руки к своему небесному супругу, известна с нео- и энеолита (Чатал-Гуюк, Триполье). А «прибоги» на вышивках иногда оказываются богинями весны

и плодородия, везущими за собой сохи и бороны. Что же тогда скифского в русских вышивках? Славянам незачем было заимствовать у кого бы то ни было величественный образ Всеобщей Матери. Но отдельные иранские черты его у них проследить можно.

Змееногая и крылатая. С одной или двумя змеями (или их хвостами) вместо ног представлялись многие хтонические (подземные) божества (греческие Ехидна, Кекропс, гиганты, индийские наги и якши, средневековые Мелюзина и Венера, китайские Фуси и Нюйва). Среди них и Змеедева — прародительница скифов (та же Апи), известная по сообщениям античных авторов и памятникам греко-скифского искусства. На них она часто имеет несколько пар змеевидных ног (иногда оканчивающихся головами рогатых львов или грифонов), крылья, из плечей ее растут змеи-драконы, руки воздеты или хотя бы разведены. Именно такое существо изображено на ритуальном («русальном») браслете XII в. из Киева: с крыльями, разведенными руками, двумя парами змей-ног, еще и с головой грифона и нимбом; между ног — голова рождающегося ребенка. Змееногая богиня присутствует также на русских вышивках и украинских писанках (пасхальных яйцах).

Древнерусские амулеты — змеевики с женской головой, окруженной змеями, восходят к византийским амулетам с Медузой-Горгоной. Но у существа на змеевиках есть сходные черты со скифской Змеедевой: но-

ги-змеи с головами львов, воздетые руки, змеи, растущие из плеч. Скифская богиня — всеобщая мать-роженица: из лона ее вырастают «ноги», превращающиеся в животных и растения. А на змеевиках встречаются изображения Богоматери (с другой стороны) или надпись «дъна» (матка).

Между прочим, киевский браслет принадлежал знатной женщине, а золотой змеевик носил Владимир Мономах. Такой вот «православной» была Русь на втором веке после крещения!

Богиня на двух конях (оленях). В глухих горах нынешнего Луристана, на юго-западе Ирана, во II—I тыс. до н. э. обосновались первые в этих местах иранцы — отважные всадники и пастухи, искусные бронзолитейщики. Среди оставленных ими «луристанских бронз» встречаются изображения богини, восседающей на «тянитолкае», состоящем из протом (передних половинок) двух коней. Этот же образ — на иранском светильнике XI—XII вв. н. э. А еще — в русской вышивке. (Не он ли вдохновил фантазию К. Чуковского?)

Очевидно, так передавался облик богини, едущей на колеснице парой коней. В Авесте (Яшт V, 11, 13, 129) четверкой коней едет Анахита. В Скифии богиня на колеснице воссоздана на рельефе из Трехбратнего кургана под Керчью и пластинке от головного убора царицы-жрицы из кургана Карагодеуашх на Кубани. А на изображении из Александропольского кургана

(Луговой Могилы) богиня вместо коней восседает на оленях. Богиня на «тянитолкае» из двух оленей (отмеченных солярными знаками) есть и на кавказской пряжке скифского или сарматского времени.

У сарматов божество на двух конях представлено на уздечных бляхах — фаларах Федуловского клада, золотой фибуле (застежке) из Зубовского кургана, костяных гребнях из Поволжья и конском налобнике из позднескифской столицы III в. до н. э.— III в. н. э., руины которой находятся на окраине Симферополя. На фаларах божество — в лучистом солнечном венце. Не совсем ясно, богиня это или бог. Однако отчетливых черт мужчины или воина изображения не имеют, да и вообще мужские божества — колесничие у северных иранцев-кочевников не известны. В степи колесницы уже в начале I тыс. до н. э. были вытеснены конницей, ведение же хозяйства в доме-кибитке и управление ею при перекочевках остались делом женщины. Богиня-колесничая и бог-всадник представлены на рельефе из Трехбратнего кургана.

Видимо, скифо-сарматы почитали общеарийскую богиню Солнца. В Ригведе солнечная богиня Сурья едет на колеснице. Иранская Анахита имеет золотую сияющую одежду и, подобно Митре (Яшт X, 125), колесницу с четырьмя белыми конями. В нартовском эпосе осетин (потомков сарматов) фигурирует дочь Солнца Ацырухс — «святой свет».

У сарматов и их соседей — боспорских, хорезмийских и кушанских царей, иранских Сасанидов — были распространены своеобразные родовые знаки — тамги, напоминающие трезубец. По мнению видных археологов С. П. Толстова и Б. А. Рыбакова, в основе этих знаков — стилизованное изображение богини на двух конях.

К славянам этот знак проникает на рубеже н. э. (могильник Велемичи II в Полесье). Он высечен на камне в святилище на поселении Оболонь III — границе славяно-сарматских (черняховских) и лесных славянских (позднезарубинецких) племен. Такие тамги нередки на антских украшениях VI—VII вв., особенно в земле росов — на берегах Роси. (Оба этнонима, «анты» и «росы» — сарматские: первый означает «окраинные», «украинцы»; второй — «светлые», «сияющие».) От них и происходит знаменитый «трезубец Рюриковичей», видимо заимствованный варяжской династией у потомков Кия. С легкой руки М. С. Грушевского в 1918 г. он стал гербом Украины (хотя украинские казаки его не помнили и не употребляли).

У восточных славян изображения божества на «тянитолкае» (не считая упомянутых тамг) впервые появляются на антских фибулах VI—VII вв. На одних из них руки богини на верхнем щитке перерастают в головы лошадей или хищных птиц. Сразу же вспоминается колесница Аполлона, запряженная грифонами, и богиня с руками, перерастающими в головы грифонов, на лу-

ристанских бронзах. И свойствен этот тип фибул как раз для Поросья — земли росов.

На других фибулах оба щитка изображают божество, окруженное животными. У фигуры на верхнем щитке руки перерастают в головы коней, хищных птиц либо козлов. Голова — человеческая или заменена парой орлиных голов. Иногда фигура отмечена солярными знаками или признаком мужского пола (хотя одета в широкую юбку). Нижний щиток — в виде женщины с человеческой, реже змеиной или коровьей головой. Ноги-змеи оканчиваются головами коней, орлов, козлов (или петухов), тянущихся к рукам богини. Растительные символы встречаются на обоих щитках. Хищные птицы обычно имеют гибкие лебединые шеи, а «козлиные» головы явно переработаны из орлиных.

Первоначально, видимо, два щитка изображали двух богинь — небесную и подземную (вернее, одну богиню в двух ипостасях). Потом первую богиню заменили богом Солнца (Даждьбогом). И не из «мужского шовинизма». Так языческие философы-волхвы представляли себе мир — дивным и прекрасным, где все живо и одухотворено, все перерастает, превращается, переходит друг в друга.

У богини на скифских памятниках, антских фибулах и русских вышивках сходна даже одежда (широкая, колоколом юбка) и головной убор (в виде прямоугольника или корзины). Вряд ли антские мастера были

знакомы со скифским искусством. Священные образы переживали века в вышивках, резьбе по дереву, обрядовых печеньях и соломенных чучелах, в народной памяти. В земле все это не сохраняется, но традиция живет, пока есть люди, для которых свято завещанное от предков.

В VIII—IX вв. стилизованные изображения божества на двух конях или птицах появляются у аланов салтовской культуры (поясные накладки и подвески) и финно-угров Среднего и Верхнего Поволжья («шумящие» подвески с привешенными бубенчиками), у последних — под влиянием антов. В X—XIV вв. «шумящие» подвески в виде двуглавых коньков, водоплавающих птиц, быков, петухов были популярны на севере Руси среди финно-угорского и отчасти славянского населения. Фигуру божества на них заменяет петля, столбик с кольцом, один или несколько солярных знаков.

У Велестино в Фессалии был найден набор бронзовых фигурок — амулетов славянского волхва VII в. Среди них — изображение солнечного бога в полукруглом шлеме. И еще одно божество в таком же шлеме, едущее вместо коней на трех драконах (переданы только головы и шеи всех четверых существ). Это заставляет вспомнить, во-первых, приведенную В. А. Городцовым вышивку, где богиню заменяет жертвенник, поддерживаемый двумя драконами; во-вторых, русское поверье о Солнце, едущем 24 июня (в день Купалы) на трех конях навстречу своему супругу-Месяцу. На миниатюре 1485 г. из Углича Солнце изображено

в виде женщины на колеснице, запряженной конями. А на вышивках богиня едет-восседает на конях, оленях, лебедях, других птицах.

Представление о колеснице и конях Солнца — общеиндоевропейское. А вот образ богини Солнца на колеснице известен, кроме индоиранцев и славян, только литовцам и скандинавам. Германцы и балты могли его перенять от иранцев-«срубников» во II тыс. до н. э. или в начале н. э. от сарматов, проникавших тогда в Польшу и даже Скандинавию (там найдены, в частности, копья с сарматскими тамгами-«трезубцами»). Балты к тому же в древности расселялись на востоке до верхней Волги, Оки и Сейма и непосредственно граничили со степняками-иранцами. А на Левобережной Украине в скифское время вместе обитали балты-будины и иранцы-гелоны.

Когда же проник к славянам данный образ? Возможно, еще от «срубников». Но скорее — от сарматов. Ведь в Скифии он встречается лишь на ее боспорской окраине, по соседству с сарматами. От сарматов же пришли к славянам и «трезубцы», а фибулы с богиней на конях характерны для области росов.

Образ же богини на двух оленях известен лишь у скифов, на Кавказе и в русской вышивке и, вероятно, заимствован славянами у скифов.

На коньках скифских домов (судя по росписи одного из склепов позднескифской столицы) и украинских хат изображалось копье между двух конских головок.

Такой же символ — на пряжке из скифо-сарматского Чернореченского могильника III—IV вв. в Крыму. Почему в знакомой нам композиции богиню заменило копье? Головной убор сакского царя из кургана Иссык, символизирующий мировую гору, украшен изображениями «тянитолкаев» — крылатых коней с рогами козлов — и стрел между ними. Богиня, гора, стрела, копье — все это символы Мировой Оси, axis mundi, соединяющей три мира: небесный, земной и подземный. В западнославянском Волине почитался столб с водруженным на нем старинным копьем.

Святая среда. Из Месопотамии к римлянам и германцам пришла система, увязывающая дни недели с определенными божествами. Среда, например, посвящена богу магии (Набу, Меркурию, Водану). Четверг — громовнику (Мардуку, Юпитеру, Тору-Донару). Пятница — богине любви и плодородия (Иштар, Венере, Фрейе). Следы этой системы есть и у славян. Так, четверг был посвящен Перуну, пятница — богине, которую в христианские времена звали Параскевой Пятницей (или просто Пятницей), а в языческие, видимо, Мокошью. Однако среду воплощает богиня — святая Середа. Подобно Пятнице, она помогает пряхам, но карает за прядение (и другие женские работы) в свой день. У таджиков ей соответствует Биби-Чор-Шамбе («госпожа среда»). Она обитает в пещере и охотно помогает людям, но требует строго исполнять посвященные ей обряды и не прясть в среду и пятницу.

Остальным индоевропейцам такая богиня неизвестна. Довольно близки к ней немецкие Перхта-Хольда и Пфингсдавайбль («женщина-четверг»), но со средой или пятницей они не связаны. Только восточные романцы (молдаване и румыны) почитают Майку Мьеркурь («мать-среду»), настолько отличную от римского Меркурия, что в ней можно усматривать плод славянского или иранского влияния. Возможно, некоторые черты своего иранского прототипа Мьеркурь сохранила лучше, чем ее славянская или таджикская «сестры». Так, она считается хозяйкой зверей и птиц и именуется «носительницей вод», «вилами земными» (на которых держится земля). Это сближает ее со скифской Апи — богиней земли и воды, изображавшейся в виде змеедевы — матери животных. К славянам «госпожа среда», видимо, попала от киммерийцев или скифов (у осетин — потомков сарматов — ее нет).

Старуха — богиня дождя. Таджики верили: гром и дождь вызывает небесная старуха ведьма Кемпир, встряхивая шаровары, сбивая масло или ударяя в бубен. Мороз же насылает живущая в пещере старуха Оджуз. А славяне считали, что дождь, град, снег, ветер, радугу вызывает Баба (ведьма, Яга). Так, «слепой» дождь идет, когда она сбивает масло. Подобно Яге, Кемпир — людоедка. У немцев снег, дождь и т. д. вызывает ведьма Хольда (Перхта, фрау Холле, булга-

ковская Гелла), обитающая под землей (в колодце) и в то же время на небе.

Вероятно, этот образ славяне и германцы переняли от иранцев-«срубников» во II тыс. до н. э. В это время, которое выдающийся иранист В. И. Абаев (осетин по национальности) называет эпохой «скифо-европейских изоглосс», германцы, балты, славяне, кельты, италики обитали по соседству с иранцами — в Центральной и Восточной Европе. Тогда северные иранцы переняли от своих европейских соседей многие элементы языка и культуры. Но до южных иранцев и индоариев, ушедших за евразийский горный пояс, эти элементы уже не добрались.

Богиня земли и воды. У славян Мать-Земля — еще и богиня влаги, Мать Сыра Земля (Мокошь), скифская Апи — тоже богиня земли и воды и всеобщая мать. Такое сочетание функций известно, кроме скифов и славян, лишь восточным романцам (Мьеркурь), но не индийцам и южным иранцам. С Мокошью сравнивают Анахиту, связанную, подобно ей, с водой, деторождением, овцеводством. Однако Анахита (Ардви — «влажная») — богиня воды, но не земли.

Богиня земли и огня. Археологи всех оседлых обитателей скифской лесостепи от Днестра до Дона называют «лесостепными скифами». В действительности в состав Скифского царства входили лишь скифы-пахари, жившие на правобережье Днепра и в долине

Ворсклы. Большую часть Левобережья занимали слившиеся в один народ будино-гелоны (иранизированные балты). Но материальная и духовная культура всех этих племен была столь сходна, что исследователи обычно рассматривают их как один этнокультурный массив.

В частности, всем лесостепным «скифам» был свойственен культ огня. Жертвы сжигали на глинобитных алтарях, а пепел ссыпали в священные холмы-зольники. Судя по найденным в зольниках глиняным женским фигуркам, так почитали богиню огня, скифскую Табити. Но культ этот был земледельческим: сжигалась только солома, в огонь бросали глиняные модели зерен. Очевидно, лесостепная Табити была также богиней земли и плодородия. Согласно русским поверьям, на Благовещение (25 марта) рожает Мать-Земля. Согласно полесским — в этот день «рожает» огонь. Видимо, и у славян богиня земли была также богиней огня. Однако ни у степных скифов, ни у других индоиранцев такое сочетание функций не отмечено. Так что здесь можно говорить о наследии скифской эпохи у славян, но не об иранском заимствовании.

Сварог и Даждьбог. «Даждьбожьими внуками» — потомками Солнца назвал русичей автор «Слова о полку Игореве». Древние индоиранцы считали первым человеком солярного героя, которого позднее индийцы звали Ямой, а иранцы — Йимой (Джамшидом). А как себе представляли свое происхождение скифы?

Любознательные греки и римляне сохранили скифский генеалогический миф в целых пяти версиях: у Геродота («скифская»-сколотская и «эллинская» версии), Валерия Флакка, Диодора Сицилийского и в греческой надписи из Италии. Скифолог Д. С. Раевский восстановил миф в следующем виде.

От брака бога неба Зевса-Папая и змеедевы Апи рождается первочеловек (Таргитай в «сколотской» версии, Геракл — в «эллинской» и в надписи, Скиф — у Диодора). Он побеждает чудовище (Гериона в «эллинской» версии, Аракса — в надписи) и вступает в брак с Апи (собственной матерью). У них рождаются три (или два) сына. Младший из них (сколотский Колаксай, Колакс у Флакка, Скиф — в «эллинской» версии и надписи) побеждает братьев в состязании, получает от отца священные предметы и становится родоначальником и первым царем скифов, но затем гибнет от руки братьев.

Б. А. Рыбаков считает, что версии сколотская и Флакка, находящие себе восточнославянские параллели, принадлежат праславянам — скифам-пахарям, а Таргитай и Колаксай — славянские Сварог и Даждьбог. То есть из-под «скифской» маски у Геродота нам подмигивают славяне, а из-под «эллинской» — скифы (степные, ираноязычные)... «Маскировал» не Отец истории, а его информаторы — соответственно скифы и греки. Мифологическое мышление очень легко «узнает» в чужих

богах и героях своих, одевает чужой миф в свои одежды и наоборот. Действительно, авхаты (одно из сколотских племен версии Г-I) упоминаются Плинием в истоках Гипаниса (Южного Буга). С другой же стороны, все имена в сколотской версии — иранские (Таргитай — «владеющий земным миром», Колаксай — «солнце-царь», авхаты — «благие» и т. д.). В этой версии фигурирует явно земледельческая святыня — золотой плуг, но ведь предки степных скифов тоже пахали землю, а каллипиды и алазоны в степном Побужье оставались оседлыми или полуоседлыми и во времена Геродота.

Но даже если сколоты (носители версии Г-I) не говорили по-славянски и жили в степи, они все равно могли быть в числе наших предков или повлиять на их мифологию. Вопрос в том, действительно ли есть иранский элемент в восточнославянской традиции, близкой к сколотскому мифу? (Это — летописная статья 1111 г. о Свароге и Даждьбоге, украинские легенды о Кузьме-Демьяне, сказка «Три царства».)

Начнем с образа Сварога (Кузьмы-Демьяна). Он — первочеловек, царь, первый пахарь и кузнец, учредитель моногамного брака, змееборец и в то же время — космическое божество: связан с небом и зодиаком (санскр. Svarga (небесный), чеш. Svor (зодиак), 12 дверей или 12 помощников в его кузнице; его клещи падают с неба), отец Огня Сварожича и Солнца-Даждьбога. В легендарной истории Ирана Хушенг (авест. Хаошьянгха) —

первочеловек, первый царь, изобретатель земледелия, скотоводства и кузнечного дела, принесший огонь людям, борец с драконами и дэвами. Таджикский Бобо-Дехкон («дед-земледелец») — первочеловек и первый пахарь, воплощение верховного бога Мухаммада-Али; подобно Кузьме-Демьяну, он проводит борозду через весь мир. А осетинский Курдалагон — небесный кузнец и создатель плуга.

Бог-кузнец — образ общеиндоевропейский (Гефест, индийский Тваштар, балтский Телявель). Он помогает громовнику-змееборцу (Зевсу, Индре, богатырю), связан с огнем и солнцем (Телявель сковал солнце, Тваштар — бога огня и золотые руки Савитара-солнца, Гефест отождествлялся с огнем и светилами). Но вот **отцом** солнца считали его лишь славяне. И, видимо, скифо-сарматы. Колаксай, сын Таргитая, обретает золотые дары (**плуг** с ярмом, секиру и чашу), упавшие с **неба** и пылающие **огнем** (словно только что откованные). Не отец ли — небесный кузнец — сковал и сбросил их сыну с неба? А Курдалагон вручает на небе первую соху солярному герою Созрыко (Сослану). Отцом Созрыко Курдалагон не считался, но именно он помог солнечному нарту родиться, добыв его из скалы, а затем сделал его тело стальным.

От осетин нартовский эпос усвоили другие народы Кавказа, в том числе адыги. У них **бог-кузнец** Тлепш, странствуя в поисках мудрости, встречает у моря богиню

леса Жиг-гуашу, полуженщину-полудерево. У них рождается **солнечный мальчик**. Богиня напоминает скифскую змеедеву (ноги ее на ряде изображений превращаются в растительные завитки). А Тлепш — странника-Геракла, находящего ее в пещере, среди леса у реки (в «эллинской» версии Г-II, безусловно степной).

Наконец, Хушенг (в «Шах-наме») — отец Джамшида (солнечного первоцаря). Очевидно, уже в общеиранской мифологии был образ первочеловека — первого царя, кузнеца и пахаря, змееборца, отца солярного героя-первоцаря. Скифо-сарматы считали его также небесным богом. Под именем Сварога (солнечного, небесного) этот персонаж был заимствован славянами, наслоившись у них на общеиндоевропейский образ бога-кузнеца. По мнению лингвистов, имя Сварога славяне переняли у скифов или древних ариев, не разделившихся еще индоиранцев. Первое вероятнее, поскольку сам персонаж — иранский, но не общеиндоиранский.

Иранские параллели имеет и представление о двух Сварожичах — Огне и Солнце. В Авесте Митра (Яшт XVII, 16 и др.) и огонь-Атар именуются сыновьями Ахура-Мазды. У манихеев Ормузд — первочеловек и сын верховного небесного бога — Отца Света (Зервана). Согласно армянскому писателю V в. Езнику, Солнце родилось от брака Ормузда с собственной матерью. От подобного же инцеста родился Колаксай-Скиф. В гуцульской легенде царь Соломон участвует в пахоте золотым плугом и едва не совершает инцеста со своей ма-

терью; а в белорусской легенде змееборца Кузьму-Демьяна заменяет кузнец Соломон с 12 учениками. Под именем библейского царя-мудреца, видимо, скрывается Сварог.

Несмотря на свою «небесность», Сварог, видимо, не отождествлялся с верховным богом неба (Родом, Белбогом, Богом, Святовитом). Русские, украинцы, поляки, болгары верили, что после смерти Бога его заменит святой Николай (Никола, Микула), покровительствующий, в частности, земледелию. Былинный же Микула Селянинович пашет золотым плугом и забрасывает его на небо. В чешском словаре XIII в. «Матер верборум» упоминается «Радигост, внук Киртов». Радигостом Сварожичем западные славяне звали Даждьбога. У словенцев и хорватов Кирт (krt) — повелитель неба и рая, а также «огонь», «свет». Намечается, таким образом, родословная: Бог (Кирт, Белбог) — Сварог (Никола, Микула, Кузьма-Демьян) — Даждьбог (Радигост). У скифов соответственно: Папай (Зевс) — Таргитай (Геракл) — Колаксай (Скиф). У осетин Курдалагон также не тождествен верховному Богу Богов (Хуцауты Хуцау).

Для христианского богослова назвать Адама богом, сыном или наследником Бога — ересь и кощунство: человек — раб и тварь Божья. Языческая мифология такой пропасти между Богом и Человеком не знала. Человек для нее — часть природы, и потому — тоже бог.

Кое в чем, однако, Сварог и Таргитай отличаются от «Геракла» степных скифских версий («эллинской»

и надписи). «Геракл» — бродячий воин и борец с чудовищами вроде греческого Геракла, сакского Рустама (предания о Рустаме и его роде принесены в Иран саками), русского Ильи Муромца. Близок он и к иранскому Траэтаоне-Феридуну — змееборцу и отцу трех сыновей. Рустам также имеет трех сыновей и побеждает дракона. Но Сварог, Таргитай, Хушенг, Бобо-Дехкон — отнюдь не «бродяги» и вообще в первую очередь культурные герои, а не воины (Кузьма-Демьян даже змея побеждает, ухватив его клещами и запрягши в плуг).

Сварог и Таргитай имеют космические черты: оба связаны с небом, Сварог — отец огня и солнца, сыновья Таргитая олицетворяют три вертикальных мира (Колаксай — «Солнце-царь», Липоксай — «Гора-царь», Арпоксай — «Глубь-царь»). И Таргитай, и «Геракл» — дети Зевса-Папая и Апи (змеедевы, дочери Борисфена). Этих же персонажей нетрудно узнать в родителях Рустама — Зале и Рудабе. Заль, седой от рождения, вырос на вершине мировой горы Альбурс и прожил целых 1200 лет. А Рудабе происходит из рода дракона Заххака и в приступе безумия пытается есть змей. У зороастрийцев первочеловек Гайомарт — сын богини Земли Спендармат (Армайти), она же — супруга Ахура-Мазды (Денкарт, III, 803—804, Яшт XIX, 15).

От Неба и Земли, верхнего и нижнего мира, родился Человек. Это ему для труда и подвигов предназначен средний, земной, материальный мир («Таргитай» — «владеющий телесным, земным миром»). А небесный,

духовный мир — для богов; человек может познать его, но не жить в нем, оставаясь живым. Таков сокровенный смысл скифского мифа.

Порой миф, полузабытый создавшим его народом, сохраняется соседями последнего. В грузинском сказании охотник забредает в пещеру к лесной богине Дали. У них рождается сын — «солнцелобый» герой Амирани. Охотник имеет еще двоих сыновей — Бадри и Усипи, отмеченных соответственно знаками солнца и луны. Иногда отец героя оказывается **кузнецом,** и при этом отождествляется с Ростомом (Рустамом), иногда же зовется Соломоном — так же, как первый кузнец в мегрельском предании. (Вспомним Соломона славянских легенд, адыгского Тлепша, осетинского Курдалагона.)

Тюркский эпос об Огуз-кагане впервые был записан уйгурами («Огуз-наме»). Три сына Огуз-кагана от небесной девы носят имена Кюн (солнце), Ай (луна) и Юлдуз (звезда), а три других (от земной женщины, встреченной на охоте) — Кек (небо), Таг (гора) и Тенгиз (море). Как знак власти он вручает сыновьям золотой лук и серебряные стрелы (а «Геракл» вручает Скифу лук, пояс и чоллу). Вероятно, этот миф унаследован тюрками от саков. Космические черты сыновей — Огуз-кагана и Амирани с его братьями напоминают сыновей Таргитая и позволяют предполагать такие же черты у детей «Геракла», Рустама, Траэтаоны.

Миф о первочеловеке, сыне Земли и Неба и отце троих сыновей, очевидно, общеиранский. Но не обще-

индоевропейский: кроме иранцев, он известен лишь германцам (сын земли Туисто, отец первочеловека Манна и дед трех братьев — родоначальников трех племен), к которым мог попасть в эпоху «скифо-европейских изоглосс». Видимо, только у скифо-саков частично слились два образа: общеиндоевропейского «бродячего» героя (Геракла-Рустама) и общеиранского первочеловека — пахаря и кузнеца (Таргитая-Хушенга).

Не случайно славянский Сварог ближе к Таргитаю-Хушенгу, чем к «Гераклу»-Рустаму. Первый герой — оседлый земледелец и ремесленник — ближе земледельцам. Второй — бродячий воин, охотник и угонщик скота,— кочевникам. Видимо, образ Сварога славяне переняли не у кочевых иранцев, а у оседлых или полуоседлых — «срубников» либо алазонов и каллипидов.

Не случайны и различия в составе священных даров, данных скифам: плуг с ярмом, секира и чаша (Г-I); лук, пояс и чаша (Г-II); плуг, стрела, копье и чаша (Курций Руф, VII, 8, 17). В последнем случае речь идет о среднеазиатских скифах (саках), с которыми столкнулся Александр Македонский на средней Сыр-Дарье. Среди них могли быть не только кочевники, но и оседлые саки Ташкентского оазиса. А Ферекид Лерийский (V в. до н. э.) среди «даров» скифов Дарию упоминает плуг, означавший, что персы не удержатся в Скифии, поскольку не владеют землей. В войне с Дарием участвовали и оседлые скифы (пахари, алазоны, кал-

липиды). Священный плуг, как видим, появляется там, где иранцы сохранили оседлость.

У осетин первый плуг сковал на небе Курдалагон. У таджиков — его принес Бобо-Дехкону из рая архангел Джабраил. Украинцы называли Орион Плугом и носили на святки плуг, а русские в это время «кликали Плугу» (небесный Орион как раз тогда принимает вертикальное положение, как бы «падает»). Мотив же золотого плуга известен, кроме восточных славян, латышам, немцам, французам, а также карельской «Калевале». У грузин и осетин есть легенда об упавшем с неба первом плуге, который подобрал, конечно же, грузин и научил земледелию все остальные народы.

Миф о золотом небесном плуге, таким образом, прослеживается только у среднеевропейских народов, северных иранцев (оседлых) и грузин. Скорее всего, он и сложился в Средней Европе. Оттуда же происходит почти вся земледельческая терминология осетин. Их предки, сармато-аланы, начали оседать на землю лишь с первых веков н. э., в Лесостепи (черняховская культура), Крыму, на Нижнем Днепре и Северном Кавказе. Очевидно, тогда они и стали перенимать земледельческие термины и мифы. В частности, и от славян. В имени Курдалагона В. И. Абаев находит славянское «корчий» (кузнец). Грузины же могли усвоить данный миф от аланов либо от выходцев из Лесостепи, в VII—VI вв. до н. э. ходивших вместе с киммерийцами и скифами на Ближ-

ний Восток, о чем говорят дорогие ближневосточные изделия в лесостепных курганах.

Возможно все же, что миф о золотом плуге иранцы переняли еще в общеиранскую эпоху. В Авесте Йима расширяет землю ударами данных Ахура-Маздой золотой плети и золотого стрекала (Видевдат, II, 10—11). Не заменили ли эти скотоводческие символы золотой плуг?

Перейдем теперь к Колаксаю (Даждьбогу) и его братьям. В восточнославянской сказке «Три царства» младший из трех братьев, родившийся, подобно солнцу, на заре и носящий солярное имя (Световик, Зоревик и др.), обретает в подземном мире (или на высокой горе) три яйца-царства (медное, серебряное и золотое) вместе с их царевнами и женится на царевне золотого царства. Змея, стерегущего царевен, герой побеждает благодаря «живой», или «сильной», воде.

В основе сказки — индоевропейский миф: герой (Траэтаона, индоиранский Трита и др.), третий из трех братьев, побеждает змея и овладевает волшебным напитком. Однако в скифском мифе (и в сказке) и змей и напиток отошли на задний план или вовсе исчезли. Герой теперь добывает иное — царскую власть, воплощенную в золотых дарах и солнечной богине-царевне. Это уже не общеиндоевропейская, а иранская черта (о чем еще будет сказано подробнее).

Присутствует в сказке и Таргитай, даже под собственным именем. Это помощник героя — старый бога-

тырь Тарх Тарахович, живущий на Сиянской горе (т. е. на Сионе — мировой горе средневековой космографии) и одновременно в подземном мире. Иногда этот богатырь имеет черты культурного героя: одомашнивает дикий хлеб и скотину. Чтобы овладеть солнечным золотом-царством и стать Солнце-Царем, Третий Брат должен приобщиться к Мировой Оси — подняться в верхний мир. В этом ему и помогает Первочеловек, сын этих двух миров (и отец героя).

Сколотский миф — вариант общескифского (скифо-сакского). Все его основные элементы и персонажи — иранские (индоиранские), отчасти наслоившиеся на общеиндоевропейские. Но почти все его мотивы прослеживаются и у славян. Это и позволяет думать, что сколоты — не кто иные, как скифы-пахари, обитатели Лесостепи. Здесь, по данным антропологии и археологии, с бронзового века до эпохи Киевской Руси жил один и тот же народ. Менялась лишь его материальная культура. Но, как видим, не прерывалась нить духовной преемственности. Не столь уж важно, на каком языке — славянском или иранском — чаще говорили здесь во времена Геродота. Важно, что это — наши предки, не только физические, но и духовные.

Белбог и Чернобог. Двух верховных богов почитали славяне — доброго Белбога, владыку неба и света, и злого Чернобога. Первого звали также Родом, Святовитом и просто Богом. Второго — Чертом, Нечис-

тым и т. д., позже — Сатаной (Сатанаилом). У русских, украинцев, белорусов, поляков, болгар сохранился миф о Боге и Сатанаиле, вместе творивших мир: первый создавал все хорошее и полезное, а второй — злое и вредное. Иногда они именуются... братьями. Простым славянам даже в XIX в. это не казалось ни ересью, ни кощунством.

Не переняли ли славяне иранских Ормузда и Аримана? Тем более что в именах Белбога и Чернобога — иранский компонент «бог». Но мифы о близнецах-демиургах известны повсеместно. В частности, среди народов Восточной Европы и Сибири (в основном урало-алтайских) и Северной Америки распространен миф о «ныряющем демиурге». В нем творцы-соперники (часто братья) плавают по первозданному морю в облике птиц (обычно водоплавающих) или водных животных. Один из них ныряет на дно моря за землей. Злой демиург портит только что созданного человека из-за недобросовестности собаки-стража. Человек первоначально весь был покрыт шерстью или роговой тканью. Все эти мотивы есть и у славян, но у иранцев (зороастрийцев) они отсутствуют.

С другой стороны, среди индоевропейцев миф о братьях-демиургах есть лишь у иранцев, славян и греков. Греческие Прометей и Эпиметей — не добрый и злой, а умелый и неумелый творцы. Скандинавские Один и Локи — противники, но не братья и не демиурги. Обще-

индоевропейские близнецы-всадники (Ашвины, Диоскуры и др.) — не творцы, и тем более не враждующие владыки мира.

Представление о двух верховных богах, добром небесном и злом подземном, более свойственно урало-алтайским народам (марийские Юмо и Керметь, мансийские Нуми-Торум и Куль-Отыр, алтайские Ульгень и Эрлик, ненецкие Нум и Нга и др.). Не от них ли заимствовали это представление древние иранцы? Ведь несколько тысяч лет назад, с III тыс. до н. э. до I тыс. н. э. финно-угры соседствовали с древними арийцами (индоиранцами), а затем с иранцами. Именно тогда финно-угорские лесовики переняли от своих степных соседей немало индоиранских и иранских слов. А те от них — замечательные мифы о стране блаженных на севере и шаманских полетах туда.

В индоиранской традиции есть, оказывается, и следы мифа о «ныряющем демиурге». У курдов-езидов, чье вероучение сочетает элементы мусульманства с древними иранскими верованиями, имеется миф о боге и архангеле Гаврииле, сидевших в виде птиц на дереве посреди первозданного океана и споривших о первородстве. Рассудил их Шейх-Синн (эманация Бога), восседавший на розовом кусте посреди того же океана. В другом мифе Бог, Шейх-Синн и еще 6 мелеков (богов-эманаций) плавают по этому океану на корабле. Бог создает небо и землю из воды и слюны, а человека — из земли, принесенной Гавриилом с четырех концов света.

Это напоминает украинские колядки, где мир творят, ныряя на дно моря за синим и золотым камешками, два (или три) голубя, сидящие на дереве (двух, трех деревьях). Иногда голуби отождествляются с Богом и святыми Петром и Павлом. У индийцев же (в Брахманах и Пуранах) бог в облике кабана (Праджапати, Брахма, Вишну) создает землю, ныряя за ней на дно океана. В «Тайттирийя-араньяке» Праджапати сидит на лотосе посреди океана и спорит о первородстве с черепахой (аватарой Вишну). В устной же легенде спорящих Брахму и Вишну примиряет Шива: он старше их обоих, но присуждает первородство Вишну, в облике кабана спустившемуся в преисподнюю к ступням Шивы.

В грузинской легенде Бог и Самоэл (Дьявол) — побратимы и вместе творят мир. Иногда Самоэл сидит в камне на дне изначального моря. В сирийско-арабской — Христос в образе водоплавающей птицы творит небо и звезды. У венгерских цыган Белый Дьявол — побратим Бога — всплывает из моря и спорит с Богом из-за мирового дерева.

Заметим: в сибирско-североамериканском мифе за землей ныряет водоплавающая птица либо водное животное, и лишь у славян и индийцев в этой роли, вопреки природе, выступает голубь или кабан. Очевидно, миф о «ныряющем демиурге» индоиранцы переняли от финно-угров, грузины и сирийцы — от иранцев, а цыгане могли принести его из Индии либо перенять от иранцев или славян.

Когда же и от кого усвоили этот миф славяне? С финно-уграми и тюрками они столкнулись лишь в раннем средневековье, имена же Белбога и Чернобога — не финские или тюркские, а полуиранские. Однако в пантеонах скифов и осетин есть соответствие Белбогу (Папай, Хуцау), но не Чернобогу. Осетинский Барастыр, владыка и судья подземного мира мертвых,— не «антибог». Нет у осетин ни двух творцов мира, ни «ныряющего демиурга».

И все же слабый след мифа о ныряющем кабане-демиурге есть и у скифов, и у славян. Золотой конский налобник V—IV вв. до н. э. из Стынчешти изображает рыбу с головой вепря. А хронист XI в. Титмар Мерзебургский сохранил полабскую легенду о вепре, который в час смуты выйдет из озера возле храма Радигоста в Ретре. На Алтае добрый демиург носит имя Курбусту, восходящее к имени иранского Ормузда (известного и сакам). У осетин же, вероятно, «антибог» сохранился в эпосе в образе Сырдона — злого и коварного шутника, живущего в подземном доме-лабиринте, губителя солнечного Созрыко. Он удивительно сходен со скандинавским Локи, что можно объяснить соседством аланов с готами во II—IV вв. или контактами германцев и сарматов в Польше в начале н. э.

Славяне, судя по всему, переняли миф о двух демиургах именно от иранцев. А от финно-угров и тюрков — лишь некоторые его мотивы, к индоиранцам не попавшие.

Трудно представить зороастризм, иудаизм, христианство или ислам без вечных соперников — Бога и «антибога». Между тем в Палестину «антибог» явно пришел из Ирана в ахеменидские времена: в Библии Сатана появляется только в поздней книге Иова (пресловутый эдемский змий — всего лишь коварное животное). При этом, дабы не умалить всемогущества Яхве, раввины приписали Сатане двусмысленную роль провокатора и палача на службе у Бога. В этой роли Дьявол был унаследован мировыми религиями. Славянские крестьяне, однако, видели в нем прежде всего Чернобога — злого, но не всемогущего брата-соперника Бога.

А началось все, оказывается, с беседы арийского жреца с финно-угорским шаманом где-то на границе степи и тайги. При этом в роли учителя выступал шаман. Как видно, древние арии (в отличие от своих самозванных «наследников») не страдали «комплексом превосходства».

Интересен образ «третьего демиурга» (Шейх-Синн, Шива), стоящего над обоими богами-антагонистами. В Иране это — бог времени Зерван, отец Ормузда и Аримана. Зерван — андрогин, порождающий двух богов-близнецов, изображен на серебряной пластине VIII в. до н. э. из Луристана. В Гатах Заратуштры в роли Зервана фактически выступает Ахура-Мазда, породивший Спента-Манью (Святого Духа) и Анхра-Манью. Последователи пророка вернулись к более понятному массам мифу, где Ормузд и Ариман — рав-

ноправные братья-соперники. В украинской колядке мир творят (в облике голубей) Бог и святые Петр и Павел. В украинской же легенде — св. Петр и Черт под руководством Христа. Трех птиц на дереве изображает скифское навершие (символ мирового дерева) из Александропольского кургана. Образ «третьего демиурга» (известный якутам, манси, эстонцам, грузинам, североамериканским индейцам), видимо, был уже в усвоенном индоиранцами североевразийском мифе.

Возможно, у славян Зервану соответствует загадочный бог Поренут, почитавшийся в Коренице на Руяне (Рюгене). Он изображался четырехликим, держащим пятое лицо руками на груди. Четырехликость — черта космических богов, воплощающих четыре стороны света или четыре времени года (Брахма, Янус, Святовит, Гермес, зороастрийский и манихейский Зерван). Вероятно, Поренут — космический бог-андрогин, рождающий Белбога (и Чернобога).

Отметим еще некоторые иранские параллели образу Белбога. Осетины именовали верховного бога «богом богов» (Хуцауты Хуцау). Так же величали славяне Святовита (согласно хронике Гельмольда). Ахура-Мазду именовали «белым», «сияющим» (Яшт XIII, 81). В Авесте (Яшт, XIX, 5) упоминаются рядом священные горы Сьямака (Черная) и Вафрайау (Снежная). Черная и Белая горы фигурируют в мифологии мандеев (месопотамская секта, испытавшая иранское влияние). Это на-

поминает горы Белый Бог и Черный Бог, возвышающиеся рядом в земле лужицких сербов.

Даждьбог-Хорс. Хорс. Второе имя Даждьбога — «Хорс» — родственно авест. «hvare xsaete» (солнце сияющее, солнце-царь), что соответствует скифскому «Колаксай» и летописному «Даждьбог Солнце-Царь». Но «Колаксай» не могло дать славянского «Хорс». Зато в осетинском «солнце» — «хор», «хур». Следовательно, имя Хорса славяне заимствовали не от скифов, а от сармато-аланов.

В Авесте Хвархшэта — лишь обожествленное светило, никогда не сходящее с неба к людям. Митра, в отличие от него,— бог не только солнца, но и света вообще, более очеловеченный и активно участвующий в земных делах. Так же соотносились между собой греческие Гелиос и Аполлон, индийские Сурья и Митра (или Вишну) и, возможно, славянские Хорс и Даждьбог.

Разумеется, славяне заимствовали у аланов имя, но не образ. Солнце-светило почитали все индоевропейцы, и под родственными именами (Солнце, Гелиос, Хвар и др.).

Пляшущий бог Солнца. Пожалуй, самые знаменитые из украшений антов — это четыре серебряные фигурки из Мартыновского клада в Поросье. Все они изображают пляшущего мужчину в вышитой крестиком славянской сорочке и мягких кочевнических сапожках. Ноги его широко расставлены и согнуты в ко-

ленях, руки согнуты и упираются в бедра. Волосы, руки до локтей и ноги до колен позолочены. В этот же клад входят пять серебряных фигурок коней. У трех из них позолочены гривы и когти (заменяющие копыта), у двух других на гривах нанесен знак движения солнца — «бегущая» спираль.

Фигурки напоминают сказочного Ивана-царевича, у которого «по лікті золоті руки й по коліна золоті ноги, на голові золоті губи». Имя Иван (Ян) не случайно так популярно среди славян: древний праздник летнего солнцестояния (Купала) пришелся на день Рождества Иоанна Крестителя. По общеславянскому поверью, в этот день солнце пляшет. Кони солнца — тоже общеславянский (и индоевропейский) образ. Очевидно, фигурки изображают Даждьбога и его коней. Очень похожая фигурка найдена в Чигиринском уезде. Только руки танцора здесь согнуты и воздеты к небу, а само изображение вписано в круг-кольцо (символ Солнца). Среди славянских культовых фигурок из Велестино есть изображение бородатого мужчины в вышитой сорочке, пляшущего вприсядку с топориком и щитом в руках, и стилизованная фигурка льва, близкая к мартыновским конькам с когтями.

Танец велестинской фигурки напоминает гуцульские танцы с топориками-«бартками». Лезвия «барток» (как и древнерусских топориков-амулетов) часто отмечены солярными знаками. Радигост Сварожич, согласно хронике К. Бото (XV в.), изображался с секирой в руке.

Нижние щитки славянских фибул VII в. из Малой Азии и Югославии изображают бородатого мужчину с ногами, согнутыми так же, как у мартыновских фигурок. У пояса и голеней — две пары солярных знаков.

Фигуры «пляшущих человечков» в позах, подобных антским, встречаются на скалах от Скандинавии до Амура и от Чукотки до Монголии. Весьма близки к ним бронзовые статуэтки XV—V вв. до н. э. с Северного Кавказа. Так изображали художники неолита и бронзового века своих предков-покровителей и шаманов. Только вот солярные черты у этих «человечков» редки, зато у них часто выделяется признак мужского пола. У антских же фигурок наоборот. Даждьбог почитался охранителем единобрачия, карающим «любодейцев» (что не мешало его почитателям предаваться любовному разгулу, но лишь раз в году — в Купальскую ночь).

Фигурки-амулеты «плясунов», напоминающих антские, в V—VIII вв. известны на Северном Кавказе, в Крыму, Приазовье, Башкирии, Приаралье. Принадлежат они северным иранцам (аланам, хионитам) либо их соседям (адыгам, крымским грекам, финно-уграм). Степь после нашествия гуннов уже стала тюркской, но обломки иранского мира еще держались на ее окраинах. В частности, область северокавказских аланов тогда была гораздо шире нынешней Осетии-Алании, а в VII в. аланы обосновались рядом со славянами — на Дону и Донце, став одними из создателей салтов-

ской культуры VIII—X вв. (это их потомков встретил на Донце Мономах).

Наиболее близки к антским аланские (северокавказские и салтовские) фигурки VI—IX вв. Одна из них (из станицы Преградной) найдена вместе с фигуркой льва. Многие аланские амулеты представляют собой вписанные в кольцо символы: солярные знаки, изображения всадника на коне или грифоне либо пляшущего бога (иногда с оружием). Славян и аланов объединяет, таким образом, солярная окраска образа пляшущего бога. Окраска эта весьма древняя. Согласно Ктезию (IV в. до н. э.), в день праздника Митры персидский царь плясал вооруженным. На бронзовом навершии из Луристана заключены в кольцо четыре расположенные крестом фигурки. Они пляшут, приседая и воздев руки, и из их танца как бы вырастает знак Солнца — крест в круге.

Для сарматов характерны погребения с ногами, согнутыми в коленях ромбом. Известны они и у скифов (Пятибратние курганы, Толстая Могила). Иногда при этом руки покойника согнуты в локтях, так что поза совсем напоминает позу антских и аланских фигурок. В Толстой Могиле погребен в «мартыновской» позе рядом с тремя колесами слуга-возница. Колесо, колесница — общеиндоевропейские символы Солнца. В украинской легенде клад стерегут «три леви і чоловік, блискучий, як золото»,— очевидно, подземное солнечное

божество (по древним представлениям, солнце ночью двигалось под землей от места заката к месту восхода). Вероятно, такому божеству, доставляющему души погребенных в загробный мир и стерегущему их могилу, и уподоблялся царский возница.

Охота бога Солнца. В былине «Иван Годинович» ее главный герой добывает на охоте **оленя**, **вепря** и «лютого зверя» (**льва**). Потом он преследует и побеждает царя Афромея (Кощея), похитившего его невесту Настасью Дмитриевну и оборачивающегося **туром**. В митреумах — святилищах Митры — в Дура Эвропос и Сузах на фресках изображен Митра-всадник, преследующий двух **оленей**, **льва**, **вепря** и змею. В виде всадника-охотника Митра представлен и на некоторых рельефах. Главный же подвиг Митры, изображаемый во всех митреумах — убийство **быка**, олицетворяющего землю, хтонические силы. Случайны ли эти совпадения?

В русской сказке Иван-царевич освобождает свою жену Марью Моревну, похищенную Кощеем. В основе сказки и былины лежит миф, родственный греческому мифу о Персефоне и Аиде: подземный бог похищает богиню плодородия, но весной она освобождается. У греков, однако, отсутствует образ освободителя богини (если не считать Тезея, пытавшегося похитить Персефону из подземного мира). Зато он есть в индийской «Рамаяне». Здесь царевич Рама (аватара Солнца — Вишну)

освобождает свою жену Ситу (дочь Земли), похищенную царем демонов-ракшасов Раваной.

О солярных чертах Ивана Царевича уже говорилось. В купальских песнях и обрядах фигурирует пара: Иван (Ян, Ясь) и Марья (Марина, Ганна). Это — языческие Даждьбог-Солнце и Морана — богиня воды, смерти и плодородия. Весной чучело Мораны торжественно уничтожали, а затем из его остатков сооружали новое чучело — воплощение весны — и столь же торжественно вносили его в село. В русской сказке Солнце влюблено в Анастасию Прекрасную («Анастасия» — «воскресшая»). Очевидно, в славянском мире действовали Даждьбог (Иван Годинович, Иван-царевич), Морана (Настасья, Марья) и Чернобог (Кощей), соответствующие индийским Раме, Сите и Раване. Сходство Ивана Годиновича и Митры, таким образом, не случайно.

Миф о похищении и освобождении богини плодородия, скорее всего, общеиндоевропейский. Образ солнечного бога-освободителя в нем, по крайней мере, общеиндоиранский. А вот мотивы охоты солнечного бога и борьбы его с быком — уже собственно иранские. Как же они попали к славянам? В черняховскую эпоху (II—V вв.) славяне интенсивно общались с населением римских провинций на Дунае. В том числе и с солдатами, усердно почитавшими иранского Митру. Да и сами могли, наряду с прочими «варварами», быть в числе этих солдат.

Славяне могли усвоить эти мотивы и раньше — от скифов. На золотой пластине из Гюновки безбородый всадник охотится на оленя. На навершии из Слоновской Близницы, медальонах из Дуровки и Частых курганов на оленя охотится безбородый всадник на грифоне. Это, очевидно, скифский Митра-Гойтосир, греческий Аполлон Гиперборейский. (Аполлона и Митру обычно изображали безбородыми.) На фреске позднескифского склепа **красный** всадник на черном коне охотится с черными собаками на **черного** кабана. (В русской сказке Солнце — красный всадник на красном коне, а Ночь — черный всадник на черном коне. Пребывая ночью в подземном мире, солнечный бог сам приобретал хтонические, смертоносные черты.) В осетинском эпосе солнечный Созрыко охотится на златошерстного оленя — дочь солнца Ацырухс — и на лань — дочь солнечного божества Балсага. В болгарской песне на златорогого оленя охотится герой Дан-Богдан, у которого на груди солнце, на плечах месяц, на коленях звезды. (Митра — бог не только солнца, но и света вообще.)

По всей северной Евразии распространен миф о небесной охоте на небесного оленя (лося, лань). Олень этот — солнце или одно из созвездий, а охотник — созвездие Ориона или Громовник (саамский Тьермес, индийский Рудра и др.). И лишь у иранцев и славян небесный охотник стал богом Солнца.

Солнечный бог — сын собаки (золы). В сказке «Три царства» третий брат, соответствующий Даждь-

богу-Колаксаю, нередко рождается от коровы, лошади или собаки либо носит имя, связанное с очагом, его огнем или золой (Иван Попялов, Запечный Искр и др.). В основании скифского зольника у с. Пожарная Балка на Полтавщине найден жертвенный комплекс: очаг, скелет собаки и череп лошади; рядом в земле были вырезаны фигуры лебедей (символ солнца у греков, в лужицкой культуре и др.). В зольнике на позднескифском Усть-Альминском городище имеются погребения собак. Согласно персидской легенде, сохраненной Геродотом, Кира воспитали пастух Митридат («данный Митрой») и его жена Спако («собака»). Царь здесь явно уподобляется Митре, воспитанному пастухами. В индийском мифе братья Эката, Двита и Трита («первый», «второй» и «третий») рождаются от жертвенной золы; в Ригведе Трита связан с солнцем и огнем. Очевидно, миф о рождении солнечного бога от собаки или золы славяне переняли у иранцев не позже скифского времени.

Тресветлое солнце. В «Слове о полку Игореве» Ярославна взывает к «светлому и тресветлому Солнцу». Выражения «тресолнечное божество» (о Троице), «тресолнечный свет» встречаются у древнерусских и болгарских книжников X—XI вв. О «троичном Митре» упоминает Псевдо-Дионисий Ареопагит (V в.). Юлиан Отступник, чьи взгляды испытали влияние митраизма, в своем гимне Гелиосу говорит о трех солнцах (сверхчувственном, умственном и чувственном). Согласно Цицерону, Кир во сне трижды увидел солнце. В первой половине

I тыс. до н. э. на среднем Дунае и у племен лужицкой культуры (западных славян и иллирийцев-венетов) распространяются бронзовые изображения солнечной колесницы о трех колесах, запряженной тремя птицами. Видимо, не позже этого времени и проникло к славянам от иранцев представление о тресветлом солнце.

Длинные руки солнца-царя. «Долгорукие» — прозвище ряда русских князей (Юрия Владимировича — основателя Москвы, потомков черниговских Рюриковичей). Такое же прозвище носили в Индии Вишну, Митра, Варуна и другие боги, ряд героев эпоса, а в Иране Митра, Заратуштра, некоторые цари-Ахемениды, князья XII—XIII вв. Как видим, чаще всего «долгорукими» называют солярных богов и царей (князей). Это заставляет вспомнить золотые руки Даждьбога (Ивана-царевича). В Ригведе «золоторуким» именуется бог солнца Савитар. Уподобляли царя солнцу многие народы — египтяне, инки и т. д., вплоть до французов XVII в. Но в данном случае речь о мотиве, специфичном лишь для индоиранцев и славян.

Топор солнечного бога. Золотая секира Колаксая-Даждьбога была известна и степным скифам. В Келермесских курганах VI в. до н. э. найдена секира, обложенная золотом. Среди изображений на ней — безбородый скиф с топором в руке. Одна из аватар Вишну — жрец-воин Парашурама («Рама с топором»). У обских угров-манси топориком вооружен Эква-Пырищ. Этот

сказочный герой тождествен Мир-сусне-хуму — солнечному богу-всаднику, чей образ сложился под влиянием иранского Митры.

Золото и пурпур солнца. В Ретре золотой идол Радигоста Сварожича лежал на пурпурном ложе (согласно Гельмольду). В гробнице Кира, по Арриану, стояло золотое ложе, покрытое шкурами, окрашенными пурпуром. Нетрудно догадаться, что пурпурное ложе солнца — символ его заката, которому и уподоблялась смерть царя.

Великое солнце. Хорс в «Слове о полку Игореве» назван «великим». «Великим» («бузург») называют солнце таджики.

Перун. Погребение и воскресение громовника. Былинный герой Михайло Потык добровольно идет в могилу вместе с женой-чародейкой Марьей (Авдотьей) Лиховидьевной. Его хоронят в обширной яме-комнате, перекрытой деревом, с женой и конем. Это очень напоминает древнерусские (а также скандинавские и великоморавские) дружинные погребения IX—X вв.

Однако на Среднем Днепре такой обряд был распространен еще у скифов-пахарей. Зародился он в IX—VII вв. до н. э., когда праславяне-чернолесцы под влиянием киммерийцев стали хоронить своих знатных воинов в деревянных гробницах, иногда с конями. Такие погребения есть и у степных скифов, и у саков — вплоть до Алтая (Пазырык). С падением Скифского царства

этот обряд на Днепре исчез. И вдруг в I в. н. э. сарматы-росы, обосновавшись на Роси и Тясмине (в бывшем главном царстве скифов-пахарей), принимаются хоронить своих воинов в деревянных склепах (чего у себя в причерноморской степи сарматы не делали). Такие склепы встречаются здесь и во II—V вв. (Черняховский могильник), после чего снова исчезают до X в.

Создается впечатление, что память о подобном обряде сохранялась на Среднем Днепре почти 2000 лет, время от времени материализуясь в реальных погребениях князей и дружинников (не всегда в «полном наборе» — с конем и женой). Словно духи знатных сколотов снова и снова вселялись в хозяев древней земли, даже в пришельцев-сарматов! Росы, очевидно, воскресили сколотский обряд, чтобы узаконить и освятить свою власть в глазах славян. Вероятно, сакральность обряда обосновывалась особым мифом, сюжет которого и сохранила былина «Михайло Потык».

Бросается в глаза сходство былин об Иване Годиновиче и Потыке. В обеих героя едва не губит неверная жена в сговоре с чужеземным царем-похитителем (иногда совпадают даже их имена: Марья, Ахрамей). Настасья помогает Кощею (Ахрамею) связать Ивана. А Марья (Авдотья) в могиле оборачивается чудовищной змеей, либо за ней приходит подземный змей. Потык либо убивает жену, либо воскрешает ее, одолев змея, и выходит из могилы (воскресает) **весной** (на Пасху).

Потом жена трижды пытается погубить Потыка (зарывает живым, превращает в камень, распинает в подземелье). Наконец он убивает жену и ее похитителя и женится на ее сестре Настасье — своей спасительнице. Жена Потыка как бы раздваивается на злую Марью-Авдотью и добрую Настасью (вспомним превращение Мораны в весеннем обряде).

Может быть, Потык и Лиховидьевна — те же Даждьбог и Морана? Но имя героя — не солярное (Иван), а «грозовое» (Михаил). У восточных славян архангел Михаил считается громовником, солярных же черт не имеет. То, что громовник, подобно богу Солнца, нисходит в подземный мир и выходит (воскресает) весной, вполне естественно: именно весной «воскресает» молчавший всю зиму гром. Заметим: Лиховидьевна то и дело опаивает Потыка вином с волшебным зельем. Пристрастие к хмельному питью характерно как раз для индоевропейского громовника (Индры, Тора и др.). Индоевропейский миф о громовнике и его неверной жене (связанной с нижним миром) реконструирован в работах В. В. Иванова и В. Н. Топорова.

Чертами громовника наделен авестийский богатырь Кересаспа. Он вооружен палицей (подобно Перуну, Индре и т. д.), побеждает драконов. Но пери (колдунья) Хнантаити погружает его в волшебный сон, от которого герой пробудится лишь при наступлении конца света, чтобы победить дракона Ажи-дахаку. Мифы

о «конце» и последующем обновлении мира вырастают из мифов о ежегодном (весеннем) обновлении природы. Скифы (в т. ч. лесостепные), саки, русы X в. нередко поджигали и даже сжигали деревянные гробницы своих царей и князей. Это было связано с индоевропейским эсхатологическим мифом о мировом пожаре. Смерть царя — главы народа — уподоблялась «концу света». Но за «концом» следовало «начало» — воскресение и обновление. Народ-царство оставался бессмертным.

В отличие от мифа о Даждьбоге и Моране, миф о воскресении громовника прослеживается лишь у иранцев и славян. К славянам он попал, очевидно, не позднее скифской эпохи.

Меч громовника. Русские поверья приписывают Илье-громовнику (заменившему Перуна) верховного коня и огненный меч. Бог-всадник с мечом (видимо, Перун) изображен на Збручском идоле. Оружие индоевропейского громовника (в т. ч. Перуна) — палица, каменный топор-молот, стрелы. И только у славян, балтов и иранцев громовник вооружен мечом. В таджикской легенде громовник Осман-Бобо мечом и посохом высекает источник, а в персидской — халиф Али владеет мечом-молнией. Оружие авестийского Веретрагны (бога войны, соответствующего индийскому Индре-Вритрахану) — золотой меч (Яшт XIV, 27). У скифов и сармато-аланов Веретрагне соответствует

бог войны («Арей»), почитавшийся в виде меча, у осетин — герой Батрадз (молнию считают блеском его меча).

Согласно римским географам Помпонию Меле (I в. н. э.) и Гаю Юлию Солину (III в.), северные соседи скифов — андрофаги, гелоны, меланхлены и особенно невры — почитают мечи и пояса как кумиры «Марса». Геродотовы невры — это праславяне милоградской культуры Полесья, потомками которых в I—III вв. были зарубинецкие и позднезарубинецкие племена. Мечи у восточных праславян впервые появляются в IX—VII вв. до н. э. под влиянием киммерийцев. Мечи общескифских типов обычны в Лесостепи и встречаются у милоградцев. Очевидно, от киммерийцев или скифов попал к славянам миф о мече громовника.

Радуга — лук громовника. Все славяне считают радугу «божьим луком». У индийцев радуга считается луком Индры, у иранцев — Али либо громовника Бобо-Килдира, у финнов (возможно, под славянским или индоиранским влиянием) — громовника Укко. Трудно сказать, когда проник к славянам этот индоиранский мотив.

Жернов громовника. В белорусских поверьях Перун летает на жернове либо вызывает гром ударами жерновов. Жернов Индры фигурирует в Ригведе и Атхарваведе. У иранцев этот мотив, впрочем, не засвидетельствован (что не исключает его индоиранского происхождения).

Ярила. В народных верованиях святой Георгий Каппадокийский очень легко перенимает черты языческих

божеств. У славян он слился с Ярилой, у осетин — с богом воинов (во многом не похожим на «Арея»-Батрадза). Славянский святой Георгий (Егорий, Юрий) и осетинский Уастырджи (св. Георгий) весьма схожи. Оба они — всадники на белых конях и в белой одежде, воины, покровители воинов и скотоводов. Но черты эти — общехристианские: везде Георгий — святой воин и всадник, в византийской легенде он чудесно умножает скот, в западноевропейской — является крестоносцам в белом плаще. (Впрочем, на белом коне и в белом плаще изображали белорусы и Ярилу.) Но кое-что роднит Уастырджи уже не с Егорием, а с Ярилой. Это — повышенная сексуальность, связанная со смертью и воскресением.

Восточные славяне, разыгрывая похороны-воскресение Ярилы (Коструба, Кострубоньки), всячески подчеркивали его мужскую силу и привлекательность для женщин. А Уастырджи проникает в склеп к Дзерассе (дочери морского бога Донбетра), ударом плети оживляет ее и затем оплодотворяет, от чего рождается Сатана, «хозяйка нартов». (Думал ли мученик-легионер из Каппадокии, что ему припишут подобные «подвиги»!)

Снова иранский бог у славян? Но сколько-нибудь полного соответствия Уастырджи Яриле-Егорию нет ни у кого из иранцев, кроме осетин. Повышенным эротизмом не отличаются ни Митра-Гойтосир, ни Веретрагна, ни Сиявуш — среднеазиатский «Дионис». Эту черту, возможно, имел скифо-сарматский «Арей» (скиф-

ские мечи формой часто напоминают фаллос), но он — не всадник. Видимо, на этот раз предки осетин — аланы — заимствовали у славян если не образ бога, то многие его элементы.

Близнецы-всадники. Образы близнецов-всадников и богини с двумя всадниками — общеиндоевропейские. Так не заблуждался ли В. А. Городцов, усматривая здесь влияние скифо-сарматов на славян?

Обратимся не к вышивкам (где оба всадника, как правило, одинаковы), а к русским иконам XIV—XVIII вв. с изображением парных святых-всадников (Бориса и Глеба, Флора и Лавра, Дмитрия Солунского и Георгия). На них святые либо едут рядом, либо стоят по сторонам архангела Михаила («Чудо о Флоре и Лавре»). Последний сюжет с житием Флора и Лавра никак не связан и даже осуждался церковью; «конскими святыми» они стали уже на русской почве.

Кони у святых почти всегда разной масти, а одежда — разного цвета. Белому или красному коню противостоит конь зеленый или темный (черный, синий, сине-черный, темно-гнедой). Красному плащу — темный (темно-зеленый, коричневый, черный) или зеленый плащ. При этом красный конь встречается только у правого всадника, зеленый или темный — чаще у левого. Красный плащ чаще у левого всадника, темный или зеленый — у правого; с красным конем сочетается зеленый плащ, и наоборот. Левый всадник, как правило, бородат, правый — безбород.

Языческий прообраз этих икон был, видимо, таков: левый всадник — бородатый, в красном плаще, на темном или зеленом коне; правый — безбородый, в темном или зеленом плаще, на красном или белом коне. Центральный же персонаж (Михаил) чаще носит, подобно левому всаднику, красный плащ.

На других иконах Борис и Глеб (Флор и Лавр) стоят рядом, без коней. Иногда между ними — св. Николай, Иаков Праведный или Владимир (отец Бориса и Глеба). В легенде, сохраненной «Чтением о Борисе и Глебе» Нестора-летописца, Борис, Глеб и Николай являются в виде всадников, причем святые братья зовут последнего своим отцом.

Иногда всадники противопоставляются друг другу как воин и священник. На иконе XV в. из Третьяковской галереи у левого всадника (Флора) — копье, у правого (Лавра) — крест. На другой иконе рядом с Флором стоит святой воин (Георгий), рядом с Лавром — св. мученик Кирилл с Евангелием в руках. Иконописный «подлинник» XVII в. предписывал изображать Бориса вооруженным, а Глеба — безоружным.

Какие же языческие боги скрываются за братьями-святыми? В преданиях кашубов (последних потомков прибалтийских славян) Белбог и Чернобог выступают в виде белого и черного коней. Не была ли какая-то пара «младших» богов связана, подобно им, со светом и тьмой? В русской сказке День, Ночь и Солнце пред-

стают в облике белого, черного и красного всадников на конях тех же цветов. В сказках же типа «Конька-горбунка» фигурируют три коня — белый, красный и черный (бурый). Эти три цвета в индоевропейской традиции символизировали три сословия — жрецов, воинов и производителей, и соответствующие им три социальные функции.

Можно, следовательно, предположить связь левого всадника с тьмой и функциями воина и производителя, а правого — со светом, солнцем и функциями жреца, воина и производителя. Действительно, на вышеупомянутой иконе левый всадник — воин, правый — священник.

Немецкий путешественник XVI в. И. Вундерер видел у Пскова двух каменных идолов: одного с крестом в руке, другого — с мечом и молнией в руках, попирающего змея. Очевидно, первый — бог Солнца (древнерусские кресты-амулеты часто отмечены солярными знаками), а второй — громовник (Перун). Первый идол (безбородый, с крестом в руке) был найден в XIX в. Ко второму, возможно, близок идол IV—VI вв. из Иванковцев на Днестре: бородатый, с мечом (видимо, тот же Перун). Эта пара идолов кое-чем напоминает икону, где Флор вооружен и бородат, а Лавр — безоружен, безбород и держит крест.

Перун в белорусских поверьях бородат. Его изображает фигурка **красного** дерева из Старой Ладоги (IX в.)

в виде бородатого старца в шлеме. В фольклоре восточных славян фигурирует оружие Перуна, или Ильи-громовника (меч, стрелы, топор, палица). Левый всадник, напомним, бородат, вооружен, в красном плаще, на коне цвета грозовых туч (черном, сине-черном, синем). Иногда конь левого всадника — белый (белый конь есть у Ильи-пророка в русском фольклоре). Кони солнца в славянском фольклоре белые или красные, конь Егория и Ярилы — белый. Зеленый, черный или черно-зеленый плащ правого всадника, зеленый или темно-коричневый конь левого, вероятно, символизируют их связь с землей, растительностью и земледельческим трудом. Не случайно Илья Муромец, иногда прямо отождествлявшийся с громовником,— крестьянский сын, а его конь темной (бурой) масти.

На иконе XV в. из Русского музея св. Николай стоит между Ильей-громовником и Иоанном Крестителем (Иван Купала — день Солнца). В сербском фольклоре святые Илья и Георгий — братья; в русском они оба — всадники.

Итак, левый всадник, очевидно, Перун, правый — Даждьбог, или Ярила. Кто же стоит за центральным персонажем — Николаем (Иаковом, Владимиром) или Михаилом? Николай, «отец» двух святых всадников,— очевидно, Сварог, отец Даждьбога (*см. выше*). А Михаил-громовник, вероятно, заменяет здесь верховного громовника — Рода, о чем говорит одинаковый цвет плащей Флора и Михаила — красный

(«рьдрый», «рдяный»). Всадники — Перун и Даждьбог (или Ярила),— видимо, считались сыновьями Сварога и внуками Рода. Заметим, что Индра — сын бога-кузнеца Тваштара, а другой ведический громовник Парджанья — сын бога неба Дьяуса.

А если в центре «чина» — богиня? На Збручском идоле справа от Великой Богини (с рогом в руке) стоит бог-всадник с мечом (Перун), слева — богиня с кольцом в руке (Заря — именно так изображена утренняя Заря на миниатюре Хлудовской псалтыри XIII в.), за ней — безоружный бог с солярным знаком (Даждьбог). На русальном браслете XII—XIII вв. из Киева справа от змеедевы — персонаж с мечом.

Таким образом, воинственный громовник стоит справа от Великой Богини, а безоружный солнечный бог и его спутница — Заря — слева. Если же в центре «чина» мужское божество, то «прибоги» стоят иначе: Перун слева, Даждьбог справа. Иначе говоря, «одесную» центрального персонажа находится божество, более близкое ему по духу.

На иконе XVIII в. «Азовская Богоматерь» так же, как на вышивках, в центре — богиня-оранта (Богоматерь), а над ней — верховный Бог. Ее фигура наложена на огромную фигуру двуглавого орла. (На русской вышивке богиню несет двуглавый орел, на сасанидском блюде и раннеболгарских сосудах — одноглавый.) Слева от Богоматери — воин в красном плаще, на белом коне (св. Георгий), справа — безоружный царь

в темно-зеленом плаще, на темном коне, молитвенно воздевший руки (Петр I). Георгий убивает копьем грифона, а возле Петра молния поражает льва (эти звери символизируют турецкие крепости Азов и Кизикирмен). Здесь, однако, языческий канон уже несколько нарушен: воин «одесную» богини, жрец — «ошую». Но на украинских иконах XVIII в. «одесную» Богоматери стоит духовенство, «ошую» — казаки, гетманы и цари.

Обратимся теперь к иранскому (индоиранскому) материалу. На скифских изображениях всадник, обычно вооруженный, стоит «ошую» богини (ритон из Merджан, рельефы из Трехбратнего кургана и городищ Марьино и Чайка в Крыму, пазырыкский ковер, роспись склепа Анфестерия в Керчи). На пластине из Карагодеуашха «ошую» богини сидит воин с луком у пояса и рогом в руке, «одесную» — женоподобный жрец с ритуальным сосудом. На диадеме из Сахновки в Поросье справа от богини — бородатый воин с секирой и рогом и слуги, готовящие еду и питье, слева — безбородый и безоружный персонаж с факелом (?), два побратима (пьющие вино из одного сосуда) и жрец (приносящий в жертву барана и человека). Здесь представлено все скифское общество в трех его сословиях-функциях. При этом представители II (воинской) и III (производительной) функции стоят «ошую», а I (жреческой) — «одесную» богини. (Индоевропейская I функция имела два аспекта: магический и юридический. Здесь их представляют сцены жертвоприношения и клятвы побратимов.)

На бляшках из Чертомлыка и других скифских курганов безбородый и безоружный скиф с рогом стоит справа от богини (если она сидит лицом вправо) или же слева от нее (если представлена en face). По мнению Д. С. Раевского, в этих и других вышеописанных сценах перед богиней стоит Колаксай, получающий от нее царскую власть. Жрец он или воин? И то и другое. Обретя золотые дары, он стал носителем всех трех воплощаемых ими функций (чаша — символ I функции, секира — II, плуг — III). Потому он, стоящий обычно «ошую» богини (как воин), может быть безоружен, безбород или отмечен солярным знаком.

Противостояние царя-воина и жреца напоминает авестийский миф о братьях Урвахшае — мудреце и законодателе, и Кересаспе — богатыре и борце с чудовищами (Ясна, 9, 8—11). Они воплощают, таким образом, I и II функцию. Заметим, что Кересаспа имеет черты индоевропейского громовника, а всадник перед богиней в склепе Анфестерия вооружен мечом — оружием славяно-иранского громовника.

На привлеченной еще В. А. Городцовым русской набойке у всадника «одесную» богини — сосуд и секира, у всадника «ошую» — сабля. То есть первый — жрец и воин, второй — только воин. Секира — атрибут Даждьбога-Колаксая, а сабля заменила меч громовника.

На знаменитой пекторали из Толстой Могилы богиня присутствует, так сказать, незримо. Три яруса пекторали представляют земной мир людей, плодород-

ную почву и подземный мир. Центральной осью служит мировое дерево, представленное своими элементами-символами (растение с птицами на нем, подвешенный горит — футляр для лука и стрел). Богиня и дерево — символы взаимозаменимые (например, на вышивках). В верхнем ярусе два скифа шьют одежду из овчины. Левый — старик с жреческой повязкой на волосах, почти безоружный (его горит висит в стороне). Правый — более молодой, горит у него лежит рядом, под рукой. Перед нами снова жрец и воин. III функцию представляют два скифа, доящие скот.

Композицию верхнего яруса завершают две птицы — водоплавающая (слева) и хищная (справа). Осетинский Батрадз-громовник, преследуя колесо Балсага (символ солнца), превращается последовательно в **ястреба**, **барса**, **орла**, быка, а затем соответственно в **утку**, **кабана**, куропатку. В нижнем ярусе пекторали справа **барс** и лев терзают **кабана**, слева — оленя. Барс и лев (зверь Митры), видимо, воплощают здесь грозовое и солнечное начала. Сцена же терзания оленя сопоставима с мифом о небесной охоте (на оленя-солнце). Заметим также, что воплощениями Веретрагны являются хищная птица и вепрь (Яшт XIV, 15, 33). Именно они находятся в правой части пекторали.

Если в центр композиции мысленно поставить богиню, то «одесную» ее окажется жрец и символы солярного начала, «ошую» — воин и «грозовые» существа. Та же система, что прослежена выше у скифов и славян,

только жрец здесь старше воина (у Валерия Флакка Авх, соответствующий Липоксаю,— старик и жрец). Заметим также, что в среднем ярусе птицы «одесную» чистят перья, а «ошую» что-то клюют. В Ригведе говорится о двух птицах на мировом дереве, из которых лишь одна клюет. Не символ ли это активной природы воинского (грозового) начала и пассивной, мирной — жреческого (солярного)?

В одном из осетинских сказаний солнечный Созрыко (Сослан) и Батрадз-громовник — дети нарта Хамыца, хотя обычно Созрыко считается сыном Урызмага, брата Хамыца. Но на Урызмага и Хамыца, скорее всего, «раздвоился» верховный бог-громовник. Если Урызмаг — старейшина нартов, мудрый и авторитетный, то Хамыц — воитель с чертами громовника (он, подобно Батрадзу, раскаляется в бою докрасна). Ж. Дюмезиль, крупнейший знаток осетинской и индоевропейской мифологии, сопоставляет Урызмага и его жену Сатану с Папаем и его супругой. Сатана не считается матерью Созрыко и Батрадза, но принимает самое активное участие в их чудесном рождении.

По осетинскому обычаю, старший едет верхом по правую руку от младшего — именно так, как святые всадники на иконах.

На раннесредневековой фреске из Пенджикента изображена богиня Нанайя: на льве, с солнцем в левой руке и луной в правой. «Одесную» ее — воин в шку-

ре леопарда, «ошую» — в шкуре льва. На фреске того же времени из Фундукистана (Афганистан) представлены два воина: один — в одежде из шкур барса и тигра и с полумесяцем за плечами, другой — с жезлом, увенчанным солнечным диском. На среднеазиатских серебряных чашах Нанайя чаще держит в правой руке солнце, а в левой — месяц. Одежду из шкуры барса или тигра носит Рустам, имеющий черты индоевропейского громовника (змееборец с палицей). (Бессмертный «Витязь в тигровой (барсовой) шкуре», по словам самого Руставели,— переработка персидской повести. Герой поэмы носит иранское имя Тариэр.) Как видим, здесь грозовое начало сочетается с лунарным и противостоит солнечному. Связь же последних двух начал и двух «прибогов» с левой и правой стороной не слишком жесткая.

На изображениях в митреумах Митру сопровождают Солнце и два юноши — Каут (с поднятым факелом) и Каутопат (с опущенным). На фресках Митра в красном плаще, «одесную» его — Каут в красной одежде, «ошую» — Каутопат в зеленой. (Все — как на иконах с Флором, Лавром и Михаилом!) На уже упомянутой миниатюре Хлудовской псалтыри слева — вечерняя Заря (в зеленом), справа — утренняя (в красном и с поднятым факелом). Каут воплощает солнечно-огненное и небесное начало, бесплодный (сухой или холодный) сезон, дух; Каутопат — лунарно-водное

и хтоническое начало, вегетативный сезон, материю. Каут более активен и агрессивен: он и Солнце смотрят прямо на Митру, убивающего быка, а Каутопат и Луна отворачиваются. На рельефах Каут стоит справа от Митры, Каутопат — слева; реже (как на фресках) — наоборот.

В Авесте Митру сопровождают его братья Рашну и Сраоша. Рашну (идущий «одесную» Митры) — справедливый судья (Яшт XII; Ясна 1 , 7; 70, 3). Сраоша — воин, борец с дэвами и чудовищами, но также жрец и наставник пророков; он чаще действует ночью и имеет черты громовника (змееборец с палицей) (Яшт XI, XII; Ясна 1; 43; 57; Видевдат 18; 19; Бундахишн 34, 23). Здесь лунарное (ночное) и грозовое начала связаны с воинской функцией. Первая же функция разделена: ее магический аспект отнесен к Сраоше, юридический — к Рашну.

Тесно связаны с митраизмом «дунайские таблички» — языческие «иконки» римских солдат в Подунавье. Главный их образ — богиня с двумя всадниками. Обычно над левым всадником изображено Солнце, над правым — Луна. В одном случае рядом с левым (солнечным) всадником стоит Каут. Иногда этот всадник воинственнее правого (лунного): попирает врага, имеет доспехи или знамя — дракона. Лунный же всадник может, в отличие от солнечного, иметь чашу (атрибут жреца). Иногда

один из всадников попирает человека, другой — (видимо, связанный с водной стихией) — рыбу.

Всадники — прибоги на вышивках — нередко также попирают стилизованную человеческую фигуру или рыбу. А на иконе XVII в. один всадник (Дмитрий) поражает копьем человека, другой (Георгий) — змея.

Во II тысячелетии до н. э. в царстве Митанни на севере Месопотамии обосновались пришельцы — индоарии. Здешние цари ценили их как воинов-колесничих и даже поклонялись арийским богам — Митре и Варуне. На печати царя Шаушшатара (XV в. до н. э.) изображена богиня со зверями, а над ней — символ мирового дерева: столб с солнечным колесом, окруженный зверями и птицами. Слева от столба и богини — бог, убивающий быка (Митра). Справа — бог, с рук которого стекает река (Варуна). Ниже богов, по сторонам богини — два героя, борющиеся со львами. Рядом с левым героем — звезда. Эти двое, видимо, соответствуют Кауту и Каутопату.

Митра и Варуна — братья, сыновья Великой Богини — Адити. В Индии Митра связан с земным миром, днем, светом, солнцем, жреческой функцией, Варуна — с потусторонним миром, ночью, водой, воинской функцией. По отношению к людям Митра — добрый, дружественный, Варуна — гневный, карающий, агрессивный. Варуну сближали и даже отождествляли с громовником Индрой. Так же и славянские крестьяне относились к солнцу с любовью, считали его

добрым и справедливым защитником людей, а громовника боялись, видя в нем грозную, капризную, карающую силу.

Таким образом, можно наметить следующую историю «чина» Великой Богини. Еще у древних индоиранцев сложился миф о двух сыновьях — прибогах этой богини, один из которых (стоящий «одесную» богини) воплощал солярно-огненное начало, день, земной мир и жречество, другой (стоящий «ошую») — водное (грозовое) начало, ночь, потусторонний мир и воинства. Им соответствовали два младших прибога (будущие Каут и Каутопат). У среднеазиатских иранцев грозовой прибог приобрел лунарный облик. В зороастризме и митраизме центральное место в «чине» занял Митра, а места спутников — младшие прибоги (Сраоша и Рашну, Каут и Каутопат). При этом у митраистов солнечный прибог приобрел связь с потусторонним (духовным) миром и функцию воина, а водно-лунарный — связь с хтоническим началом, земным (материальным) миром и функцию жреца. Статуя Митры с двумя его спутниками и двумя конями из Хайр-Ханэ (Афганистан) свидетельствует о слиянии прибогов с индоевропейскими близнецами-всадниками.

У скифов прибог-воин приобрел облик всадника. У сарматов и осетин «чин» в основном сохранился, хотя, в связи с исчезновением сословия жрецов, солярный прибог (Созрыко) утратил черты жреца. Впрочем, и в Средней Азии оба прибога изображались воинами.

Лишь у северных иранцев прибоги обращаются в зверей и птиц. В «дунайских табличках» североиранская (сарматская) традиция соединилась с митраистской, из-за чего прибоги обрели черты Каута и Каутопата (солярный прибог — воин, лунарный — жрец). В то же время оба они — всадники и, чаще всего, воины. Это, очевидно, сарматская черта, чуждая митраизму.

Славяне, видимо, заимствовали «чин» от скифов, судя по композиции Збручского идола (всадник — лишь один прибог, и именно воин «ошую»). Позднее на скифское влияние наложилось влияние сарматов и полиэтничной придунайской среды, почитавшей Митру и «дунайские таблички». Под сарматским влиянием оба прибога у славян стали всадниками, старший из которых едет «одесную» младшего. Из Подунавья же проникли такие элементы, как попираемые всадниками враги, пешие спутники прибогов — мужчины и женщины (на табличках и русской набойке), оппозиция красного и зеленого цветов (символов огненного и вегетативного начал). Новое явление у славян — замена богини (или Митры) верховным богом неба (Род, или Сварог); потому «одесную» его оказывается грозовой прибог, «ошую» — солярный. В вышивках сохранился более древний индоевропейский «чин» с одинаковыми прибогами и его славянская модификация с двумя всадницами. А вот фрако-боспорские изображения скачущего воина-всадника «одесную» богини к славянам не проникли.

Индоевропейские близнецы-всадники различаются как смертный и бессмертный, воин и крестьянин. Лишь у греков есть божественная пара, подобная славяно-иранской: Аполлон и Геракл, сыновья Зевса. Первый связан с солнцем (и вообще со светом) и жреческой функцией (прорицание), второй — воин с чертами громовника (змееборец с палицей); первый обычно изображался безбородым юношей, второй — зрелым бородатым мужем. Это могло быть наследием тех времен, когда греки и арийцы (после распада индоевропейской общности) еще составляли один народ. Или же плодом влияния иранцев на греков в микенскую эпоху.

Согласно житию Флора и Лавра, они были живыми погребены в колодце. В иранской (мусульманской) легенде заточенными в колодце оказываются ангелы Харут и Марут, т. е. зороастрийские божества здоровья и бессмертия Харватат и Амэртат, соответствующие индоевропейским богам-близнецам. Возможно, славяне от иранцев заимствовали миф о погребении (заточении) в колодце близнецов-всадников, который и повлиял на превращение Флора и Лавра в «конских святых».

На серебряной чаше из кургана Солоха изображены охота двух молодых скифов-всадников на льва и схватка их с чудовищем — рогатой львицей. Один всадник, вооруженный дротиком, атакует обоих зверей спереди. Второй, с луком и стрелами,— сзади. Лукиан сохранил замечательную скифскую легенду о побратимах Белите

и Басте, которые погибли в схватке со львом, но убили его, после чего их похоронили под одним курганом, а льва — под другим. Вероятно, здесь отразился миф о подвигах божественных близнецов-всадников.

Афинский мастер Ксенофант (IV в. до н. э.) изобразил на сосуде-лекифе персонажей с иранскими и (реже) греческими именами, охотящихся на реальных и фантастических животных. Двое охотников в персидской одежде сражаются со львиным грифоном (со львиной головой и с рогами, как у львицы на чаше). Один из них вооружен копьем и щитом-полумесяцем. Второй — безбородый лучник. Как и на чаше, копьеносец более активен и отважен — стоит ближе к зверю. На золотой пластинке из Херсонеса (ее фрагменты оказались в музеях Москвы и Берлина) два скифа атакуют орлиного грифона: один — спереди, с секирой, другой — сзади, с луком и стрелами. На сасанидском блюде орел с головой грифона уносит богиню-оранту (Анахиту); внизу — два юноши: лучник (слева) и секироносец (справа).

Можно предположить, что старший и более воинственный из героев, вооруженный копьем или секирой,— громовник, а младший (лучник) — солярный герой. Действительно, топор — общеиндоевропейское оружие громовника, а лук и стрелы Митры фигурируют в Авесте (Яшт, X, 102, 129) и на митраистских рельефах. На лекифе к тому же копьеносец наделен лунарными чертами (форма щита), подобно среднеазиатскому герою в бар-

совой шкуре. А сцена на блюде явно схожа с мусульманской легендой о Харуте и Маруте, преследовавших Нахид (Анахиту), которая, обманув их, вознеслась на небо и стала планетой Венера.

Удивительно близка к сценам на чаше русская сказка «Два Ивана — солдатских сына». Два близнеца получили чудесных коней и оружие и пришли к распутью. Более сильный брат выбрал левую (смертную) дорогу, победил трех змеев и женился на спасенной от них царевне. Брат послабее выбрал правую (царскую) дорогу, женился на царевне Настасье Прекрасной и звался с тех пор Иваном-царевичем. Охотясь на оленя и уток, он столкнулся с ведьмой (сестрой тех змеев). Она, оборотившись львицей, проглотила его. Брат, именуемый просто Иван,— солдатский сын, с помощью волшебного коня одолел ведьму и воскресил Ивана-царевича. Позже ведьма, оборотившись львом, растерзала братьев: одного в поле, второго в саду.

Гибель братьев напоминает растерзание и разбрасывание по полю чучела божества плодородия (той же Мораны). Сходный смысл, очевидно, имело погребение в колодце Флора и Лавра, Харута и Марута. Боги-близнецы своей смертью должны были обеспечить плодородие земли. В Иване-царевиче нетрудно узнать Ивана Годиновича (мужа Настасьи и охотника на чудесного оленя), т. е. Даждьбога. Его же брат, змееборец и спаситель царевны, напоминает греческого Персея (сына Зевса-

громовержца) и Георгия-Егория, которого восточные славяне считали громовником. (Это не противоречит солнечной природе Ярилы — Егория.) Хорс считался и богом Солнца, и громовником, а на древнерусских топориках-амулетах и гуцульских бартках солярные знаки сочетаются с зигзагами-молниями. Итак, перед нами уже знакомая пара: громовник и солнечный бог (только Перуна в ней, возможно, заменил Ярила). Не случайно Иван — солдатский сын (громовник), более сильный и воинственный, активнее борется со львицей (как предполагаемый брат-громовник у скифов), а Иван-царевич (солнечный бог) — более слабый и мирный. Первый — воин, второй — правитель. У древних индоевропейцев цари принадлежали к первому (жреческому) сословию, и лишь позднее царскую власть присвоили себе военные вожди. Мотив борьбы братьев со львом и львицей (редкий в сказках такого типа), видимо, заимствован славянами у скифов.

Стрибог и Вий. Богом и дедом ветров славяне почитали Стрибога. По украинскому же поверью, ветрами повелевает «пан», сидящий под землей и держащий ее на себе. В нижнем ярусе Збручского идола изображен трехликий подземный бог. Стоя на коленях, он с явным трудом держит на себе землю. У индоевропейцев трехглавы обычно злые божества и чудовища: ведический Триширас, греческие Кербер, Герион, Геката, иранский Ажи-дахака, змеи русских сказок и т. д. А заточенными под землей (до «конца света») представлялись, напри-

мер, Локи и Ажи-дахака (библейский скованный дракон; Антихрист — явная копия последнего).

Индоиранский бог ветра Ваю представлялся то добрым, то злым, смертоносным, воинственным. Иранцы даже раздвоили его на доброго и злого Ваю. Персидский поэт XI в. Асади Туси и зороастрийские риваяты (послания) сохранили легенду о Гаршаспе (Кересаспе), загнавшем под землю злого дэва ветров, который с тех пор держит на себе небо и землю. Славяне часто представляли ветер, особенно вихрь, злой, нечистой силой. Белорусское заклинание призывает на вихрь молнию. По армянскому поверью, в вихре идет бой с драконом — аждахаком. Иначе говоря, иранцы, славяне и армяне сближали ветер с чудовищем — врагом громовника.

Н. В. Гоголь сохранил образ Вия — подземного карлика со смертоносным взором и огромными веками. В других украинских легендах таким же взором и веками обладают Касьян (зловещий повелитель високосного дня — 29 февраля) и Шелудивый Буняка (половецкий хан Боняк), в кельтском предании — Балор, вождь демонов-фоморов. К Вию и Ваю близки осетинские вайюги — одноглазые великаны, стражи подземного царства мертвых.

Индолог Г. М. Бонгард-Левин и иранист Э. А. Грантовский реконструировали скифский и индоиранский миф о высоких северных горах (Рипеи), преграждающих путь в «обитель блаженных» (Гиперборею). Их стерегут одноглазые аримаспы и другие чудовища. В этих горах,

в пещере, обитает северный ветер (Борей). Эта «страна блаженных» имеет черты загробного мира: герои «Махабхараты» через северные горы приходят прямо в рай Индры. В Авесте с севера приходят дух смерти Насу и Анхра-Маныо (Видевдат VII, 4; XIX, 1). В русском фольклоре север связан со злом, горем, зимой, холодным ветром, а северный ветер восточные славяне называли «гора», «горыч».

В «Слове о полку Игореве» «ветры, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами». В Ригведе порождение Ваю — маруты (дружина Индры, воплощение бури); имя их означает «с моря веющие».

Весь этот «полярный» мифологический комплекс (в т. ч. образ подземного бога ветра) у потомков сарматов — осетин — отсутствует. Следовательно, славяне могли заимствовать образ Вия-Стрибога уже в срубную эпоху или позднее, но не позже скифской.

Баба-Яга. От первобытных охотников пришел к славянам образ Бабы-Яги — хозяйки леса, зверей и загробного мира. Но в ряде сказок она вдруг становится всадницей, предводительницей войска и хозяйкой коней. Б. А. Рыбаков усматривает здесь память о борьбе славян с «женоуправляемыми» сарматами или киммерийцами.

Скифы и, вероятно, сарматы почитали Артимпасу — богиню неба, любви и войны. Ее отождествляли с воинственными богинями — греческой Афродитой Уранией и сирийской Деркето. А также, очевидно, с Афиной-воительницей, чьи изображения были распростра-

нены у скифов и сарматов. Но греческая Афина — также покровительница ремесел. На алтаре Артимпасы в Тускулане в Италии изображены инструменты плотника. А Яга-воительница имеет подземные мастерские, где чудесные ремесленники — кузнецы, швеи и ткачихи — создают ей войско. Но у южных иранцев такой богини войны и ремесел нет. Видимо, скифо-сарматская Артимпаса стала богиней ремесел под влиянием греческой Афины и уже в таком виде, в свою очередь, повлияла на славянский образ Бабы-Яги. Это могло произойти уже в V—IV в. до н. э., когда у скифов распространились изображения Афины.

Как видим, славяне охотно вносили иранские элементы в образы своих богов, добрых и злых. Но перенимались именно элементы, а не образы в целом. Славяне ведь не были дикарями, почитавшими одних лесных духов. Иранскими одеждами они украшали со вкусом древние, индоевропейских времен фигуры собственных богов и богинь.

ЗВЕРИ священные и чудесные

Лев. В восточнославянских волшебных сказках, как правило, не фигурируют экзотические животные. Исключение составляет лев. Он встречается здесь часто и в самых разных ролях (оборотня, стража, помощника или врага героя). Не из иранского ли мира пришел мифологический образ этого зверя, столь популярного в искусстве и верованиях иранцев (как южных, так и северных)?

Лев, однако, для славян не столь уж экзотичен. На юге Восточной Европы, по мнению зоологов, он водился в XII в., когда с ним столкнулся Владимир Мономах («лютый зверь скочи мне на бедры и конь со мною поверже»). «Лютым зверем» восточ-

ные славяне называли преимущественно льва. Кости льва найдены на трипольских и античных поселениях Северного Причерноморья. Присмотримся поэтому: нет ли в культе льва у славян иранских **элементов**, как и в случае с богами?

«Отреченная» книга «Чаровник» (известная лишь по списку запретных книг XVII в.) среди животных, которыми оборачиваются чародеи, упоминает и «лютого зверя» (льва). Вера в оборотней восходит к тотемизму. Одно из полабских племен носило гордое имя лютичей — «сынов льва». Но тотемизм — религия первобытных охотников, далеких предков славян и иранцев. Другое дело — представления о связи льва со стихиями, жизненно важными для земледельца и скотовода.

Вспомним украинскую легенду о золотом сияющем человеке и трех львах, солнечных коней с когтями вместо копыт из Мартыновского клада. Среди фигурок из Велестино есть изображение льва с косым крестом — знаком солнца — на бедре. Солярный знак — спираль — обычно изображается на бедрах львов владимиро-суздальских белокаменных рельефов. На русальном браслете из Киева льва сопровождает двойной косой крест (символ праздника Купалы). На серебряном браслете XII в. из Чернигова маски львов и львиц сочетаются с солярными знаками.

«Коньками смоленского типа» археологи называют фигурки-амулеты XI—XII вв. с конскими мордами и копытами, но с лапами, согнутыми назад (как у хищников),

и длинными «кошачьими» хвостами; тела их покрыты солярными знаками. Подобно антским фигуркам, они сочетают черты двух солнечных зверей — коня и льва. Кони-львы известны и в русской вышивке.

Другая фигурка льва из Велестино острыми ушами и длинными челюстями напоминает скорее собаку, а тонким хвостиком — свинью. У мартыновских коней хвосты также «свиные», а у еще одной велестинской фигурки льва — хвост собаки. В велестинской коллекции есть и две фигурки собак, одна из которых держит поросенка, другая — человеческое дитя. Это заставляет вспомнить славяно-иранский миф о собаке — матери солнечного бога (*см. выше*) и славяно-германский обычай жертвоприношения свиньи на Рождество (день рождения Солнца) и Новый год («кесаретский поросенок»). Конь, лев, собака, свинья — все они олицетворяли солнце, и потому черты их сливались в образах священных чудо-зверей.

В Иране изображения льва с солярными знаками на бедре или плече известны с раннего железного века до постсасанидского времени (VIII—IX вв.). На одной сасанидской гемме — лев и косой крест. В митраизме лев — спутник Митры и символ солярно-огненного начала. Лев и солнце — эмблема средневековых владык Ирана и последних его шахов (Каджаров и Пехлеви). Представления о связи льва с солнцем и изображения его с солярными знаками на теле свойственны также Ближнему Востоку (от Египта до Элама) и античной Греции.

Львы с солярными розетками на плечах изображены на ножнах скифских мечей из Келермеса и Мельгуновского кургана, львы рядом с солярными знаками — на ножнах меча и бляшке из Феттерсфельде на Одере (сюда доходили скифы в своих походах). К мартыновским и велестинским изображениям близки аланские бронзовые фигурки львов с волчьими (собачьими) головами (VI—VII вв.). На фигурке из Камунты нанесены солярные знаки, а фигурка из Преградной найдена вместе с изображением пляшущего бога, близким к мартыновским.

Но лев у славян связан и с подземным миром, плодородной землей и ее богиней. В святилище Великой Богини на Почепском селище I—II вв. найдена египетская бирюзовая фигурка льва, готовящегося к прыжку. Бронзовая подвеска в виде льва в той же позе, с треугольником (символом земли) на боку, происходит с селища Черепин II—V вв. Фигурка прыгающего льва с ромбом (символом плодородия и земли) на бедре найдена на антском селище на о. Мытковском.

На уже упомянутом черниговском браслете XII в. и русальном браслете XII—XIII вв. из Городища соседствуют львиные маски, символы засеянного поля (четырехчастные ромбы) и растений. На южных вратах Рождественского собора в Суздале (XIII в.) львы изображены в самом низу, ниже божеств земной почвы — крылатых псов-симарглов. В русской сказке царь-лев имеет, подобно подземному Вию, огромные веки. На древне-

русских браслетах и рельефах лев часто изображается с «процветшим» хвостом — так же, как в искусстве Венгрии, Болгарии и Ирана X—XI вв. Это, однако, не было простым подражанием иноземному: с такими же хвостами в Древней Руси изображались грифоны, симарглы, драконы, пардусы (волки-барсы), птицы.

На вышивке XII в. из Михайловского монастыря в Киеве сочетаются лев и «ромб с крючками» (общеземледельческий символ плодоносящей земли и ее богини). На русских вышивках XIX—XX вв. лев нередко стоит перед деревом (иногда он прыгает). В очертаниях дерева прослеживается фигура змееногой богини. На одной вышивке богиня-оранта стоит между двух вздыбленных львов или барсов. А на древнерусских змеевиках змеевидные конечности богини нередко оканчиваются головами львов. На стенах церкви Рождества Богородицы в Боголюбове (XII в.) сочетаются женские головки (изображающие юную Деву Марию) и львиные маски, а на иконах XV в. Богоматерь сидит на фоне здания, украшенного изображениями львов. На русальном браслете из Старой Рязани рядом с плясуньей-русальницей — львиная маска.

В русской деревянной резьбе рядом изображаются лев и берегиня (полуженщина-полурыба). Иногда последняя живо напоминает скифо-славянскую змеедеву: крылатое змееногое существо с лапами хищника вместо рук и мордой львицы. Берегиней могла зваться и сама

Великая Богиня земли и воды (древнерусск. «перегыня» (земля)).

В мифологии Ирана, Передней и Средней Азии, Греции лев — обычный спутник Великой Богини (Анахиты, Нанайи, Реи, Кибелы и др.). На ножнах келермесского меча львы стерегут «ромб с крючками», а на рельефе из Херсонеса крылатый лев стоит перед змеедевой. Головами львов (в т. ч. рогатых) иногда кончаются змеевидные ноги скифской богини или змеи, растущие из ее плеч. Образ богини с двумя львами или барсами хорошо известен в искусстве Луристана, Греции, Скифии. В скифском искусстве хищники, особенно львы, символизируют подземный мир — мир смерти (например, на пекторали из Толстой Могилы). На аланской фигурке льва из Камунты нанесен знак земли — треугольник.

Итак, древний образ льва приобрел в славянской мифологии солярную и хтоническую окраску, связь с богом Солнца и Великой Богиней. И произошло это, скорее всего, под скифским влиянием. Изображения льва были очень популярны в Скифии (в т. ч. лесостепной). Но не были ли эти черты общеиндоевропейскими? Ведь древние индоевропейцы, по данным лингвистики, знали льва. У индийцев можно найти и солярного льва (четыре льва над солнечным колесом на знаменитой колонне Ашоки), и богиню на льве (Дурга). Но в мифологии германцев, балтов, кельтов лев в таких ролях не встречается.

В то же время данные мотивы известны, помимо греков и индоиранцев, земледельческим народам Ближнего Востока. Так, в Египте лев связан с солнечными богами (Ра, Гором) и рядом богинь (Сехмет, Тефнут и др.). Изображения львов с солярными знаками на теле известны в Месопотамии, Сирии, Палестине, Египте, Малой Азии. Львы были посвящены Иштар и Кибеле, а в Малой Азии образ богини с кошачьими хищниками восходит к неолиту. Скорее всего, этот комплекс представлений, связанных со львом, сформировался именно в этом регионе и был усвоен наиболее тесно связанной с ним частью индоевропейцев (греки, хетты, индоиранцы). Славяне же могли его воспринять не только через иранцев, но и от греков, римлян, ближневосточных народов. Праславяне еще со скифского времени поддерживали прямые связи с античным миром, а в скифо-киммерийских походах на Ближний Восток участвовали и обитатели Лесостепи.

В русской сказке Иван-царевич (языческий Даждьбог) сражается верхом на льве с «нечистым духом» и Кощеем. В армянских мифах бог Солнца Арэв бьется со своими врагами верхом на льве, держащем в лапах меч. Этот образ явно напоминает эмблему последних шахов Ирана: лев с саблей в лапе и солнце. В польский средневековый герб «Лада» входит золотой лев с мечом в лапах. Польский хронист XV в. Длугош говорит о связи этого герба с божеством Лада, которое он называет то богом войны, то богиней.

Золотой лев с мечом есть и в другом польском гербе — «Венява», в основе которого — черная голова зубра на желтом щите, что очень напоминает герб герцогов Мекленбургских (потомков славянских бодрических князей): черная бычья голова на золотом щите. Согласно хронике Бото, щит с черной головой быка был атрибутом Радигоста. Вполне вероятно, что Радигосту — Даждьбогу соответствует польский Лада. Помощник римского Митры-быкоубийцы, бога воинов-легионеров — лев.

Женская же ипостась Лады заставляет вспомнить, во-первых, Геродота, отождествлявшего Митру с Афродитой Уранией, во-вторых, индийскую Дургу, верхом на льве сражающуюся с демоном-быком Махишей. Оружие Митры — кинжал (или меч: Яшт X, 181), и львов Арэва и Лады — меч, а на хеттском рельефе в Язылыкая изображен бог, тело которого представляет собой меч и в то же время включает в себя тела четырех львов (вспомним четырех солнечных львов колонны Ашоки). Возможно, миф о боге Солнца, имеющем три ипостаси (бог, богиня, лев), вооруженном мечом и убивающем быка — общеиндоиранский, заимствованный как славянами, так и, отчасти, хеттами и армянами. В то же время у скифов и сарматов не встречаются изображения бога на льве или льва с мечом. Поэтому данный миф мог проникнуть к славянам еще от «срубников» или киммерийцев.

В древнерусском и русском народном искусстве лев выглядит величественным и в то же время добрым, даже

забавным. Это не удивительно: ведь грозный хищник воплощал солнце и плодородную землю — наиболее любимые и чтимые земледельцем-язычником силы природы.

Грифон. Образ грифона впервые появился в искусстве Месопотамии и Элама III тыс. до н. э. и затем распространился в Сирии, Египте, Малой Азии, ахеменидском Иране, микенской и классической Греции. В ахеменидском искусстве грифоны попарно стерегут крылатый солнечный диск или древо жизни: на одном рельефе грифон изображен с процветшими хвостом, лапой и крылом. Грифоны с процветшими хвостами встречаются позднее в сасанидском искусстве и в росписях Варахши под Бухарой (VII—VIII вв.). На сасанидских геммах грифонов сопровождают астральные знаки (звезда, полумесяц). Грифон, таким образом, связан с солярным (световым) и вегетативным началами.

Греки изображали Аполлона летящим в Гиперборею на колеснице, запряженной грифонами. На сасанидском блюде Митра, летящий на двух грифонах, вручает царю кольцо — знак власти. Согласно Филострату, биографу Аполлония Тианского, в Индии бог Солнца представлялся на запряженной грифонами колеснице. Это, вероятно, Сурья, отождествлявшийся индийцами с Михирой — иранским Митрой.

К скифам (степным и лесостепным) образ грифона проникает уже в эпоху ближневосточных походов VII—VI вв. до н. э. Грифоны есть и среди зверей — стражей

древа жизни на пекторали из Зивие, и среди чудищ-лучников на ножнах келермесского и мельгуновского мечей. Эти великолепные золотые изделия изготовляли для скифских царей урартские или мидийские мастера. Тогда же у скифов распространился образ грифобарана (голова орла с бараньими рогами). Такое сочетание не случайно: у иранцев хварн (солярно-огненное воплощение удачи и царской власти) является в виде барана или хищной птицы. Часто встречается грифон (и грифобаран) на скифских навершиях, в том числе и лесостепных. На навершиях и медальонах изображался всадник на грифоне, охотящийся на оленя. Это Гойтосир (Аполлон Гиперборейский) (*см. выше*).

Глиняные фигурки грифонов найдены при раскопках Бельского городища (Гелона) на Ворскле, где господствовал аграрный культ плодородия. На пекторали из Толстой Могилы грифоны находятся (вместе со львами и барсами) в подземном мире, на серебряной амфоре из Чертомлыка — в небесном, но в обоих случаях они терзают копытных (коней, оленя). У скифов хищный птицезверь грифон связан одновременно с небесным и подземным мирами. Оба эти мира для скифа были потусторонним царством смерти, противоположным земному миру жизни. В сохраненной Геродотом легенде грифоны обитают на Крайнем Севере и стерегут подземное золото и путь к Рипейским горам, в Гиперборею — царство Аполлона. Они, таким образом, вместе с аримаспами

(вайюгами) охраняют загробный мир, находящийся под землей и одновременно — на Крайнем Севере. Другие античные авторы помещали стерегущих золото грифов в Индии. У греков грифон — агрессивное и смертоносное существо, связанное с Аполлоном и божествами плодородия и любви (Дионисом, Артемидой, Афродитой и др.).

После скифской эпохи изображения грифонов у восточных славян исчезают и снова появляются лишь в VI—VII вв.— на поясных бляшках из антского клада в Ольховчике на Роси. Здесь две разнообращенные протомы грифонов образуют знакомого нам «тянитолкая». На знаменитом роге из Черной Могилы (X в.) изображены два разнообращенных грифона. Из их смыкающихся крыльев вырастает хмель — символ плодородия. Это напоминает конский нащечник из скифского Краснокутского кургана: «тянитолкай» из двух грифонов с растением между ними. Еще два растения выходят из клювов.

Подобная композиция (растение, вырастающее из хвостов или крыльев двух грифонов) известна в византийском и романском искусстве XII в., в сербском искусстве XIV в. На рельефах Дмитриевского собора во Владимире (XII в.) в сходной композиции вместо грифонов выступают птицы, а на суздальских вратах XII в.— орлы. Чудесные звери и птицы не просто стерегут древо жизни: они сами исполнены его плодородной силы, и потому достойны поклонения.

Черниговский рог был священным сосудом языческого князя-жреца. Но и два-три века спустя (в эпоху «Слова о полку Игореве» и «Младшей Эдды») языческие мотивы пронизывали христианское искусство, хотя и превращались постепенно в декоративные.

Само расположение грифонов или их протом наводит на мысль об иной композиции, где они несут на себе божество, как кони, олени или птицы,— Великую Богиню. Действительно, на болгарской диадеме X в. из Преславы разнообращенные грифоны, запряженные в колесницу, несут на небо Александра Македонского. Такая же сцена (но с корзиной вместо колесницы) изображена на диадеме XII в. из Сахновки и рельефах Дмитриевского собора.

Легенда о полете Александра на больших птицах восходит к популярному в древности и средневековье роману о нем Псевдо-Каллисфена. В византийской литературе и искусстве с X в. птиц в этой сцене заменили грифоны; колесница же появилась под влиянием античной колесницы Гелиоса (или того же Аполлона Гиперборейского). В X—XII вв. этот сюжет широко распространился в искусстве Запада и Востока.

Но в изображениях на диадемах прослеживаются и славянские языческие элементы. На боковых щитках преславской диадемы — языческие симарглы, грифоны и крылатый барс. В руках у Александра на сахновской диадеме — жезлы с растительными знаками. Символами плодоносящих растений отмечены на ней и крылья грифо-

нов, а также все боковые щитки. На киевской диадеме XIII в. Александр заменен Христом (в христианской символике отождествляемым со светом и солнцем), а на боковых щитках — святые. По мнению Б. А. Рыбакова, здесь за Александром скрывается славянский Даждьбог. Об иранских истоках этого мотива у славян говорит не только связь грифонов с Аполлоном-Гойтосиром, но и сасанидское изображение Митры на грифонах. А в искусстве Ахеменидов Ахура-Мазда летит на крылатом диске; при этом представлена лишь верхняя половина тела бога (как и у Александра на диадеме).

Напомним, что в ахеменидском искусстве крылатый солнечный диск стерегут два грифона. На фреске XI в. из Софии Киевской между двумя грифонами — колесо с восемью спицами: то ли солярный символ, то ли монограмма Христа. У средневековых христиан грифон символизировал Христа, а Христос символически был связан со светом и солнцем. Грифоны изображались и на древнерусских хоросах — церковных светильниках-люстрах, символизирующих солнце (само слово «хорос» недавним язычникам напоминало имя Хорса). В древнерусском апокрифе «грипусы» кропят восходящее солнце морской водой.

В восточнославянских сказках герой летит в «тридесятое царство» (т. е. в «иной», потусторонний мир) или возносится из подземного мира в земной на гигантской птице, иногда именуемой «Моголь» или «Гриб» (гриф), что напоминает древнерус. «ног», «ногуй», «грипп» (гри-

фон). Герой этот — либо младший брат в сказке «Три царства», либо Иван-царевич — враг Кощея, либо еще какой-нибудь Иван. То есть это тот же Даждьбог-Солнце, летящий, как у скифов, на грифоне. Вспомним также всадника на грифоне салтовских солярных амулетов.

На древнерусских подвесках-колтах из хвостов двух разнообращенных грифонов вырастает плетенка (символ воды) или растения. Тела грифонов на сахновской диадеме покрыты вертикальными зигзагами — символами дождя. На русальных браслетах грифоны изображаются с процветшими хвостами и крыльями, на матрице для штамповки украшений из Канева — с символами засеянного поля (четырехчастными квадратами) на груди. На владимиро-суздальских рельефах грифоны, подобно львам,— обычно с солярными спиралями на бедрах и процветшими хвостами. На суздальских вратах грифоны и лев с процветшими хвостами и ростками на теле изображены ниже симарглов (божеств земной почвы), т. е. в подземном мире.

Итак, у славян, как и у иранцев, грифон связан с солнцем, землей (подземным миром), растительностью. Сходны с иранскими и конкретные образы: грифоны у древа жизни, полет бога Солнца на одном или двух грифонах. Не прослеживается у иранцев лишь связь грифона с дождем. Однако в Индии гигантская птица (птицечеловек) Гаруда — не только воплощение Солнца и ездовое животное бога Солнца Вишну, но и похититель

амриты — напитка бессмертия. В Ригведе ему соответствует хищная птица, похитившая сому для громовника Индры. Изображение Гаруды (голова человека с птичьим клювом) есть среди глиняных фигурок с Бельского городища.

Но скифский (и греческий) грифон — также и злое, смертоносное существо. Был он таким и у славян. Еще одно древнерусское название грифона — «див». В «Слове о полку Игореве» див появляется дважды: среди недобрых знамений при выступлении войска Игоря («Збися див, кличет верху древа, велит послушати земле незнаеме») и в связи с вторжением половцев на Русь («Уже бо тресну хула на хвалу, уже див свержеся на землю»). Вспоминаются скифские навершия (символы мирового дерева), на которых восседает бьющий крыльями грифон. Но див в «Слове» — существо зловещее, несущее «хулу», гибель и опустошение. Украинцы в XIX в. кляли друг друга: «Щоб тебе Чорний бог убив, щоб на тебе див прийшов!»

Солнце несло земледельцу и скотоводу не только свет и жизнь, но и смертоносную засуху. В землю-матушку не только сеяли зерно, но и зарывали покойников. Отсюда и неоднозначное отношение славян и иранцев к солнечному и подземному диво-зверю грифону.

Образ грифона, родившийся в Месопотамии, проник в Иран и к скифам в VII—VI вв. до н. э., наслоившись на более древний индоиранский образ гигантской

хищной птицы, связанной с солнцем и небесным напитком. Славяне же, очевидно, усвоили его в скифскую эпоху, когда изображения грифона распространились и в Лесостепи.

Симаргл и дракон. О восточнославянском божестве Симаргле из летописей и антиязыческих поучений не известно ничего, кроме имени (иные переписчики даже «раздвоили» его на Сима и Рыгла). Не иранский ли это чудо-зверь сэнмурв-симург?

Образ сэнмурва имеет индоиранские истоки. В Ригведе птица, похитившая сому, именуется «шьена» — «орел», «сокол», «ястреб». В послеведической традиции ей соответствует Гаруда, а в иранской — птица саена (авест. Saeno., пехл. Senmur, перс. Simurg). В зороастрийской мифологии саена-сэнмурв — гигантская птица, стерегущая древо жизни. Она стряхивает с него семена всех растений, и те разлетаются по свету. Саена имеет тройную природу (собаки, птицы и мускусного животного), обладает зубами и молочными железами, живет в пещере и ведет ночной образ жизни. Она создана первой из птиц и связана с потусторонним (духовным) миром.

В «Шах-наме» Фирдоуси Симург — огромная птица, живущая на мировой горе Альбурс, царь птиц, воспитатель Заля и покровитель Рустама. Но в поэме фигурирует и другой, злой Симург, побежденный богатырем Исфендиаром. В сказках иранских народов (курдов, таджиков, памирцев, белуджей) Симург вы-

носит героя из подземного мира в земной. В армянской сказке ту же роль играет птица «синама», в грузинской сказке — птица «пашгунд», в грузинском и осетинском эпосе об Амирани — птица «пасконджи». В грузинском литературном языке «паскунджи» — «грифон», в армянском «паскуч (паскудж)» — «гриф», «симург». Напомним: «солнцелобый» Амирани соответствует Даждьбогу-Колаксаю. В сказках данного типа эта птица обычно враждует со змеем (от которого герой и спасает ее птенцов). Индийский Гаруда — враг змеев-нагов, а на средневековых иранских клинках изображалась схватка Симурга с драконом. Миф о борьбе орла и змеи — общечеловеческий, и символизирует он противоположность верхнего и нижнего миров.

В сасанидском и постсасанидском искусстве сэнмурв изображается с головой, парой лап и хвостом собаки, крыльями птицы и чешуей змеи (или рыбы), иногда с козлиной бородкой, с ростками на хвосте и плече или с процветшим языком. В VIII—XIII вв. этот образ не только сохранился на Востоке, но и проник в искусство Западной Европы и Балкан. На фресках Пенджикента спутник Рустама — сэнмурв с головой льва (хотя у Фирдоуси Симург — просто огромная птица). На болгарских серебряных сосудах IX в. из Надь-Сент-Миклошского клада изображены сэнмурвы с головами барсов, львиных и орлиных грифонов, иногда с конскими или бычьими ногами и всегда — с процветшими хвостами. Словом, сэнмурв сочетает черты жи-

вотных всех трех миров: небесного (птица), земного (собака, козел и др.) и подземно-подводного (змея, рыба). Недаром он обитает на мировом дереве или мировой горе.

В скифском искусстве подобные существа изображены на ножнах меча из Елизаветовского могильника, конском налобнике из Волковцев (на Суле) и бляхе из Семибратних курганов. У всех них — лапы хищника (всегда только две), крылья и чешуйчатый хвост. Первое существо, имеющее голову грифона и хвост рыбы, борется со змеей. Второе наделено семью собачьими (или волчьими) головами, длинным чешуйчатым телом и рыбьим хвостом. Третье имеет голову собаки или волка, длинную бородку, крыло в виде головы грифона и змеиный хвост с головой утки на конце. На навершиях из Краснокутского кургана и Одессы, бляхах из Луговой Могилы и Большой Близницы изображен «грифон-гиппокамп» с головой и лапами собаки или волка, шейным гребнем грифона, крыльями, змеиным телом и хвостом рыбы. Это существо терзает кошачьего хищника или оленя.

На волковецком налобнике представлен скорее семиглавый дракон с чертами сэнмурва. Ему здесь противостоит маска человека-льва. Это напоминает сцену на чаше IX в. до н. э. из Хасанлу в Иране: герой в львиной шкуре сражается с драконом о трех собачьих головах. Многоголовость и черты змеи, собаки, волка в индоевропейских мифах свойственны чудовищам (Ажи-

дахака, Кербер, волк Фенрир и т. д.). Львиную шкуру носит Геракл (греческий и скифский), одежду из шкуры барса (тигра) — Рустам. А злого Симурга побеждает у Фирдоуси Исфендиар, чьи подвиги во многом дублируют подвиги Рустама.

В остальных же случаях, видимо, изображен добрый Симург (на елизаветовских ножнах — змееборец, подобно Гаруде и иранскому Симургу). Вряд ли ведь скифы стали бы изображать на своем оружии или ритуальных предметах воплощения зла, не встречающего отпора добрых сил.

Глиняные фигурки крылатой собаки (сэнмурва) и птицечеловека (Гаруды) найдены на Бельском городище. А изображения летающих небесных собак, охраняющих древо жизни, известны еще в трипольской культуре. Вероятно, образ собаки-птицы восходит к общеиндоевропейской эпохе, а образ птицечеловека — к общеиндоиранской.

У скифов образы сэнмурва, грифона и дракона как бы переходят друг в друга. Это не прихоть художника. Все эти существа — космические медиаторы: они связаны с тремя (или хотя бы с двумя) вертикальными мирами. В скифской космологии хищные птицы символизируют верхний мир, копытные животные — средний, хищники — нижний. У скифских же чудо-зверей, описанных выше, есть черты существ верхнего и нижнего, но не среднего мира (не считая козлиной бородки у семибратненского сэнмурва). Это говорит

об их связи с потусторонним, загробным миром (небесным и подземно-подводным), противопоставляемым земному миру жизни. Именно с потусторонним (духовным) миром связан зороастрийский сэнмурв (саена).

В античной традиции грифоны иногда имеют черты волка или собаки: они — безгласные псы Зевса (Эсхил), величиной с волка (Ктесий) или с волчьим туловищем (Филострат). Грифоны с чертами собак есть в древнем и средневековом искусстве Средней Азии (Амударьинский клад, гемма из Термеза, фрески Варахши). Крылатые собаки встречаются в легендах Средней Азии, Алтая и Хакасии. Легенды эти могут восходить к скифской эпохе, учитывая близость образов грифона и волка в скифо-сибирском искусстве. Это подтверждает, что образ собаки-птицы — не только общескифосакский, но и общеиндоевропейский (или, возможно, общегрекоарийский).

На шее и плечах семибратненского сэнмурва — солярные спирали. Солнечные черты сэнмурва и грифа не случайны: ведь солнце, как и эти существа,— космический медиатор. Согласно восходящим к бронзовому веку представлениям, оно днем пребывает на небе, а ночью — в нижнем мире.

В славянском мире изображения сэнмурва — Симаргла впервые появляются на уже упомянутой преславской диадеме X в. Симарглы с головами барсов сопро-

вождают здесь (вместе с грифонами и крылатыми барсами) летящего на грифонах Александра (Даждьбога). Особенно часто встречается Симаргл на колтах и русальных браслетах XII—XIII вв. В этих украшениях плясали на языческих русалиях княжны и боярышни. Хвост, крылья, язык Симаргла изображаются здесь процветшими или перерастают в растительную плетенку. Иногда он имеет голову грифона или барса.

Несмотря на свои крылья, древнерусский Симаргл связан не с небом, а с плодородной почвой. На браслете из Твери, на сербских и украинских книжных миниатюрах XIII—XVI вв. симарглы находятся у корней древа жизни, вырастающего из их тел. На металлической арке XII в. из Вщижа они изображены ниже птиц, символизировавших движение солнца, и выше ящеров — хозяев нижнего мира. На суздальских вратах симарглы — также внизу (но выше льва и грифона).

На браслете из Старой Рязани хвосты симарглов перерастают в древесные корни. А на тверском браслете Симаргл вырастает из земли подобно дереву. За крыло его держит плясунья-русальница с рогом в руке. Это позволило Б. А. Рыбакову отождествить его с загадочным богом Переплутом, поклонники которого, вертясь в танце, пили из рогов. Переплута исследователь усматривает и в изображениях птиц с мужскими головами в колпачках. На браслетах тела их, как и у симарглов, перерастают в корни или растительную плетенку. На ре-

льефах Георгиевского собора XIII в. в Юрьеве-Польском эти существа представлены со спиралями на груди и процветшими хвостами.

С солнечными спиралями на крыльях и чешуйчатыми телами, подобно семибратненскому сэнмурву, изображены симарглы на суздальских вратах. Сэнмурвы со спиралями на крыльях известны и в венгерском искусстве X в. А на крыльях «переплутов» на старорязанском браслете — солнечные косые кресты. Эта связь Симаргла одновременно с землей, растительностью и солнцем заставляет вспомнить отождествление античного Диониса с подземным солнцем. А в Бельске-Гелоне, где найдена фигурка крылатого пса, ираноязычные будино-гелоны почитали бога плодородия — «Диониса Гелонского».

В древнерусском искусстве, как и в скифском, очень близки образы Симаргла-сэнмурва и дракона. В средневековом искусстве Запада и Руси дракон (например, на иконах св. Георгия) имеет собачью (волчью) голову, длинное тело змеи, крылья и пару лап хищника. Однако у собакоголового «дракона» на капители Борисоглебского собора XII в. в Чернигове процветший хвост перерастает в плетенку, как у симарглов на украшениях. У драконов на рельефах Георгиевского собора — процветшие хвосты и сплетенные узлом тела, иногда — бородка (как у семибратненского и сасанидских сэнмурвов). На суздальских вратах и у драконов, и у симарглов — чешуйчатые тела и собачьи головы; у драконов

также процветшие хвосты, иногда бородки, на крыльях — ростки или спирали.

Библейско-христианский дракон однозначно зол, как и общеиндоевропейский дракон — враг громовника. Славянский же дракон неоднозначен. В южнославянском фольклоре добрые драконы-громовники (огненные змеи) борются со злыми — водными (ламиями). На древнерусских хорогах, символизирующих солнце, наряду с грифонами изображаются драконы, а на ростовских резных наличниках XIX в. собакоголовые драконы охраняют солярный знак. Среди чудо-зверей георгиевских рельефов есть «грифозмей». У него передняя часть тела грифона, две лапы, процветший змеиный хвост, на груди — солнечная спираль. Он напоминает скифского «грифона-гиппокампа», также солярного: этот зверь изображался на навершиях, там же, где в других случаях выступает Аполлон-Гойтосир, грифон или просто солярный знак.

Впору спросить: как же церковнослужители мирились с «языческой мерзостью» на стенах соборов, на церковной утвари и княжеских венцах? А что им еще оставалось в стране, где в лесах над Збручем по-прежнему скрывались языческие священные городки? Как показали раскопки, Збручский идол до самого татарского нашествия стоял в одном из них, и ему приносились жертвы, включая человеческие. Даже среди крещеных русичей большинство составляли «двоеверно живущие»,

почитавшие Христа наравне с Перуном. «И не токмо невежи то творят, но и вежи попове и книжници»,— возмущался древнерусский проповедник.

И это не было «конспирацией». Язычник не видел греха в том, чтобы к своим богам добавить греческого Христа и его святых либо отождествить чужих богов со своими. (Другое дело — вовсе отречься от отеческих богов.) Вот и становился собор похожим на языческий храм. Но это хотя бы привлекало туда верующих. Церковники понимали: религия, неавторитетная в народе, станет ненужной правящему классу. А «неистовых ревнителей» (требовавших, например, поститься в дни языческих праздников) князья порой сгоняли с епископских кафедр.

Итак, уже в общеиндоевропейской (или греко-арийской) мифологии было крылатое существо — космический медиатор и змееборец, связанный с силой плодородия (напиток или растение бессмертия, древо жизни). В общеиндоиранской мифологии оно выступало в трех образах — гигантской хищной птицы, крылатого пса и птицечеловека. У иранцев (и греков) это существо частично слилось с ближневосточным грифоном, у скифов — также с драконом. Отчасти слились у скифов и образы грифона и дракона. При этом древний крылатый персонаж у иранцев раздвоился на благого небесного змееборца и злое небесное или подземное чудовище.

К славянам от иранцев проникли позитивные образы крылатого змея, дракона и грифозмея, связанные с растительным плодородием и солнцем. Когда это произошло? Безусловно, задолго до X—XIII вв., когда эти образы материализовались у славян в серебре, золоте и камне. Сасанидские сэнмурвы, вероятно, повлияли на внешний облик славянских симарглов, но само имя (а значит, и образ) Симаргла заимствовано от северных иранцев (скифо-сарматское marg вместо персидского murg). Поскольку ни у сарматов и средневековых аланов (в т. ч. салтовских), ни у осетин крылатый пес не встречается, остается предположить, что славяне заимствовали Симаргла в скифское время. И скорее всего, от левобережных гелоно-будинов. На древнерусских украшениях грифоны чаще встречаются к западу от Днепра, а симарглы — к востоку.

При этом на славянской почве Симаргл сильно изменился: стал лишь божеством земной почвы, приобрел более человекоподобный облик и чисто славянское имя «Переплут». А благой солярный дракон и грифозмей, вероятнее всего, заимствованы славянами у степных скифов.

Двуглавый орел и гриф. Гербом единого Русского государства с XV в. стал византийский двуглавый орел. Но история и значение этого образа на Руси не сводится к подражанию «третьего Рима» «второму». Двуглавый орел известен у хеттов и в Месопотамии II тыс. до н. э.,

в Индии II в. до н. э., в XII—XIV вв.— у византийцев, болгар, сельджуков, испанских и иракских арабов, в Сванетии, Турфане, Золотой Орде, Франции, позже в Монголии, Тибете, у хантов. Ныне он — государственный герб России, Австрии, Албании.

На Руси двуглавый орел впервые появляется еще в языческих курганах Смоленщины — у сел Шиловцы (VIII—IX вв.) и Гнездово (X в.). В Болгарии — уже в X в. (рельеф из Старой Загоры). В Византии этот орел стал гербом лишь в 1043 г. Позже, в XII—XIV вв. он выступает (так же и как княжеская эмблема) на фресках церкви Спасана-Нередице (на одежде князя Ярослава Всеволодовича), на монетах Твери, в книжных миниатюрах, на рельефах Дмитриевского собора и суздальских вратах.

Не удивительна поэтому популярность двуглавого орла в русской вышивке. «Кабацкий» гербовый орел наложился здесь на древний образ Великой Богини, восседающей на «птичьей ладье» — двух сросшихся протомах птиц (лебедей, орлов, пав). Нередко двуглавый орел заменяет здесь богиню, или сам служит ей «ладьей», или несет богиню, прижав ее к груди. Точно так же несет богиню (Анахиту) гриф на сасанидском блюде и болгарском сосуде. А на хеттском рельефе из Язылы-Кая богиня стоит на двуглавом орле.

На Месопотамской печати II тыс. до н. э. двуглавый орел борется со змеями. Здесь, возможно, отразились верования митаннийских ариев: в средневековом

искусстве Монголии, Тибета и Турфана двуглавым изображается индийский Гаруда-змееборец. А в средневековой арабской и иранской литературе и живописи двуглавым орлом или грифом представляется гигантская птица Анка (соответствующая Гаруде и Симургу).

Гаруда несет на себе бога Солнца Вишну и его супругу, богиню счастья, любви и плодородия Шри-Лакшми; аватары их — Рама и Сита (славянские Даждьбог и Морана). Из лесостепной Скифии (Посулья и Поросья) происходят бляшки в виде солярного знака — креста с кругом в центре. Верхнюю лопасть креста заменяют две орлиные головы. Очевидно, и скифы считали двуглавого орла ездовым животным солнца.

На рельефе Дмитриевского собора безбородый мужчина с палицей в руке держит за крыло грифа. При этом он явно стремится не убить птицу, а сесть на нее верхом. На его сорочке вышит двойной косой крест — знак Купалы. Это напоминает вышитую крестиком рубаху антского Даждьбога (фигурки из Мартыновки и Велестино). А палица — атрибут того же Вишну и младшего брата в сказке «Три царства» (т. е. Даждьбога). Очевидно, славянский Даждьбог летал на грифе, как и на грифоне.

На иранском и болгарском сосудах богиню плодородия несет тот же гриф, а на вышивках — двуглавый орел. На рельефе Георгиевского собора из ствола древа жизни (растущего из хвостов двух птиц) вырастают

две пары орлиных голов. Дерево (образ, равнозначный Великой Богине) здесь сливается с двуглавым орлом.

На суздальских вратах изображен двуглавый орел с процветшим хвостом и спиралями на крыльях. А на фреске Палатинской капеллы в Палермо гриф с Солнцем и Луной на крыльях возносит на небо Александра.

Изображения птицы, несущей богиню, напоминают индоиранский миф о похищении сомы — амриты — и его греческое соответствие — миф о Ганимеде. Однако Сома (Хаома, Хом), воплощение чудесного напитка и растения,— персонаж мужской, как и Ганимед. Вообще чудесная птица — не похититель богини, а ее слуга и даже ипостась. Показательны в этом плане два изображения конца II — начала I тыс. до н. э. с Иранского нагорья. На бронзовом топоре из Бактрии божество с двумя орлиными головами держит кабана и льва. На золотом сосуде из Амлаша двух антилоп держит крылатая и змееногая (ноги кончаются лапами орла) богиня с двумя головами барса на длинных шеях. Перед нами — все та же Хозяйка Зверей, самое тело которой легко превращается, перерастает в тела животных.

Не является ли двуглавый орел, столь широко распространенный, общеиндоевропейским образом? В Европе (кроме Скифии) он не был известен вплоть до средневековья. Возможно потому, что хетты заимствовали его от своих соседей — митаннийских ариев, а сам этот образ — индоиранский, как и представление о двуглавом орле (грифе, птицечеловеке) — ездовом животном бо-

гини плодородия и бога Солнца. По сути, и двуглавый орел, и гриф — очередные воплощения мифологической птицы, выступавшей в образах Гаруды, сэнмурва, грифона.

К славянам образ двуглавого орла — ездового животного и воплощения бога Солнца и богини плодородия — попал, очевидно, не позже скифского времени (когда он появляется в Лесостепи). Образ грифа (выступающего в тех же ролях) также мог прийти к славянам от скифов (хотя у них, в отличие от азиатских саков и хуннов, изображался не гриф в целом виде, а лишь голова ушастого орла).

Золотая рыбка. В сказке «Три царства» три брата (соответствующие сыновьям Таргитая) часто рождаются от чудесной золотой рыбы, съеденной их матерью. В весьма близкой сказке «Бой на калиновом мосту» три героя так же рождаются от золотой рыбки, съеденной их матерями (царицей, служанкой и собакой). Б. А. Рыбаков видит в этой рыбке воплощение матери Таргитая (и его сыновей) — дочери Борисфена (т. е. нимфы-змеедевы), и связывает с ней скифскую золотую бляху в виде рыбы из Феттерсфельде. На ней, в частности, изображен бородатый речной бог (Борисфен?).

Золотой налобник-рыба происходит из кургана Солоха, а золотая рыба-сосуд — из Амударьинского клада, зарытого во II в. до н. э. жрецами храма Окса-Вахша. Этого речного бога почитали и саки, жертвовавшие

храму вещи в скифо-сакском зверином стиле. На теле феттерсфельдской рыбы изображены символы неба (хищная птица), земли (баран) и подводного мира (рыбы и речной бог). В один комплект с солохским налобником входят нащечники-крылья, а в гуннском или гунно-сарматском погребении в Концештах найдено изображение рыбы с головой хищной птицы. Золотая рыба, таким образом, воплощает все три вертикальных мира или хотя бы два из них. Подобно этому дети (внуки) змеедевы (Колаксай, Липоксай и Арпоксай) воплощают три яруса мироздания. В славянской же сказке три сына золотой рыбки представляют три сословия (*см. ниже*), т. е. весь социальный «космос».

Вот откуда происходит пушкинская Золотая Рыбка, способная наделить богатством и царской властью, но не властью над нижним, подводным миром. Ибо владычица его (как и остальных двух миров) — она, Великая Богиня в облике рыбы. Образ же этот, очевидно, был заимствован славянами от скифов вместе с мифом о Таргитае-Свароге и его роде.

Рарог. В чешских поверьях рарог (рарах, рарашек) — дух типа домового, притом — отнюдь не мирный домосед. Он летает в виде огненного змея, вихря, появляется в виде карлика, превращается в разных зверей и птиц, носит ведьмам послания черта. Его имя означает также хищную птицу — вид сокола (у чехов, словаков, поляков, украинцев, словенцев, хорватов, литовцев) или нечистую силу (у словаков, украинцев, по-

ляков). В русских заговорах огненный ветер (суховей) воплощает Страх-Рах. Чешский славист В. Махек сближает рарога с иранским Веретрагной, принимающим разные обличья, в том числе хищной птицы (авест. varagan) и ветра. Действительно, огненный змей и хищная птица (орел) — воплощения не только рарога, но и Перуна-громовника, которому и соответствует Веретрагна. Когда образ рарога — варэгана — проник к славянам от иранцев, неясно.

Борьба зверей и борьба людей со зверями. Сцены борьбы животных, столь характерные для скифо-сибирского искусства и искусства Ирана, у восточных славян появились лишь в XI—XIII вв. (фрески Софии Киевской, владимиро-суздальские рельефы, суздальские врата), у болгар — в IX—X вв. (сосуды из Надь-Сент-Миклоша, рельеф из Старой Загоры). Герои и сюжеты этих сцен у славян и иранцев, как правило, совпадают: орлиный грифон терзает оленя или льва, лев — оленя или лань, орел — зайца. Однако у славян репертуар беднее: среди жертв нет быка, козерога, кабана и т. д., среди нападающих хищников — львиного грифона, рогатого волка, тигра, грифа. Зато есть сцены, не имеющие прямых иранских соответствий: борьба грифона со слоном, льва или барса с драконом, грифона с медведем, дракона с ланью. К тому же ареал сцен терзания охватывает, помимо иранского и славянского миров, также Месопотамию, Финикию, античную Гре-

цию, Византию, средневековый Дагестан и Армению, Западную Европу (романское искусство).

Так означает ли сходство композиции этих сцен сходство их значения? И что вообще означают такие сцены у иранцев?

В иранском мире сцены терзания освящали царскую власть. У скифов они чаще всего изображались на предметах из царских погребений — оружии, украшениях, ритуальных сосудах. В Персеполе сцены терзания львом быка входят в комплекс рельефов, изображающих чествование царя в день науруза — весеннего равноденствия, нового года. В соседней Месопотамии терзание львом быка или оленя символизировало закат созвездий Быка (Плеяды) и Оленя (Кассиопея) и восход созвездия Льва. В Иране эпохи Ахеменидов эта констелляция приходилась на 28 марта, и потому такие сцены стали здесь символом науруза — главного царского праздника.

Но иранцы не просто использовали чужую астрологическую символику. Как показали исследования Д. С. Раевского, у скифов была своя, «звериная», модель мира. В ней хищная птица символизировала верхний мир, копытные — средний, кошачьи хищники, живущие в норах и пещерах,— нижний. Верхний и нижний миры противостоят среднему как потусторонние миры смерти. Не случайно сцены терзания изображались над сценами земной жизни (Чертомлыцкая амфора) или под ними (пектораль из Толстой Могилы).

Представления о том, что материальный мир — зло, а потусторонний, духовный — благо, свойственно философам и богословам цивилизованного общества, где жизнь относительно безопасна, зато исполнена социальных пороков. А для варвара-скифа благом была земная жизнь с ее трудами и радостями. Именно потому, что потерять ее в скифской степи было гораздо легче, чем в каменном городе. А иной, загробный мир? Да, он священен, исполнен могучих божественных сил. Но и страшен, смертоносен. Потому его олицетворяют хищные зверобоги, терзающие мирных копытных,— воплощение земного мира.

Но терзание это — не просто смерть, а «благое терзание», жертвоприношение, залог возрождения жизни, а значит — обилия скота и растительности в земном мире. Ярче всего это выступает на пекторали из Толстой Могилы: сцены скотоводческого изобилия, ниже — пышная растительность, еще ниже — хищники (грифоны, львы, барсы), нападающие на коней, кабана и оленя (именно эти животные были принесены в жертву на похоронах царя). Поскольку же на пекторали — царском украшении — изображена весна (скот с приплодом), то всю композицию можно связать с наурузом — весенним царским праздником.

«Благое терзание» имело у иранцев и космогонический смысл. Науруз — праздник Нового года и весеннего равноденствия. В мифологическом мышлении на-

чало нового года соотносится с созданием или обновлением мира. На митраистских рельефах из тела быка, убиваемого Митрой, вырастает колос пшеницы; рядом нередко изображается лев с головой быка (барана, кабана) в лапах. В зороастрийском «Бундахишне» первозданного быка убивает не Митра, а Ахриман, после чего из тела быка возникают все растения и животные. Археолог Ю. А. Рапопорт по изображению на хорезмийском сосуде IV в. до н. э. восстановил миф о двух мировых птицах — огненной (грифоне) и водяной (утке): из тела утки, растерзанной грифоном, возник мир. В зороастризме им соответствуют птицы саена-сэнмурв (хищная) и каршипта (водоплавающая). Первая связана с духовным, вторая — с материальным миром. Кроме того, как уже сказано, сцены нападения хищной птицы на водоплавающую или барса на кабана могут символизировать борьбу громовника с солнцем.

Борьба двух (даже благих) начал ведет к страданиям и смерти, но из этой смерти рождается новая жизнь. Такова жестокая, но оптимистическая диалектика первобытного мифа.

На костяных пластинках VII в. до н. э. из погребения знатного скифа-пахаря в Жаботине изображено столкновение семейства лосей с орлами, причем перевес явно на стороне лосей, отмеченных солярными знаками (ромб с лучами, косой крест). По мнению Б. А. Рыбакова, эта сцена символизирует борьбу лесостепных прасла-

вян со степными скифами (лесные лоси против степных орлов). При этом славяне «перевернули» скифскую знаковую систему: торжествуют не хищные птицы, а копытные.

Но дальнейшего развития это интересное явление не получило. На болгарских и древнерусских рельефах орлы и грифоны торжествуют над своими жертвами. Присмотримся, однако, внимательнее к этим жертвам. Считается, что на владимирских рельефах грифоны терзают ланей и львов, орлы — зайцев. Только у «ланей» передние ноги согнуты, как у хищников (или зайцев), «зайцы» же величиной не уступают орлам и иногда имеют львиный (кошачий) хвост. Очевидно, здесь, как и у антов, различные животные (олень, заяц, лев) символизировали одно и то же явление. Добавим, что на старозагорском рельефе грифон терзает слона, а на суздальских вратах — медведя.

Это напоминает сцены с «грифоном-гиппокампом» у скифов. Здесь жертва — существо с головой и шеей копытного и лапами хищника, или барс с длинной шеей оленя. В сценах же со всадником на грифоне жертва — либо олень, либо пятнистое существо с головой лани и лапами хищника.

Что же объединяет все эти сцены? Победитель крылат и принадлежит верхнему миру (орел, гриф, грифон), но может при этом иметь черты обитателей нижнего мира (змея, рыба). На суздальских вратах ланей атакуют драконы, собачьими головами напоминающие си-

марглов. Жертва же — существо среднего (олень, лань) либо нижнего (хищник) мира. Заяц, живущий в норе, связан с нижним миром. Этот же мир может воплощать и слон: народы Сибири и Севера, а также русские и эстонцы считали мамонта существом подземным или подводным. В русских духовных стихах его зовут Индриком-зверем. Это заставляет вспомнить индийского Индру, ездящего на белом слоне Айравате, и индийскую же макару — рыбу с головой слона, воплощение водной стихии. На фресках Варахши два грифона (либо грифон и дракон) нападают на воина, едущего на белом слоне.

Мотив борьбы грифона (грифа) и кошачьего хищника известен и далеко на востоке иранского мира. Петр I собрал свою великолепную Сибирскую коллекцию из золотых вещей скифо-сакской эпохи, награбленных кладоискателями в курганах казахских степей и предгорьев Алтая. Позднее археологи раскопали на Алтае курганы того же времени (Пазырык и др.). Золота здесь уже не было (постарались грабители), зато хорошо сохранились вещи того же стиля из дерева, кожи, войлока. Одни из этих курганов могли принадлежать сакам, другие — тохарам. Язык этого загадочного народа был близок к среднеевропейским, а культура — к североиранской. Во II в. до н. э. под натиском гуннов часть тохар ушла в Бактрию, где оставила богатейший царский могильник рубежа н. э. Тилля-тепе.

На одной из застежек Сибирской коллекции гриф и рогатый волк борются с тигром за тело коня-грифона.

На другой лев атакует грифа, напавшего на яка. На третьей грифон и рогатый волк терзают тигра с гривой льва. Сцены борьбы орлиного грифона со львиным (т. е. с рогатым львом) есть в пазырыкском искусстве. На ножнах кинжала из Тилля-тепе — целая цепочка чудо-зверей, нападающих друг на друга: орлиные грифоны — на крылатого барса и дракона; львиный грифон — на орлиного и т. д. Орлиный грифон и рогатый волк терзают пантеру на сарматской бляхе из Садового кургана. На сасанидской бронзовой пластине из Лувра лев и грифон схватились из-за тела газели.

Разобраться в этом кровавом хаосе помогают письменные и фольклорные источники. По Филострату, индийские грифоны (везущие колесницу Солнца) нападают на львов и превосходят силой слонов и драконов, уступая лишь тигру. В восточнославянских сказках птица Ногуй (т. е. грифон), несущая солярного героя, в полете питается гусями, лебедями, ягнятами, быками и лошадьми. На рельефе Дмитриевского собора Александр держит в руках двух собак или львят, чтобы кормить ими грифонов, на которых летит.

В русских сказках смерть Кощея таится в яйце, оно — в утке, та — в зайце, он — в каменном сундуке на дубе (мировом дереве). Иван-царевич (т. е. Даждьбог) добывает зайца, утку и яйцо с помощью соответственно волка, орла и щуки. То есть, чтобы освободить весь мир от власти подземного бога зимы и смерти, бог Солн-

ца прибегает к помощи животных всех трех вертикальных миров. Фигурка орла с лебедем в когтях есть в Сибирской коллекции, а сцены терзания грифоном водоплавающих птиц — в пазырыкском искусстве и на уже упомянутом хорезмийском сосуде.

Итак, грифон (гриф, орел) представляет небесное, солярное начало, а его противник (жертва) — земное, хтоническое, водное (иногда, возможно, грозовое, как в случае с Индриком-Айраватой). При этом противник — скорее не воплощение абсолютного зла (он не имеет уродливых, чудовищных черт), а необходимый компонент космоса. Терзание его — залог регулярного (весеннего) обновления мира. И науруз, и победа над Кощеем приурочены к началу весны. На суздальских вратах и грифон, и побежденный им медведь имеют на теле солнечные спирали, а на сасанидском сосуде солярными знаками отмечены и бык, и терзающий его лев. Тот же смысл, очевидно, имеют и сцены терзания львом оленя (на русских рельефах и вышивках, в скифском искусстве). Лев в данном случае представляет не хтоническое, а солярное начало.

На фреске Софии Киевской грифон борется со змеей. Грифон-змееборец известен в средневековом искусстве Византии, Балкан и Запада, а также на монетах суздальских князей. На сельджукском рельефе гриф держит в когтях двух змей. Христиане видели здесь борьбу Христа (грифон) с дьяволом, но языческие корни

сюжета гораздо глубже. Вспомним хотя бы скифского змееборца — грифона-сэнмурва.

Грифон-змееборец известен и античному искусству. Но сюжет борьбы льва со змеей или драконом появляется в Европе лишь в Средние века: на балканском серебряном блюде IX—X вв. и фреске палатинской капеллы. Фреска удивительно близка к сценам борьбы хищника (волка, тигра, вепреголового льва) со змеей (удавом) на застежках Сибирской коллекции и браслете того же стиля из Пакистана. На браслете плечо тигра отмечено солярным знаком (кружок с «крылом»). На хуннской бронзовой застежке два тигра сражаются с драконом. На суздальских вратах с драконами бьются лев и барс. В романе Кретьена де Труа «Ивэйн» (XII в.) и немецкой балладе о Генрихе Льве рыцарь помогает льву одолеть дракона.

Во всех этих сценах грифон или лев (часто заменяемый другими хищниками), видимо, также представляет небесное, солярное начало, а его противник — змей — хтоническое. И опять-таки, змея или, по крайней мере дракон здесь — не абсолютное зло! На суздальских вратах дракон, побежденный хищниками, имеет процветший хвост и росток или спираль на крыле, т. е. наделен благой солярной и растительной силой.

На рельефах церкви Покрова-на-Нерли и Дмитриевского собора грифон, в отличие от схваченной им лани, имеет спираль на бедре и процветший хвост. Орел

на дмитриевских рельефах также имеет на груди и бедре спираль, а его жертва (лань или заяц) — нет. Олень, изображенный на рельефах отдельно, несет на бедрах спирали, схваченный же львом — нет. Даже дракон, терзающий лань, на суздальских вратах изображен с процветшим хвостом. Очевидно, божественные хищники здесь наделены солярно-вегетативной благодатью, отсутствующей у их жертв-противников.

Это явление связано не столько со «звериной» космологией, сколько с освящением княжеской (царской) власти. Лань не только не сопротивляется грифону, но и с мольбой тянет к нему голову. Но тот и не смотрит на нее — его взгляд устремлен к восседающему на троне царю Давиду. В Персеполе лев, терзающий быка, входит в композицию, в центре которой — царь на троне, которому все народы империи несут дары в день науруза. А у скифо-саков сцены терзания изображались на парадных вещах царей и знатных воинов.

На золотых пластинах из Семибратних курганов крылатый бык терзает козла, орел — зайца, при этом пальметки на теле (под крылом) имеют только хищники. На аппликации из Пазырыка орлиный грифон, борющийся со львиным, отмечен солярным знаком (крылатым кружком). На фресках Варахши белых слонов атакуют грифоны с процветшими хвостами и дракон с ростком на крыле. Грифон с процветшим хвостом терзает оленя на болгарском сосуде из Надь-Сент-Мик-

лоша. На дагестанских рельефах XII—XIII вв. лев с процветшим хвостом борется с ящерицей, а на фресках Палатинской капеллы соколы со спиралями на бедрах терзают газель и оленя. Во всех этих случаях жертвы не отмечены никакими священными знаками.

Но на суздальских вратах иногда священными символами отмечены оба борющихся животных: лев и дракон, барс и дракон, грифон и медведь. С этим же мы сталкиваемся и в иранском мире. Солнечные (или лунно-солнечные) символы несут на себе и победитель и жертва в пазырыкском искусстве (лев и козерог, грифон и козерог, и др.), на вещах Сибирской коллекции (барс и лось, львиный грифон и лошадь), на скифском сосуде из Куль-Обы (львы, барс и олень), сасанидском сосуде (лев и бык). На дагестанских рельефах, современных древнерусским, спирали или ростки на теле имеют и лань, и схвативший ее лев или орел.

Наконец, у иранских народов (в пазырыкском и сасанидском искусстве, Сибирской коллекции) известны и такие композиции, где солнечным (или лунно-солнечным) знаком отмечена лишь жертва. Возможно, здесь отражен тот вариант мифа о космической охоте, где грозовое божество преследует солярное. Но именно этот вариант у славян не прослеживается, нет у них и подобных композиций.

Обратимся теперь к сценам борьбы человека с животными на дмитриевских рельефах. Здесь человек с па-

лицей борется со львом или грифом, лучник — с журавлями, воин с кинжалом либо человек-змей с мечом — с пардусом. «Пардусом» (гепардом) принято называть зверя с головой волка, кошачьим хвостом, пятнами-спиралями на теле, нередко с гривой. Он, таким образом, сочетает черты льва, волка и барса, что напоминает антские и аланские фигурки львов с волчьими (собачьими) головами и солярными чертами.

Процветший хвост и спирали на теле в этих сценах имеют пардусы и лев, а спираль на крыле — журавль. В то же время воин с палицей и лучник безбороды и длинноволосы, а рубаха у первого из них вышита косыми крестами, у второго — украшена спиралью. Как уже сказано, герой с палицей, оседлавший грифа,— Даждьбог — Гойтосир. Человек-змей также безбород и длинноволос, а лапы хищника и змеиный хвост с плавниками напоминают скифского «грифона-гиппокампа». Таким образом, и герой, и его противники — существа солнечные. Да и противники эти — кошачий хищник, водоплавающая птица — те же, что у грифона и других зооморфных воплощений солнечного бога.

Сцены борьбы человека со зверями и чудовищами уже в древней Месопотамии и (под ее влиянием) в ахеменидском искусстве освящали царскую власть. На рельефах Персеполя царь сражается со львиными и орлиными грифонами, на монетах — со львом, на мидийских

ножнах Амударьинского клада — охотится на львов. Любимой темой сасанидского искусства была охота царя.

Нередко подчеркивалось, что царь побеждает не просто сильных и опасных животных, а чудесные, солярные существа. На бронзовой пластине из погребения скифского царя VII в. до н. э. в Зивие на северо-западе Ирана герой или царь поражает мечом льва с солярным знаком на плече. На лекифе Ксенофанта представлена охота на орлиного и львиного грифонов, оленя и кабана. Сцену осеняют священные треножники Аполлона. Некоторые охотники носят имена персидских царей (Кир, Дарий). На сасанидских блюдах царь (иногда с нимбом) охотится на львов с солнечными знаками на плечах.

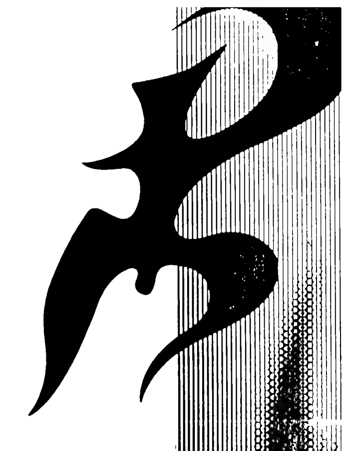
Среди охотничьей добычи сасанидских царей на сосудах — те же самые звери, что выступают как жертвы священных хищников у иранцев (бык, олень, лань, кулан, лев, тигр, барс) и славян (олень, тур, вепрь, лев), как охотничья добыча Митры (олень, вепрь, лев) и Ивана Годиновича (олень, тур, вепрь, лев), как противники солярного героя владимирских рельефов (лев, барс). Видимо, не случайно Владимир Мономах в «Поучении детям» хвалился своими охотничьими подвигами (схватки с медведем, «лютым зверем» — львом, турами, оленями, вепрем). Не случайно на фресках Софии Киевской изображалась охота князя (на медведя, льва, кабана) рядом со сценами терзания и эпизодами торжественного приема княгини Ольги императором.

О сценах борьбы двух всадников со львом уже говорилось. Добавим, что на сасанидском блюде два всадника охотятся на двух львов с солярными знаками на плечах. Тела львов как бы перекрещиваются, образуя солнечный косой крест. А на иранской ткани IX в. по сторонам древа жизни два всадника поражают копьями львов. Это напоминает знаменитый болгарский рельеф IX в.— «Мадарского всадника». Всадник (хан или его небесный покровитель Тенгри-хан) убивает копьем льва. В руке у всадника чаша, а во лбу коня прежде, видимо, было вставлено драгоценное украшение. Это заставляет вспомнить Колаксая с его чашей и сказочных коней со звездой во лбу. Князю-хану и здесь придавался облик солнечного охотника.

Таким образом, славяне и иранцы вкладывали в сцены борьбы животных между собой и с людьми сходный смысл: торжество солярного небесного начала над хтоническим, солнечного бога над солнечными зверями и царя (князя) над его противниками и подданными.

Заметим, что северные иранцы до своих походов на Ближний Восток почти не знали (как и древние индоиранцы) изобразительного искусства. Из сокровищницы ближневосточного искусства они заимствовали многое (в том числе и сцены борьбы животных и охоты). Но не бездумно, а вкладывая в заимствованные образы свое, идущее из древности мифологическое содержание. Скифские цари не подражали восточным владыкам и их

жрецам. Многие шедевры из скифских курганов созданы восточными и греческими мастерами (или их «варварскими» учениками). Но даже они руководствовались вкусами, взглядами, верованиями своих заказчиков. Иначе их изделия были бы не шедеврами, а образцами «шикарной» безвкусицы.

Шамбала, Беловодия и Гиперборея

Странствуя по Центральной Азии, Н. К. Рерих заметил сходство преданий о священной счастливой стране, именуемой у индийцев, тибетцев, монголов Шамбалой, а у русских староверов — Беловодией. Ныне многие видят в ней запрятанную где-то в Гималаях базу инопланетян или обитель мудрецов-экстрасенсов. Но, имея дело с мифами, надо помнить свойство мифологического мышления «приземлять» мифические объекты.

Предания о «блаженной стране» известны многим народам: грекам и кельтам («острова блаженных»), шумерам (Дильмун), китайцам (Куньлунь) и др. Во всех этих странах царит изобилие, богатство, их при-

рода благодатна, обитатели прекрасны, долговечны (или бессмертны), мудры и благочестивы, не ведают преступлений, угнетения, войн. Древние помещали в таких идеальных странах (как и в загробном мире) все то, чем были обделены в реальной жизни. Зачастую «страна блаженных» прямо отождествляется со страной предков или царством богов, т. е. с потусторонним миром. Но ее могут отождествлять и с реальным географическим объектом (Дильмун — с Бахрейном, Куньлунь — с хребтом в Тибете и т. д.).

Сравним сказания о Шамбале и Беловодии с индоиранским мифом о северной «стране блаженных».

Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский проследили его в греко-скифской традиции о Гиперборее и Рипеях, индийской — о Меру и Швета Двипе (Белом острове), иранской — о Хара Березати (Эльбурсе). Добавим сюда иранскую традицию о городе Канг (Кангха, Кангдиз) и славянскую — о блаженных рахманах. На последнюю, отраженную в славянской «Александрии», «Хождении Зосимы» и фольклоре, отчасти повлияли рассказы античных авторов об индийских брахманах.

Индоиранская «обитель блаженных» располагается на севере, за высокими горами (Рипеи, Меру, Хара), на берегу моря либо на острове в этом море. Постоянный эпитет Шамбалы — «северная», в тибетской живописи она изображается в кольце снежных гор. В пуранах Шамбала — остров на озере амриты (а Швета Двипа лежит в Молочном океане, из которого боги до-

были амриту). В записанном Н. М. Пржевальским предании Шамбала — остров в Северном море. Лишь в Джунгарии Рериху говорили о «стране святых» в горах на юго-востоке, да монгольские ламы в горах Шарагольчи (на пути из Монголии в Лхасу) заверяли его, что Шамбала поблизости. Для северных ламаистов Тибет — священный центр. Естественно, что они иногда помещали там и «страну блаженных».

Канг, по зороастрийским источникам и «Шах-наме», находился в Туране (т. е. к северу от Ирана), за морем или рекой, на высокой горе. Рахманы обитают на острове за молочно-белой рекой — Гангом, или Океаном (мировой рекой). Согласно популярной у славян хронике Георгия Амартола, напоминающие рахманов праведники-аскеты живут «у Рипеих гор».

Путь в Беловодию, описанный в сочинениях старообрядческой секты бегунов (странников), начинается на Алтае, идет через степи и высокие горы к морю Беловодскому или озеру Лове: здесь, на островах, и лежит заветная страна. Рериху староверы говорили, что путь этот проходит через опасные соляные озера и высокие снежные горы. В «Сокровенном сказании о Беловодье» (о хождении в Беловодию отца Сергия в 987—1043 гг., записанном в 1893 г. в монастыре на Тамбовщине) путь идет через высокие горы со снеговыми вершинами мимо Белого озера. Монгольские ламы считают признаком границ Шамбалы соляной источник.

В описаниях пути в Беловодию и Шамбалу часто фигурируют подземные ходы и пещеры (что напоминает пещеру Борея в Рипеях); всячески подчеркивается недоступность заветной страны, даже невидимость ее (купцы, идущие мимо Шамбалы, ее не замечают). В «Махабхарате» о северной «стране блаженных» говорится: «И если даже ты войдешь, ты ничего здесь не увидишь, ибо здесь ничего нельзя увидеть человеческим оком». Это явно сближает Шамбалу (Беловодию) с загробным миром, входами в который повсеместно считаются пещеры, обитатели же его невидимы для живых.

Обитатели Шамбалы — мудрецы и волшебники, нередко приходящие в мир для наставления людей. За епископа, поставленного в Беловодии, выдавал себя в XIX в. Аркадий Пигулевский, пытавшийся сколотить собственную церковь. Из Гипербореи явился мудрый шаман Абарис, а Аристею Проконесскому — путешественнику и автору поэмы о Гиперборее и ее соседях — античная традиция придала черты шамана, «одержимого Фебом».

Жители «блаженных стран» благочестивы. Усердно почитают богов гиперборейцы, рахманы и обитатели Меру; Шамбала считается родиной буддийского учения калачакра, а в Канге и Беловодии нерушимо хранят «правильную веру» (соответственно зороастрийскую или старообрядческую).

Гиперборея — любимое местопребывание Аполлона и средоточие его культа. По «Калки-пуране», из Шам-

балы явится Калки (последняя аватара Вишну) — всадник на красном коне, который разгромит силы зла и вернет «золотой век». Эсхатологический красный всадник известен и зороастрийским мифам. Тибетцы отождествляют с Калкиным и Гэсэром правителя Шамбалы Ригден-Джапо. В грядущем он пойдет походом на Лхасу, разобьет врагов «истинной веры» и раздаст народу великие сокровища. Кангом правит бессмертный царь Пешйотан, а его войском командует Хоршед-чихр — третий, «солнечный» сын Заратуштры (соответствующий скифскому Колаксаю). В эсхатологической битве они придут на помощь спасителю — Саошьянту. В 1830-х годах в Сибири ходили слухи: «справедливый царь» Константин (брат Николая I) скоро придет с войском из Беловодии и освободит крестьян. На Алтае Рериху говорили, что люди из Беловодии принесут «великую науку» и тогда чудь выйдет из-под земли с большими сокровищами. Северные русские и коми-пермяки, рассказывая о чуди, ушедшей под землю (похоронившей себя), нередко считали ее своими предками.

«Блаженная страна», таким образом,— обитель солнечного бога, эсхатологического обновителя мира. Вот почему ее порой размещают на востоке (на восходе солнца) вместо севера. Беловодия всегда лежит на востоке и даже отождествляется с Японией. Канг находится на востоке Турана, а страна праведников у Амартола — «у Рипеих гор выше востока». В Мазуринском летописце

XVII в. «Беловодной водой» именуются низовья Оби (лежащие к северо-востоку от коренных русских земель).

Наконец, «блаженная страна», притом с чертами загробного мира, может лежать и на юге. «Блаженные» эфиопы — второй любимый народ Аполлона. Украинцы бросают в реку скорлупки пасхальных «крашанок» (обычной поминальной еды), чтобы те плыли в страну рахманов. Очевидно, та расположена на юге (куда текут основные реки Украины), а сами рахманы — почитаемые предки.

Итак, славянские предания о Беловодии и стране рахманов родственны скифскому и индоиранскому мифу о «блаженной стране» солнечного бога на крайнем севере или востоке. Но не является ли этот миф, хорошо известный античности, общеиндоевропейским или греко-арийским? Видимо, нет. Греки и кельты (но не индоиранцы) размещали «блаженную страну» также на западе — на островах в океане. Античный мир искал «золотой век» в прошлом или настоящем (льстя очередному кесарю). Индоиранцы и славяне ждали грядущего спасителя — воина из заветной солнечной страны.

В легендах о Беловодии не встречаются собственные имена из преданий о Шамбале. Да и не стали бы старообрядцы, щепетильные в вопросах «чистоты веры», заимствовать мифы у «идолопоклонников». Есть, впрочем, данные, что «бегуны» хранили деревянные стелы с тибетскими письменами. К сожалению, востоковеды этих стел не видели. Очевидно, миф о «стране блажен-

ных» у славян — исконный языческий. И заимствован он был от индоиранцев в срубную эпоху (но не позднее, поскольку у осетин — потомков сарматов — таких преданий нет).

Возник этот миф (как и миф о Боге и «антибоге») в результате общения арийских жрецов и финно-угорских шаманов. Вместе с ариями он пришел в Индию, а оттуда — в Центральную Азию. Иногда Гиперборею «приземляют». Видят в ней затонувший остров в Северном Ледовитом океане и ищут на нем или в материковом Заполярье прародину ариев. Но делать это можно, только не считаясь с геологией и археологией. Большие массивы суши на севере тонули лишь при таянии льдов в конце ледниковой эпохи, и выглядела эта суша не лучше Гренландии. А в общеиндоиранскую эпоху (III—II тыс. до н. э.) на севере Восточной Европы жили не арийские пастухи и земледельцы, а примитивные охотники и рыболовы. Не стоит искать Шамбалу — Беловодию — Гиперборею в Гималаях или на дне Ледовитого океана. Идеальные страны существуют лишь в человеческом сознании. Но не стоит и смеяться над «утопиями» и «мифами». Если люди перестают мечтать о лучшем устройстве жизни и стремиться к нему — общество погрязает в самодовольстве и цинизме, деградирует. Это хорошо понимал великий искатель Шамбалы — Николай Рерих.

СОЛНЦЕ — царь на ЗЕМЛЕ

Кто есть царь. Одни считают русских народом с «рабской душой», неспособным к демократии. Другие — народом демократическим и вольнолюбивым. Но прежде чем хвалить или осуждать народ, нужно понять, каковы же его традиции и откуда они взялись.

Чисто республиканской идеологии у восточных славян до Радищева и Сковороды не было. Новгородцы всегда имели у себя князя либо признавали сюзеренитет великого князя Руси, казаки же считали себя подданными и служилыми людьми царя. Даже запорожцы всегда присягали кому-либо из монархов. Но не было в России, и вообще у славян, и представления, что царь всегда

прав (как в Древней Месопотамии). Славяне-язычники не считали богом ни живого, ни умершего царя. Когда в XVII—XVIII вв. российские панегиристы стали в духе барокко величать царя «богом», «божеством», народ, особенно староверы, почел это за кощунство.

Восточнославянское представление о царской власти сродни иранскому: царь — не бог, но правитель Божьей милостью (получающий власть от богов). На Руси, как и в иранском мире, огромное значение придавалось законности власти монарха.

Законный царь должен был, во-первых, принадлежать к царскому роду. В «Шах-наме» Ираном вплоть до 651 г. правят только потомки мифологических первоцарей, начиная с Каюмарса (Гайомарта). Даже Искандер (Александр) объявлялся братом Дары (Дария III). Фирдоуси здесь следовал официальной сасанидской «Книге царей» («Хвадай-намак»). А когда в 1907 г. Россия и Англия разделили Иран на сферы влияния, молва тут же сделала Николая II и Георга V... братьями шаха.

В Древнем Иране царь мог быть избран (представителями всех сословий), но только из царского рода. И в Древней Руси князьями, даже удельными или выбранными вечем, могли быть лишь Рюриковичи. Борис Годунов и Михаил Романов, избранные Земским собором, были родственниками прежней династии. Предводитель народного движения, ставившего общероссийские задачи, непременно выдавал себя за законного

царя (царевича) либо за его посланца. Так делали даже народники («Чигиринский заговор»). Правящего же царя повстанцы считали не просто тираном, но узурпатором.

Во-вторых, законный царь должен быть **праведным**: справедливым, благочестивым, верным отеческим обычаям и божественному космическому и социальному закону (индийская «рита», иранская «арта»). Неправедный царь терял право на власть и подлежал свержению. Именно об этом говорит иранский миф о Йиме-Джамшиде (лишившемся власти и жизни за то, что стал убивать скот или объявил себя богом) и скифское предание о царе Скиле, свергнутом и убитом за измену скифским обычаям. Лжедмитрию тоже ставилось в вину несоблюдение русских обычаев и следование западным (католическим). Позднее старообрядцы верили, что «немецкие» порядки вводил, а русскую веру и обычаи попирал под видом Петра I самозванец-«немчин», подлинный же царь вернулся к старой вере и был за то замучен ложным.

В-третьих, только законный и праведный царь обладает фарном — солярно-огненным воплощением царской власти и удачи. Фарн переходит по наследству, но неправедного царя он по воле богов покидает и переходит к более достойному. Славяне также считали природу царской власти солнечной, о чем будет сказано ниже. И в Иране, и в России верили, что у законного царя есть от рождения особые «царские» знаки на теле.

Убийство царя (кроме разве что неправедного и незаконного) в Иране считалось тяжким грехом. Так же

смотрели на убийство князя (царя) и восточные славяне. Достаточно вспомнить отношение летописи к Святополку Окаянному или к боярам — убийцам Андрея Боголюбского. Побежденных князей-соперников подвергали заточению, иногда тайно отравляли (Дмитрий Шемяка) или принуждали к самоубийству (Владимир Старицкий), но никогда (в отличие от средневекового Запада) не присуждали к смертной казни. Только галицкие бояре в 1211 г. осмелились повесить трех князей — Игоревичей, а в 1213 г.— объявить князем не-Рюриковича — боярина Володислава.

Убийство Аскольда и Дира летопись оправдывает тем, что они «неста князи, ни роду княжа». А Блуда — убийцу Ярополка (брата и соперника Владимира) — покарал, по В. Н. Татищеву, сам Владимир. Даже убийства Петра III и Павла I официально отрицались, а царевич Алексей, сын Петра I, приговоренный судом к смерти, был объявлен умершим от болезни.

В Древнем Иране царь был и воином и жрецом, а в курганах скифских царей оружие соседствует с рогами и другими ритуальными сосудами. В Черной Могиле — кургане черниговского князя X в.— помимо оружия найдены два священных турьих рога. Западные славяне называют «князем» священника (польск. ksiadz, чешск. knez). Иван Грозный и Петр I пародировали церковь (опричный «монастырь», «всешутейший и всепьянейший собор»). Грозный еще и исполнял языческий аграрный обряд — вместе с боярами пахал, сеял и ходил на ходулях,

нарядившись в саван. Не отголоски ли это жреческих функций князя? Один из самозванцев XVIII в. якобы имел на теле «царские знаки» в виде креста и «шпаги» (т. е. атрибутов священника и воина).

Итак, царь у славян и иранцев — священный исполнитель божественного мирового закона. Такой взгляд создавал царю большой авторитет, однако предъявлял к нему высокие религиозно-этические требования, отнюдь не освящая произвола. «И всегда убо подобает царем обозрительным быти, овогда кротчайшим, овогда же ярым; но благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение. Аще ли сего не имея, то несть царь, царь бо несть боязнь делом благим, но злым». Это сказал никто иной, как Иван Грозный.

Царь — солнце праведное. Тезка Владимира Красное Солнышко — болгарский князь-язычник IX в. носил второе имя Хрьсате, близкое к имени Хорса. В «Слове» Игорь и старшие князья-участники похода — величаются «солнцами», а княжичи — «месяцами». «Царские знаки» русских самозванцев якобы имели вид звезды с полумесяцем, креста, двуглавого орла. Это напоминает новорожденного Христа украинских колядок (языческого Даждьбога): с солнцем, месяцем и звездой на теле. Вспомним также Ивана-царевича (того же Даждьбога) с **золотыми ногами и руками**, с месяцем и звездами на теле.

Средневековые иранские источники приписывают «царские знаки» на теле Заратуштре, Шапуру II (IV в.),

правителю Мидии Маргаведжу (X в.). Последний якобы имел **золотые ноги**. Антиох Коммагенский (I в. до н. э.), потомок Ахеменидов и Селевкидов, почитал Митру-Гелиоса-Аполлона. На кургане этого полуиранского царя стояло изображение льва (зверя Митры) с солнцем, полумесяцем и звездами на теле. Напомним, Митра — бог не только солнца, но и света и всех светил, как и Даждьбог.

Не случайна популярность в России «царевичей»-самозванцев. Антон Петров в 1861 г. говорил, что «подлинную» волю принесет «царь младый юный 17 лет, на правом плече золотая медаль, на левом серебряная». В гуцульской колядке у новорожденного Христа на правом плече (или справа на лице) — солнце, на левом (или слева на лице) — месяц. «Одесную» Митры на рельефах — Солнце, «ошую» — Луна. Парфянские и сасанидские цари именовались «братьями Солнца и Луны». На сасанидском блюде жители Прикамья процарапали по обеим сторонам конной фигуры царя символы Солнца и Луны. Они усматривали здесь изображение своего бога — всадника Мир-Сусне-Хума (иранского Митры). Он — самый младший сын верховного бога Нуми-Торума — побеждает братьев в испытании и получает от отца власть над земным миром (подобно Колаксаю).

Молоды, подобно Мир-сусне-хуму, и фольклорные воплощения Даждьбога — новорожденный Христос, Иван-царевич, третий брат. Самозванный «царевич»,

таким образом, выглядел в глазах народа Даждьбогом. Вот почему москвичи величали Лжедмитрия «праведным солнышком». В поверьях и фольклоре славян Солнце — защитник обездоленных, охранитель справедливости, гарант клятв (подобно индоиранскому Митре).

На владимиро-суздальских рельефах царя Давида окружают солнечные звери — грифоны, львы, пардусы. Место Давида могут занимать князь с детьми, возносящийся Александр, Христос (в сценах Преображения, Распятия, Вознесения). У византийских и славянских книжников полет Александра — суетная погоня за знанием и могуществом, греховное стремление сравняться с Богом. А на рельефах и диадемах это — апофеоз княжеской власти. На преславской диадеме, как и на рельефах, Александра (Даждьбога) окружают священные чудо-звери.

Солнечных чудо-животных мы видим и в гербах славянских князей. Таков герб Владимирского княжества — лев. Герб галицких (львовских) князей — золотой лев на голубом фоне — заставляет вспомнить купальские песни о брате Иване и сестре Марье, совершивших инцест и превратившихся в желто-синие цветы Иван-да-Марья. В них нетрудно узнать все тех же Даждьбога и Морану. А герб Перемышльской земли — золотой двуглавый орел на голубом фоне. В герб мекленбургских герцогов (бывших бодрических князей) вошел атрибут Радигоста — бычья голова. В гербе ее часто сопро-

вождают символы солнца и луны. Другой атрибут этого бога в хронике Бото — хищная птица. В мекленбургском гербе с XIII в. фигурирует грифон, а герб Антюрия, легендарного предка бодрических князей,— золотой гриф на голубом поле (согласно геральдисту XVI в. Г. Рикснеру).

Герб Молдовы — бычья голова, звезда и полумесяц — удивительно напоминает мекленбургский. По славяно-молдавским летописям, воевода Драгош, охотясь на тура (зубра), обнаружил прекрасную местность, где жил славянин-пасечник Яцко. Драгош привел сюда романцев, а Яцко — славян. Так и возникло Молдавское княжество. В основе этой легенды, вероятно, все тот же славяно-иранский миф об охоте бога солнца и борьбе его с быком.

Миф о царе-солнце универсален. Не универсальны, однако, те конкретные формы, которые он принимал у славян и иранцев.

Царь трех сословий. В сколотском мифе Колаксай стал первым царем, овладев небесными золотыми дарами. Его старшие братья не смогли взять даров, запылавших при их приближении. От трех братьев произошли четыре «рода»: от Колаксая — цари-паралаты, от Липоксая — авхаты, от Арпоксая — катиары и траспии. Ж. Дюмезиль, Э. А. Грантовский, Д. С. Раевский выявили глубокие иранские корни этого мифа. Три брата и их «роды» воплощают три сословия: жрецов (Липоксай,

авхаты), воинов (Колаксай, паралаты) и производителей (Арпоксай, катиары и траспии). Аналогичные сюжеты есть и у южных иранцев (три сына Заратуштры, Феридуна) и осетин (сыновья Ос-багатара). Сыновья Феридуна и Ос-багатара воплощают не только сословия, но и племена или роды. Сколотские же «роды» — также и племена союза скифов-пахарей. При этом иранцы, вопреки индоевропейской традиции, считали царским сословие воинов, а не жрецов. (Впрочем, и у Фирдоуси наследником Феридуна стал не воинственный Тур, а мудрый Иредж.)

Огненное золото — воплощение не только царского фарна, но и богини огня Табити, ставшей супругой Колаксая-Скифа. Восстановить этот мотив позволяет ряд индоиранских источников. В частности, осетинское сказание о браке Созрыко с дочерью Солнца Ацырухс («святой свет») и индийское — о браке царя Самвараньи с Тапати — дочерью Савитара-солнца. В «Книге деяний Арташира Папакана» князь Папак отдал дочь за пастуха Сасана, увидев во сне, что в дом к тому явились три священных огня (символы трех сословий). Сын Сасана Арташир похитил жену и сокровища парфянского царя Артабана, после чего фарн царя перешел к Арташиру. Согласно Бируни, шах Пероз молился огню, окружив его руками, как бы обнимая.

Третий брат русской сказки напоминает не только Колаксая, но и младшего из трех сыновей Заратуштры.

Этот сын воплощает сословие воинов и зовется Хвара-читра — «солнцерожденный». Как и в русских самозванческих легендах, солнечный царевич от рождения имеет право на царство. Но свою солнечную природу он должен подтвердить, овладев солнечно-огненным воплощением царства.

В индийском царском обряде ашвамедха (жертвоприношение коня) участвовали три жены царя: брахманка — с золотой иглой, кшатрийка — с серебряной, вайшьянка — с медной. Вероятно, «металлические» царства с их царевнами — тоже символы сословий. «Золотая» царица в обряде, однако, принадлежит к сословию жрецов, считавшемуся в Индии главным (хотя цари здесь были воинами-кшатриями). Не случайно овладевает всеми тремя царевнами именно младший брат (как Колаксай — тремя дарами), и лишь затем отдает двух из них старшим. Солнце-царь — повелитель трех сословий, то есть всего общества.

На ежегодном сколотском празднике главный его участник (олицетворявший Колаксая) спал с золотыми дарами, после чего получал столько земли, сколько мог объехать за день. Очевидно, праздник справлялся в начале весны, когда у земледельцев-общинников распределяют землю. Именно весной выходили из подземного царства Даждьбог с Мораной. В сказке же солнечный брат побеждает подземного хозяина (змея, Вихря, Ворона), как Иван-царевич (Иван Годинович) — Кощея, и выводит в земной мир сразу трех царевен. Правда,

в мифе золотые дары происходят с неба. Но и в сказке подземный мир нередко заменяется чудесной горой (т. е. верхним миром), а главный участник сколотского праздника спал с дарами на земле под открытым небом, т. е. приобщался сразу ко всей космической вертикали. Три брата олицетворяют в мифе (судя по их именам) не только три сословия, но и три вертикальных мира.

По украинскому поверью, золото кладов горит огнем (как Колаксаевы дары) в день Пасхи — главного весеннего праздника. В украинской же сказке Бог в этот день дает бедняку огонь, превращающийся в золото.

Солнце, движущееся (согласно мифам) днем по небу, а ночью — под землей, понималось как медиатор и повелитель трех сфер мироздания. А Солнце-царь — как повелитель всех трех сословий, обеспечивающий гармонию и справедливость в обществе (а не просто господство высших сословий над «чернью»). По индоевропейским представлениям, каждое сословие имело свои обязанности перед обществом, права же на тунеядство не имел никто. Считалось, что быть бедным воином или мудрецом почетнее, чем богатым производителем. Общество древних индоевропейцев — варваров энеолита — не знало ни праздных, ни «презренных» сословий.

Судьба Колаксая была печальна: его убили завистливые братья. Этот мотив Д. С. Раевский реконструировал по Валерию Флакку и сцене на знаменитом гребне из Солохи. Здесь два скифа, конный и пеший, напа-

дают на третьего. Конь его убит, и сам он, видимо, обречен. Гибнет солнечный конь, и следом — сам Солнце-царь. У Фирдоуси два старших брата пытаются убить Феридуна и убивают Иреджа. Ведического Триту они бросают в колодец. В восточнославянских сказках эти братья покидают младшего в подземном мире («Три царства»), оставляют в бою со змеем («Бой на калиновом мосту»), просто убивают («Царь-девица»). Такие мифы отражали борьбу сословий за главенство в обществе. Но они же и сдерживали ее напоминанием о грехе первопредков.

Древние индоевропейцы считали главным жреческое сословие, скифы — воинское. А славяне? В «Стихе о Голубиной книге» цари и царицы происходят от головы Адама, князья и бояре — от его туловища («мощей»), крестьяне — от коленей. Совсем как в Ригведе, где брахманы происходят от уст первочеловека Пуруши, кшатрии — от рук, вайшьи — от бедер. По словам Ибн Русте и Гардизи, арабских историков X—XI вв., у славян волхвы («знахари») «господствуют над их царем, подобно хозяевам». И в XVII в. патриарх Никон считал свою власть выше царской, уподобляя себя солнцу, а царя — луне. Но, как уже сказано, жрецом был и сам князь.

В сказке «Три царства» младший брат, муж золотой царевны,— воин, победитель чудовищ, самый храбрый из братьев. В сказке же «Бой на Калиновом мосту» три брата рождаются от царицы, служанки (кухарки и др.) и собаки (коровы, лошади). Здесь Иван

Кухарчич явно олицетворяет третье сословие, а вот Иван Сучич — второе: он самый сильный и отважный из братьев, победитель змеев. И именно он носит черты солнечного Даждьбога. Иван-царевич же тут совсем не похож на отважного солнечного Ивана-царевича других сказок. Видимо, здесь он, как и цари с царицами в духовном стихе, воплощает первое сословие. Главный же из братьев — воин-Сучич (Быкович).

Не случайно Русь приняла православие с характерным для него преобладанием светской (царской) власти над духовной. Русские князья и цари бесцеремонно сгоняли «князей церкви» с престолов и кафедр, подвергали их заточению и казни. В отличие от Запада, ни одному иерарху не удавалось здесь сместить монарха. По преданию, Петр I в ответ на требование церковников сохранить патриаршество показал им свой кортик со словами: «Вот вам булатный патриарх!» Древний спор сословий снова разрешился «по-скифски».

Царь милостью богов. По представлению иранцев, боги даровали царю власть через акт инвеституры: вручение священных предметов, ритуальное питье или рукопожатие. Так, Колаксай (Скиф) получает с неба (или от «Геракла»-Таргитая) золотые дары: плуг с ярмом, секиру и чашу (в сколотской версии), лук, пояс и чашу (в «эллинской»). У саков набор священных даров включал плуг, чашу, копье и стрелу (Курций Руф). В сцене на скифском сосуде из Частых курганов, иллюстрирующем «эллинскую» версию, «Геракл» вручает Скифу лук.

На парфянских монетах лук в руке держит основатель династии Аршак. Царь, конный или пеший, стоит с рогом в руке перед богиней на скифских бляшках, сосудах, рельефах и диадеме из Сахновки. Тот же царь-всадник с рогом стоит перед деревом и алтарем на диадеме боспорского царя Рескупорида (II в.). Конный царь приветствует бога-всадника с рогом на сосуде (роге же) из Карагодеуашха. На сасанидских рельефах Ахура-Мазда (иногда Анахита) вручает царю венец. Антиох Коммагенский на своих надгробных рельефах пожимает руки богам — Митре, Ормузду, Артагну-Веретрагне, Коммагене.

В сказке Таргитаю-Сварогу соответствует Тарх Тарахович, помогающий трем братьям добыть яйца-царства. А на русских вышивках и набойках всадники или пешие цари (в коронах) приветствуют богиню поднятой рукой, часто с сосудом в ней. Заметим, что в таких сценах царь может быть как реальным земным царем, так и мифологическим первоцарем. Мифологическое мышление отождествляет реальное событие (например, коронацию) с его мифологическим прообразом, а исполнителя обряда — с богом, героем, первопредком.

Великая Богиня на главной грани Збручского идола держит рог с накладкой в виде ромба (знака плодородной земли). Такие же накладки — на рогах из Черной Могилы. Саксон Грамматик (XII в.) описывает обряд в храме Святовита в Арконе: жрец брал из рук идола священный рог, гадал по нему об урожае, возливал часть

вина из рога перед богом, а остальное выпивал сам. Возможно, подобный «брудершафт» с богом совершал и черниговский князь-жрец, вкладывая, однако, в него смысл получения власти от божества.

Святовит соответствует Роду, которого и изображал Збручский идол. Но если арконский идол представлял вполне человекоподобного четырехликого бога, то на Збручском идоле Род олицетворяет всю Вселенную, трехъярусную и четырехстороннюю. На небе он воплощен в четырех божествах, главное из которых — богиня с рогом, и увенчан княжеской шапкой. Очевидно, источником княжеской власти считались и Святовит-Род, и Великая Богиня. Подобно этому, скифский царь Иданфирс, по Геродоту, признавал своими владыками лишь Зевса-Папая и богиню огня Табити, сасанидским царям на рельефах венец вручают то Ахура-Мазда, то Анахита, а Антиоху Коммагенскому покровительствуют Зевс-Ормузд и Мать-Коммагена.

Из Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве происходят два шиферных рельефа XI—XII вв. с изображениями парных всадников в нимбах. На одном рельефе оба всадника — змееборцы. Предполагают, что правый всадник (бородатый) — Ярослав Мудрый, а левый — его патрон св. Георгий. На втором же рельефе левый всадник попирает воина в доспехах. В этой паре всадников также усматривают князя (Мстислава Великого или Изяслава Ярославича) и его святого по-

кровителя (Федора Стратилата либо Дмитрия Салунского), а в побежденном враге — полоцкого князя.

Эти рельефы удивительно напоминают сцены инвеституры на карагодеуашхском роге и сасанидских рельефах. И здесь царь-всадник приветствует бога-всадника, при этом оба попирают врагов, как естественных (парфянский царь Артабан V, император Гордиан III), так и сверхъестественных (Ариман). Как и на киевских рельефах, царь обычно стоит справа, бог — слева. На иконе «Богоматерь Азовская» всадник-царь тоже стоит справа, всадник-святой — слева, и оба поражают зверей — льва и грифона, символизирующих взятые турецкие крепости.

Бог-всадник на скифском роге сам держит рог (подобно Святовиту). Этот безбородый бог, очевидно, Митра-Гойтосир. На рельефе из Так и Бостана справа от царя (Арташира II) стоит Ахура-Мазда, вручающий ему венец, слева — Митра. Царь и боги — пешие, но и здесь они попирают лежащего врага (царя кушан). На сасанидском блюде венец царю вручает Митра.

Святые-всадники на киевских рельефах, подобно карагодеуашхскому богу-всаднику, безбороды и стоят слева, князья же бородаты или усаты и стоят справа. Это напоминает уже знакомые нам изображения двух святых всадников, тем более, что нимбы на рельефах имеют и князья. Очевидно, в языческом «чине» слева стоял солнечный бог (действительно, на первом рельефе здесь — Георгий, языческий Ярила), а справа — получающий

от него власть князь, занявший в композиции место громовника (Перуна) и отчасти сопоставляемый с ним. Если же в центре поставить Великую Богиню, то «ошую» ее окажется, как и следует ожидать, князь (громовник), «одесную» — солнечный бог.

Итак, представления восточных славян и иранцев о царской власти были весьма сходны. Царь — земное подобие солярного бога-первоцаря, но не бог. Его власть священна, если сам царь законный и праведный: принадлежит к царскому роду, следует божественному закону, справедлив и благочестив. Власть вручается царю богами (верховным небесным богом, Великой Богиней, богом Солнца) через инвеституру (питье из священного рога вместе с божеством). Природа царской власти и самого царя — солнечная, световая. Царь — воин и жрец, повелитель и покровитель всех трех сословий, гарант социальной гармонии. Отступивший от праведности царь теряет право на власть. Эти представления, скорее всего, были усвоены славянами тогда, когда они тесно входили в систему Скифского царства в качестве племени скифов-пахарей.

Народ ждал не «доброго» и не жестокого, а праведного царя. Идеал, конечно, не демократический (хотя и допускающий выборность царя или князя). Но и не холопский. Царь, слишком не соответствовавший ему, мог кончить подобно Скилу или Лжедмитрию.

ЗАРАТУШТРА, **скифы** И СЛАВЯНЕ

От Ирана и Средней Азии, где сложилось и господствовало до прихода ислама учение Заратуштры, славян отделял массив североиранских племен, чья религия (как и само славянское язычество) была многобожием («дэваясна»), противоположным монотеизму Зороастра. Так можно ли всерьез говорить о зороастризме у славян? Однако же некоторые элементы верований славян оказываются сходными не просто с иранскими, а с зороастрийскими верованиями.

Славянские слова «бог» и «див», как и родственные им иранские (авест. baga, daeva и др.), восходят к общеиндоевропейским «бхагос» (доля, счастье, богатство)

и «дейво» (божество). Но из всех индоевропейцев лишь у славян и иранцев первое слово стало обозначать бога, а второе — злого духа. При этом у обоих народов первый термин сохранил и первоначальное значение. Эта перемена — следствие произведенной Заратуштрой «религиозной революции», объявившей достойным почитания лишь Ахура-Мазду, а остальных богов — «дэвов» — злыми демонами.

Нередко считают, что у индоариев дэвы были богами, а асуры (иранские ахуры) — демонами, у иранцев же — наоборот. Однако в Авесте дэваяснийцы — такие же иранцы, как Заратуштра и его последователи, а не «инородцы». У таджиков Дэва Сафед (Белая Богиня) — не демон, а добрая покровительница прях. У славян тоже Дый и Дивия (Дива) — не бесы, а божества (те же Род и Великая Богиня). У южных славян дивы — злые великаны, но самодивы (вилы) — своенравные существа типа русалок, то добрые, то злые. Неоднозначен у скифов и славян и «див»-грифон. То есть и славяне и иранцы не забыли «дореволюционных» добрых дивов-дэвов.

Но распространилась ли зороастрийская «революция» и на северных иранцев? По мнению В. И. Абаева, сам зороастризм возник в «скифской» (сакской), кочевой или полукочевой, среде. Но учение, осуждавшее набеги, угон скота, кровавые жертвоприношения, было освоено не столько «скифами», сколько оседлыми иранцами. Вот почему пророк начал свою проповедь, вероят-

но, в Хорезме, на сакском пограничье, но добился успеха в Бактрии, после чего был убит кочевниками. Но уже при жизни Заратуштры его приверженцы были в туранском племени Фриана (Ясна 46, 12). Хотанские саки оставили после себя буддийские рукописи. Но до обращения в буддизм эти «скифы» были зороастрийцами: в их языке сохранились зороастрийские религиозные термины. Зороастрийские божества и термины хорошо представлены и на монетах кушан.

По Геродоту, массагеты — ираноязычные кочевники современного Западного Казахстана — из богов почитают лишь Солнце, которому приносят в жертву коней. Хорезмийцы, хотанские саки, памирцы называли солнце именем Ормузда, а пуштуны и некоторые припамирские народы, родственники саков,— именем Митры. В Индии вместе с саками появилась своеобразная корпорация жрецов «мага» (магов). Они практиковали зороастрийские ритуалы и считали своим родоначальником Джарашастру (Заратуштру). Но верховным богом они почитали Михиру (Митру), отождествленного ими с Сурьей-солнцем, а прочих богов — его воплощениями или сыновьями. Михиру-Сурью почитали и эфталиты — ираноязычные кочевники, завоевавшие в V—VI вв. Среднюю Азию, Афганистан и север Индии. Видимо, у сако-массагетов (скорее всего, у части их) укоренился особый толк зороастризма, отождествлявший Ормузда с Митрой.

Не под влиянием ли северных иранцев появился на сасанидских рельефах чуждый ахеменидской эпохе образ Ормузда-всадника? Композиция их очень сходна с изображением на карагодеуашхском роге, где Ормузду соответствует Митра-Гойтосир (хотя между рогом и рельефами — разрыв в пять веков).

У славян этому сакскому Ормузду-Митре соответствует Белбог-Святовит. Кашубы представляли Белбога в виде белого коня, а арконский Святовит — воинственный всадник на белом коне, по ночам бьющийся со своими врагами, и в то же время — «бог богов» и прародитель богов. Индосакский Михира тоже был богом войны, победителем демонов и покровителем коней.

Восточнославянский Род, соответствующий Святовиту, впрочем, бог мирный. Но, судя по Збручскому идолу, все или хотя бы главные боги считались воплощениями этого владыки Вселенной, в том числе и солнечный бог (Даждьбог), и воинственный конный бог (Перун).

«Чистого» же монотеизма славяне не знали, как, впрочем, и иранцы. Уже Заратуштра дополнил образ Ахура-Мазды «бессмертными святыми», скопированными с главных иранских богов, а позднее зороастрийские жрецы под именем язатов («достойных поклонения») вернули в пантеон нескольких старых «дэвов» (Митру, Анахиту и др.). А в иных толках зороастризма, как и в религии Ахеменидов и римском митраизме, почитали даже... Аримана. Плутарх рассказывает, что персидский царь, узнав об изгнании Фемистокла, помолился Ариману,

чтобы тот и дальше учил афинян изгонять лучших сограждан.

Языковеды выделили большой пласт славяно-иранских схождений (изоглосс). Это — слова из сферы религии, морали, права, медицины: Сварог, Хорс, Вий, Рарог, Симаргл, бог, див, ящер, вера, ирий (рай, страна, куда улетают перелетные птицы и души умерших), рай, небо, святой, ватра (огонь), вопить, ворожить, гадать, гатать (заклинать — близко к иранскому «гата»), жертва, могила, писать, слово, чары, чаша, благо, зло, каяться, мудрый, сором, честь, -вет («извет», «совет», «вещать» и т. д.), вина, рота (клятва), гой (здоровый), хворый, мир. Все эти слова — общеславянские. Родственны иранским также польские термины «szatrzyc» (колдовать), «poczwara» (чудовище).

Некоторые из этих слов известны (в иных формах) и другим индоевропейцам. Религиозные термины могли распространяться от иранцев также к германцам и балтам (в эпоху «скифо-европейских изоглосс» или позже, когда восточные балты граничили с иранцами, сарматы проникали в Польшу, аланы — в Западную Европу, а готы — в Причерноморье). Или восходить к индоиранской эпохе, но усваиваться славянами уже от иранцев (например, имя Сварога).

Весь этот набор изоглосс невольно наводит на мысль о жреческой корпорации, занимавшейся пропагандой религиозных, этических и правовых идей, а также врачеванием. О зороастризме ее (как у индо-сакских мага)

заставляет думать то, что среди этих терминов есть и специфически зороастрийские. Во-первых, слова «бог» и «див» в их «послереволюционном» значении. Во-вторых, термин «вера», соответствующий авест. «var» (верить, выбирать веру), «fravar» (исповедовать веру), «varena» (вера), осет. «urnyn» (верить). Родственные германские, кельтские, латинские слова не имеют оттенка «вероисповедание», «выбор вероисповедания». Зороастризм огромное значение придает добровольному выбору веры. Это не свобода совести в ее современном понимании: неверный выбор (в пользу дэваясны или ереси) расценивался как тяжкий грех. Именно о выборе («испытании») вер князем Владимиром говорит летописное предание.

Наконец, не случайно в этих изоглоссах отражен дуализм, как религиозный (бог — див), так и этический (благо — зло, честь — сором). Именно последний играет большую роль в зороастризме. Примечательно родство славянских слов «мороз», «мразь», «мерзкий» и близость их к авест. merezu (мороз, наихудший). По Видевдату (I, 2), суровая зима — создание Анхра-Манью и дэвов.

Как же могли проникнуть зороастрийские представления к славянам? Скифская религия, описанная Геродотом,— типичная иранская «дэваясна». Такова же, судя по верованиям и эпосу осетин, была религия сарматов. Если скифский Папай и осетинский Хуцауты Хуцау сопоставимы с Ахура-Маздой, то точного соответствия Анхра-Манью, «антибога», нет ни у скифов, ни у осе-

тин. Термин «бага» (бог) известен южным иранцам, хотанским сакам, кушанам, согдийцам, но не осетинам. В Северном Причерноморье он представлен лишь именами Багес и Багиос (в надписях). Термин «дэв» у осетин неоднозначен: Авдиуаг — небожитель, авдэвы («семь дэвов») — злые демоны. (Главных богов у скифов и сарматов было тоже семь.) Сакский герой Рустам — упорный язычник и противник зороастризма.

Геродот рассказывает о борьбе вернувшейся с Ближнего Востока скифской орды с оставшимися в Причерноморье скифами, о нетерпимости царских скифов к отступникам от религии предков. За поклонение Кибеле был убит царевич-философ Анахарсис, за почитание Диониса — царь Скил. Уход из Скифии Агафирса и Гелона, братьев Скифа в «эллинской» версии — не просто миф. В VI в. до н. э. в Трансильванию, долину Тисы и левобережную Лесостепь пришло много степных скифов, вскоре осевших и слившихся с аборигенами. Так появились агафирсы и гелоно-будины. Другие степные пришельцы осели в лесостепном Подонье и лесах Прикамья. Одна из этих двух групп, видимо, соответствует «отделившимся скифам». Последние, по Геродоту, откололись от царских скифов и ушли на север.

Агафирсы, гелоны, «отделившиеся скифы» принадлежали к скифской культуре, но в Скифию не входили и царским скифам не подчинялись. Из степи они явно пришли не гордыми завоевателями, а изгнанниками, и вряд ли смогли бы выстоять одновременно против

царских скифов и лесовиков. Судя по всему, в VI в. до н. э. из причерноморской степи вытеснялись ираноязычные роды и племена, наименее воинственные и наиболее склонные находить общий язык с оседлыми народами (фракийцами, балтами, финно-уграми и др.). Идейным знаменем этой «чистки» служила ортодоксальная дэваясна — «государственная религия» царских скифов. Не трудно понять, что ожидало в такой обстановке возможных приверженцев зороастризма. Вероятно, тогда и исчез у скифов и сарматов древний миф о двух демиургах, занимавший столь важное место в зороастрийской мифологии.

А что же славяне? Среди них, в правобережной Лесостепи, также осело немало степняков, придавших их культуре скифский облик. Но скифы-пахари вовсе не делились на надменных иранских завоевателей и забитых славянских рабов. Два народа быстро слились в один, и царским скифам приходилось считаться с панцирной конницей и мощными укреплениями городищ своих лесостепных подданных.

Не тогда ли пришли к славянам таинственные проповедники зороастризма? Из четырех сколотских сословий-племен жреческим племенем были авхаты (скиф. vahuta — «благие»). Их предок Авх (Липоксай) — старец со жреческой повязкой на голове у Валерия Флакка. Такими жреческими племенами в Мидии были маги, а в Палестине — левиты. Именно маги усвоили и переработали учение Заратуштры и сделали его

государственной религией Ирана. Плиний Старший трижды упоминает авхатов: среди сакских племен, в числе скифских племен, перешедших Танаис, и, наконец, в истоках Гипаниса (Южного Буга).

Вероятно, авхаты были сако-массагетским племенем, еще в Азии усвоившим зороастризм (или, скорее, его элементы). Позднее они пришли вместе со скифами в Причерноморье, а затем были вытеснены в Лесостепь. Там авхаты слились с праславянами (скифами-пахарями) и оказали на их мировоззрение глубокое влияние, пережившее гибель Скифии и распространившееся также на западных праславян. Учение, противоречившее воинственным идеалам кочевой знати, было, как и на Востоке, лучше усвоено оседлым населением.

Разумеется, религия авхатов или испытавших их влияние славян — это не учение Гат и не классический зороастризм. Так, у славян не прослеживаются ни память о Заратуштре, ни зороастрийский погребальный обряд (с очищением стервятниками костей умершего от мяса). Народные представления славян об аде, рае, Страшном суде трудно отличить от христианских (в свою очередь восходящих к зороастрийским). Не стали славяне и монотеистами. Однако на Збручском идоле все мироздание и все боги (не исключая злого подземного бога) — воплощения или аспекты Рода. Это уже напоминает теологию Гат, где Ахура-Мазда создает весь мир (а не только все доброе) и порождает обоих борющихся духов — святого (Спента-Манью) и злого (Анхра-Манью).

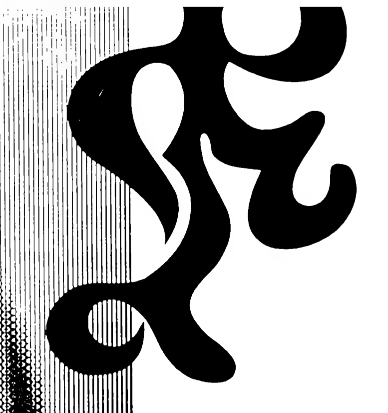
Но, как и в Иране, жреческая теософия не совпадала с народной мифологией: в славянских космогонических легендах Бог творит лишь благое, Сатана — злое (так же, как Ахура-Мазда и Анхра-Манью в Младшей Авесте). Хотя образ типа Ахура-Мазды в Гатах или Зервана, видимо, был и у славян (Поренут, «третий демиург»).

Мировые религии («религии откровения») нередко усваиваются народами, стоящими на грани варварства и цивилизации. Именно таковы были праславянские скифы-пахари и их степные ираноязычные соседи.

Были ли славяне знакомы с классическим зороастризмом Ирана? Таинственная Голубиная (глубинная) книга русских духовных стихов напоминает Бундахишн («Творение глубины») — священную книгу сасанидской эпохи. Обе книги в форме диалога повествуют о создании мира и человека. В обеих из частей тела первочеловека создаются части Вселенной. Этот миф — общеиндоевропейский. Но представления о книге, излагающей космогонию, не могло быть не только у древних индоевропейцев, но и у скифов и сарматов, не знавших письменности.

В VI—VII вв., по арабским и русским источникам, русы воевали в Дагестане с персами. А в IX—X вв. славяне и русы то нападали с моря на прикаспийские земли, то ездили через них торговать в Багдад (и даже в Индию и Китай). Тогда, в VI—X вв., и могли славяне ознакомиться с Бундахишном (видимо, в устном пересказе).

Ни одной рукописи Голубиной книги не найдено. Нет ее и в списках «отреченных» книг. Лишь калики перехожие пели о загадочной книге. Творцы и хранители сказаний о ней явно отдавали предпочтение устной традиции перед письменной. Ведь и сама Авеста долгое время существовала лишь в устной форме. Но, быть может, славянские жрецы создали и письменный пересказ-переработку Бундахишна? Хотелось бы надеяться, что он еще будет открыт.

ЧТО же **переняли** СЛАВЯНЕ от иранцев?

В поисках следов иранства в славянском язычестве мы странствовали по многим векам и народам, заходили в избы и соборы, вглядывались в скифское золото и крестьянские вышивки. Оказалось, свет из иранского мира пронизывал всю духовность и культуру славян. Попробуем теперь обрисовать общую картину проникновения иранских религиозных элементов к славянам.

Уже в «срубную» эпоху славяне могли заимствовать у иранцев такие мотивы, как богиня на колеснице с двумя конями, старуха — богиня дождя, первочеловек — кузнец и пахарь (Сварог), близнецы-демиурги (Белбог и Чернобог) и их отец (Поренут), злой подземный бог ветра (Вий-Стри-

бог), бог Солнца на льве, солнечный лев с мечом, «страна блаженных» (Беловодия). Многие из этих мотивов могли проникнуть и в скифскую эпоху: Сварог (от алазонов и каллипидов), Белбог и Чернобог (от авхатов), Вий-Стрибог, Беловодия. Образы солнечного бога на льве и солярного льва с мечом могли быть усвоены и от киммерийцев, а богини на конях — от сарматов. От киммерийцев или скифов могли быть заимствованы образ богини среды, мотивы погребения и воскресения громовника («Михайло Потык»), меча громовника.

Больше всего (не считая упомянутого выше) переняли славяне от скифов. Это — многие черты образов Великой Богини (крылатая змеедева, богиня на оленях, богиня земли и воды), Даждьбога (сын собаки или золы, космический охотник, воин с топором), богов-близнецов (громовник и солнечный бог — спутники Великой Богини; борьба близнецов со львом и львицей), Яги (богиня войны и ремесел), образы священных зверей (лев, грифон, Симаргл, солнечный дракон, грифозмей, двуглавый орел, гриф, золотая рыба).

Особенно охотно перенималось то, что освящало царскую власть и сословный строй: мифы о Свароге и его трех сыновьях, о Даждьбоге и обретении им золотых даров и божественной супруги, сцены терзания животных и борьбы человека с животными. От скифов же была заимствована иранская концепция царской власти. В скифское же время славяне усвоили (через авхатов) ряд элементов зороастризма.

Немного переняли славяне от сарматов: образ богини на колеснице (возможно, усвоенный ранее от «срубников»), одно из имен бога Солнца (Хорс), отождествление прибогов Великой Богини с близнецами-всадниками. От разноэтничных последователей культа «дунайских всадников» и митраизма славяне заимствовали некоторые детали этого «чина» и, возможно, миф об охоте солнечного бога (или его детали). От южноиранских зороастрийцев был заимствован в VI—X вв. мотив «глубинной» космогонической книги.

Проникновение к славянам некоторых иранских мотивов и образов (пляшущий солнечный бог, длинные руки солнца, его атрибуты — ложе, золото и пурпур, «великое солнце», Рарог) датировать трудно.

Славяне отнюдь не были «дикими» и бездарными подражателями иранцев, не видели в них «высший», «священный», «избранный» народ. Больше всего славяне перенимали у таких же «варваров» — степных иранцев и меньше всего — у цивилизованных римских митраистов и зороастрийцев Ирана. В условиях перехода от варварства к цивилизации особым «спросом» пользовались иранские верования, освящавшие царскую власть и систему сословий.

Во многих случаях заимствованное наслаивалось у славян на свое, восходящее к общеиндоевропейской эпохе. Часто поэтому перенимались не целые мифологические образы, а отдельные их элементы. Кое-что заимство-

валось и иранцами у славян (миф о небесном плуге, образ Уастырджи-Ярилы).

Богатая история славяно-иранских связей еще раз подтверждает: успешнее всего развивает свою культуру народ, умеющий пройти между Сциллой ксенофобии и Харибдой «чужебесия». Такому народу при всей его самобытности есть что сказать миру, чем обогатить культурную сокровищницу человечества.

Д. Дудко

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАРАТУСТРА
УЧЕНИЕ ОГНЯ. ГАТЫ И МОЛИТВЫ

Ответственный редактор *М. Яновская*
Редакторы *И. Евса, Ю. Кулишенко*
Художественный редактор *А. Пилипенко*
Компьютерная верстка *Ю. Кулишенко*
Корректоры *И. Желанникова, И. Коновалова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.01.2002.
Формат 70×100 1/32. Гарнитура «Академия».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,15.
Тираж 6000 экз. Заказ 2405

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подьезд 3.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@ eksmo.ru

ISBN 5-04-009370-5
9 785040 093700 >

ББК 86.3
З 34

Дизайн книги *А. Пилипенко*

Серийное оформление, оформление переплета *Е. Шамрай*

Предисловие, биографические статьи, комментарии подготовлены *А. Шапошниковым*

Поэтические переводы выполнены *И. Евсой*

Послесловие «Свет из иранского мира» *Д. Дудко*

З 34 **Заратустра.** Учение огня. Гаты и молитвы. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 496 с. (Серия «Антология мудрости»).

ISBN 5-04-009370-5

XXI век — эпоха дайджестов. Когда-то друиды постигали тайны своего учения на протяжении двадцати лет. Сейчас количество мудрых книг неизмеримо возросло, но на их чтение уже просто нет времени. И мы познаем Новый Завет — по экранизациям, песням и музыкальным постановкам, Ветхий Завет — по мультфильмам и Библии в картинках, учение пророка Заратустры — по всем известной работе Ницше.

На самом деле Заратустра «говорил» совсем о других вещах. То, что к утешению его верой прибегали «убогие и сирые» — это не удивительно. Но слову пророка внимали и «сильные мира сего» — а это явление очень редкое в истории. Именно зороастризм заложил основу религиозно-философской системы первой мировой империи в истории цивилизации — Персидской.

Религия зороастрийцев со временем уступила место более современным культам, на которых выросли империи христиан и мусульман, а вот интерпретация мира, предложенная Заратустрой и уже не отягощенная ритуальными рекомендациями, по-прежнему представляет большой интерес. Главное ведь не как, а что говорил Заратустра.

ББК 86.3

ISBN 5-04-009370-5

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
ПРОПОВЕДЬ
ГАТЫ
МОЛИТВЫ

Личность Заратустры открывается сегодняшнему читателю в трех ипостасях: исторической, мифической и реальной. Суть послания пророка человечеству такова: существует два мира, данных нам в ощущениях, — мир телесный, вещественный, и мир бестелесных сущностей. Первый — преходящ, был сотворен и будет разрушен. Второй — непреходящ, вечен и неуничтожим; он — причина и основа бытия. Так говорил Заратустра...